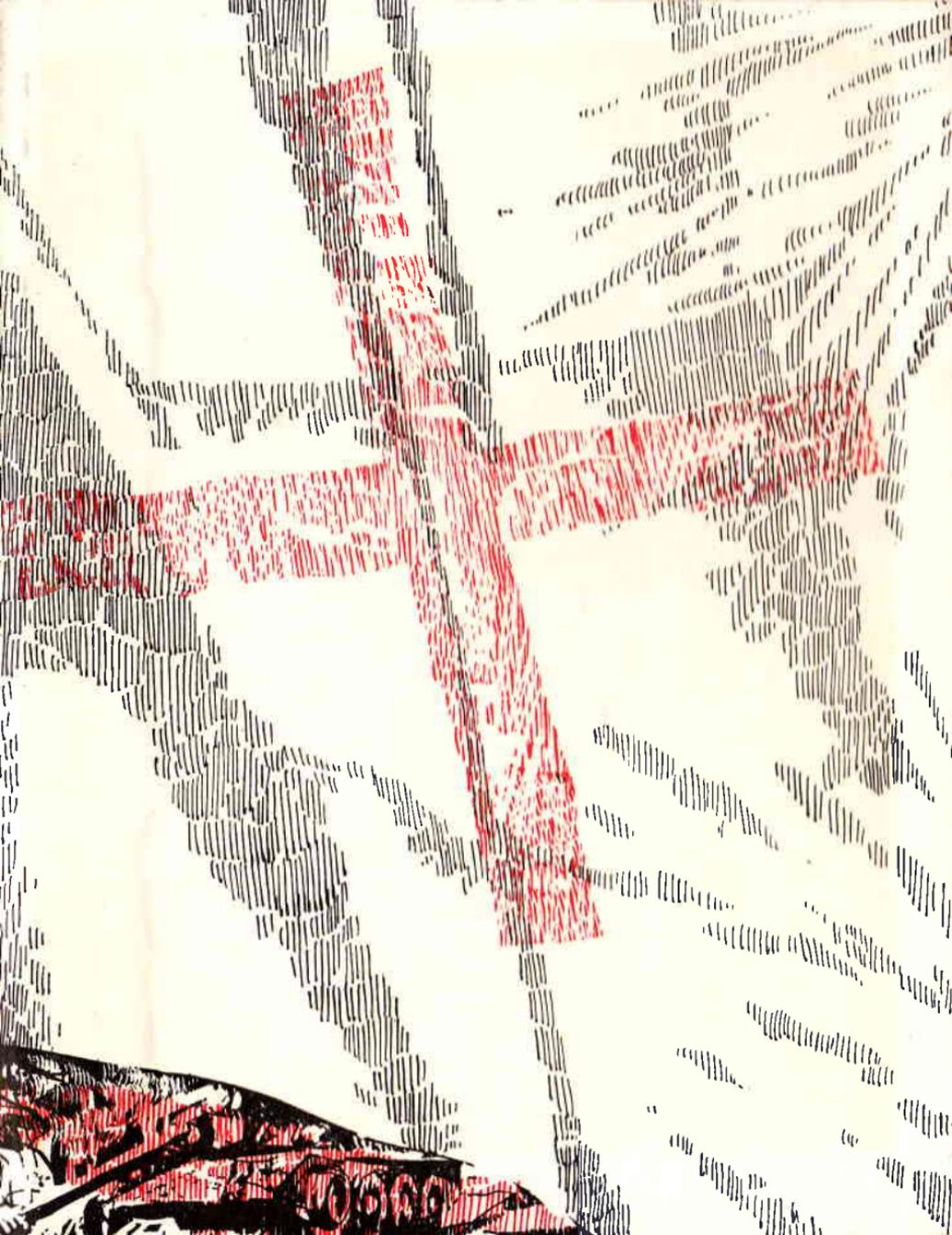

Л. БУТКЕВИЧ

СОЛДАТЫ
МИЛОСЕРДИЯ

НА ФРОНТАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ РАБОТАЛИ БОЛЕЕ 200 ТЫСЯЧ ВРАЧЕЙ И ОКОЛО ПОЛУМИЛЛИОНА ЧЕЛОВЕК СРЕДНЕГО МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА.

ОНИ ВОЗВРАТИЛИ В СТРОЙ 72,3 ПРОЦЕНТА РАНЕНЫХ И 90,6 ПРОЦЕНТА БОЛЬНЫХ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ...

УСПЕХИ ЭТИ ПО СВОЕМУ ЗНАЧЕНИЮ И ОБЪЕМУ РАВНЫ ВЫИГРЫШУ КРУПНЕЙШИХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ СРАЖЕНИЙ.

Л. БУТКЕВИЧ

СОЛДАТЫ МИЛОСЕРДИЯ

Записки
фронтowej
медсестры

Пермское
книжное
издательство

1987

Автор этой книги — Любовь Алексеевна Буткевич — в годы Великой Отечественной войны была медицинской сестрой хирургического полевого подвижного госпиталя, входившего в состав 38-й армии 1-го Украинского фронта.

Вместе с боевыми товарищами прошла огненными дорогами от Курской дуги до Германии, Польши и Чехословакии. Награждена многими медалями.

О фронтовых буднях медицинских работников рассказывается в этой книге.

Составление, оформление,
© Пермское книжное издательство, 1987.

Б $\frac{0505030202-24}{M152(03)-87}$ Без объявл.

Прошло более четырех десятилетий со Дня Победы над гитлеровским фашизмом, а время не в состоянии выветрить из памяти пройденное и пережитое в суровые годы войны, в годы нашей юности.

Я часто беру в руки небольшую записную книжицу с пожелтевшими от времени листочками и просматриваю записи, сделанные мной в 1943—1945 годах. Это не дневник. Там указано лишь место и время дислокации нашего ХППГ — хирургического полевого подвижного госпиталя № 5148, входившего в состав 38-й армии 1-го Украинского фронта и прошедшего по дорогам войны от Курской дуги до западных границ освобожденной Родины и дальше — через Польшу и Германию до Чехословакии, где продолжалась освободительная миссия войск Советской Армии. И на каком бы названии населенного пункта ни останавливался взгляд, моментально всплывало в памяти былое.

Однажды зародилась мысль изложить воспоминания на бумаге. Получилась солидная тетрадь в шестьсот листочков. Позднее задумалась: может, стоит описать подробней работу медперсонала в полевых условиях? К сожалению, о военных медиках пишут не так уж часто. В военных мемуарах и художественной литературе авторы, бывает, отводят им всего лишь несколько строчек.

При подробном описании появилась необходимость уяснить кое-какие события. В этом помогли мне воспоминания командующего 38-й армией К. С. Москаленко, командующего 1-м Украинским фронтом Маршала Советского Союза И. С. Конева и краткая история ХППГ-5148, копию которой передали мне родные Клавдии Степановны Еговцевой, бывшего медстатистика-делопроизводителя госпиталя. Были беседы с друзьями, с ветеранами 38-й армии. Консультировалась я и в совете ветеранов нашей армии.

Так сложилось повествование о солдатах милосердия. И этот не легкий многолетний труд я посвящаю своим друзьям, подругам-спутницам по длинным и опасным дорогам Великой Отечественной войны.

Л. Буткевич

НА ФРОНТ!

В Кировском райвоенкомате Перми многолюдно, шумно. Сегодня здесь больше, чем когда-либо, девушек — будущих моих товарищей.

Одну за другой называли наши фамилии, приглашая с родителями на беседу к военкому. Молодой лейтенант, приоткрывая дверь кабинета, четко произносил:

— Гладких!..

— Драченко!..

— Никулина! — необычно громко, как показалось, прозвучала моя фамилия.

Я вздрогнула. Что-то сейчас будет?!

Мама и папа вошли вместе со мной в просторный кабинет военкома.

— Присаживайтесь, — указал на стулья лейтенант.

Из-за стола поднялся высокий плотный человек в военной форме с двумя шпалами в петлицах. Привычным движением поправив гимнастерку, он подошел к нам.

— Уважаемые отец и мать, ваша дочь идет на фронт добровольно. Подавала несколько заявлений, уверен, что она вам в этом деле не призналась. Что вы, родители, на это скажете?

Я стояла рядом с солидным военным и чувствовала себя очень неловко оттого, что этому серьезному и занятому человеку приходится терять время на какую-то упрямую девчонку. А вдруг еще с мамой плохо станет или заплачет и скажет: «Не пущу!» Что тогда? Да и военком может повторить уже знакомые слова: «Еще подрасти придется. Уж больно ростом мала!» Мысли мелькали разные.

Мать с отцом удивленно посмотрели на меня. Спрашивали взглядом: «Так ли это на самом деле, как сказал военком?» Помолчали.

— Сама решила — и, наверное, правильно решила. Пусть идет с богом, — тихо и покорно проговорила мать.

Отец молчал. Трудно было угадать, что творилось на душе у старого солдата и как оценивал он мой поступок.

— Спасибо, мамочка. Простите, пожалуйста. Не могла сказать вам об этом раньше, не хотелось волновать.

Я понимала, каких усилий стоило матери, чтобы произнести слова «пусть идет с богом», потому безмерно была благодарна ей и горда материнской поддержкой.

Немного времени спустя все тот же лейтенант, выйдя из кабинета, зачитал список фамилий, где значилась и моя, и скомандовал:

— На выход, стройся!

Наскоро прощаюсь с родителями. Пристраиваюсь в шеренгу.

— По порядку номеров рассчитайсь!

— Первый!..

— Шестой!..

— Пятнадцатый!..

— Старшей назначается Гладких!

— Есть! — ответила Гладких.

Пока наш путь лежал к железнодорожной станции Нижняя Курья. Посмотрела на девчат: с кем бы из них познакомиться и подружиться? Но все они шли уже попарно, оживленно разговаривая и казались такими серьезными, что не подступиться. К великой досаде, я ростом оказалась меньше всех своих спутниц. «Ну и пусть!» — подумала я и зашагала одна, уже воображая себя солдатом на марше.

— Под-тя-ни-ись! — скомандовала Гладких.

Командирша понравилась всем с первых минут похода. Среднего роста, коренастая, с карими смеющимися глазами и длинными лохматыми ресницами. Одета в ватник, серую пуховую шапку с длинными ушками, походный вид

дополнял вещевой мешок за спиной. Еще бы ей брюки — и сошла бы за веселого, озорного парня-подростка.

— Рота, слушай мою команду: под-тя-нись! И давайте знакомиться. Меня Шуркой можете звать, — произнесла она.

— А я — Оксана Драченко, — назвалась миловидная девушка в форменной одежде ФЗУ — черной шинели с блестящими пуговицами и берете, из-под которого выбивались русые кудряшки.

— Оксана, а ты родом откуда? — полюбопытствовала Шура.

Тому, что украинская девушка оказалась на Урале, удивляться не приходилось, ведь сюда эшелонами прибывали эвакуированные с юго-западных областей. Просто захотелось уточнить, где родина Оксаны.

— Нас с ремесленным училищем эвакуировали с Николаевской области.

— А что, в этом училище медицине тоже учат?

— Да нет, — смеется Оксана. Кивнув на подруг, одетых в такую же форму, она объяснила: — Это мы с девочками на фронт захотели попасть и окончили курсы медсестер.

— Добровольцы, значит? Молодцы!

Рядом с Оксаной шагала подруга по училищу Валя Бабынина, очень привлекательная девушка, со светлой обаятельной улыбкой. При разговоре она кокетливо накручивала на указательный палец длинные темно-каштановые локоны.

— А угадайте, кто я? Без меня вам, пожалуй, не обойтись, а со мной не пропадете, — рассмешила высокая, тоненькая, как тростиночка, девушка.

Мы с любопытством посмóтрели на нее.

— Ни за что не угадаете. Парикмахер я, Люська Гузенко.

— Докладывай, откуда такая?

— Родом я из Харькова. Окончила профтехучилище и приобрела специальность парикмахера. В Перми оказалась

по вынужденной эвакуации. Какие еще ко мне будут вопросы?

— Пока все ясно, — за всех ответила Шура.

Люся оказалась жизнерадостной девчонкой. Знала множество каких-то забавных историй, рассказывая их, задорно смеялась, заражая смехом и нас.

Подошла ко мне командирша, сдвинула на глаза берет и сказала:

— А это Любаша Никулина. Ну, солдатик, небось уже устала? — И, не дожидаясь ответа, произнесла: — Я твоих родителей знаю давно. Сегодня с мамой разговаривали. Она просила взять над тобой шефство. Принимаешь?

— Принимаю, конечно, — обрадовалась я.

— Вот и хорошо.

— Девочки, а посмотрите, как они похожи друг на друга, как сестры, — заметила Оксана, — даже косички одинаковые.

— Так мы же сестры и есть. Только медицинские, — шутит Шура.

Перезнакомились. Оживился разговор. Нам было по семнадцать — двадцать лет. Настроение у всех было хорошим. Казалось, никто не задумывался о дальнейшей цели своего похода. О том, что ожидает каждую впереди, в каких условиях предстоит жить и работать.

— Ну, друзья, чтобы не заскучать, давайте споем, — не унималась командирша.

Девушки молча, выжидающе посматривали друг на друга. У меня настроение было превосходным, и я осмелилась запеть:

Расцветали яблони и груши...

Поплыли туманы над рекой...

Девчата дружно подхватили песню, подтянулись, подстроились и зашагали в ногу, как настоящие солдаты.

С песнями ехали и в поезде. Не заметили, как добрались до областного центра, где предстояло сформиро-

ваться, пройти необходимые военные науки, прежде чем отправиться по назначению.

Пермь. Улица Островского, 70. Несколько длинных барачков, находящихся почти на окраине города, были наполнены шумом и гамом. Из одного барака доносилось нестройное пение без музыки, из другого слышна музыка без песен.

Идем по узкому длинному коридору в штаб-комнату под номером «восемь». Нас то и дело толкали спешившие на выход девчата или перегонял кто-то на большой скорости, и потому с трудом удавалось протискиваться вперед.

Кто-то заиграл на гитаре с переборами.

— Ого, артистов много! Весело будем жить, — произнесла Валя Бабынина.

На нас зашикали, и мы вынуждены были остановиться у открытой двери, что находилась рядом со штабной. На миг замерли струны гитары, придерживаемые ладонью исполнительницы, затем послышался мягкий приглушенный голос:

Отвори потихоньку калитку
И войди в темный сад...

— Девчата, потом дослушаем. Пошли, — шепнула Гладких.

В просторную комнату, где разместился штаб, прибывали и прибывали люди, как и мы, группами, направленными с разных военкоматов области. Регистрация велась за несколькими столами. Подошли к первому освободившемуся. Капитан, принявший поданное Шурой предписание военкомата, объяснил, что формируется несколько хирургических полевых подвижных госпиталей, в один из которых мы будем зачислены. А кто не любит хирургию, того можно направить в терапевтический.

Мы были уверены, что терапевтический останется в тылу, а с хирургическим непременно попадем на фронт, поэтому попросили зачислить всех вместе в один хирургиче-

ский госпиталь. Да и за дорогу мы успели подружиться, и расставаться нам друг с другом было уже жаль.

Капитан сделал пометку в своих записях, потом на нашем предписании и передал его женщине, сидящей за соседним столом.

— Будем знакомиться. Медстатистик-делопроизводитель будущего ХППГ — хирургического полевого подвижного госпиталя № 5148 — Еговцева Клавдия Степановна, — произнесла молодая женщина, поднявшись нам навстречу.

Клавдия Степановна — невысокая, черноглазая, с двумя длинными распущенными косами. По профессии оказалась учительницей. Чтоб попасть на фронт, окончила шестимесячные курсы медсестер.

— А это начштаба, он же начальник финчасти, лейтенант Крутов, — представила она степенного, медлительного человека средних лет.

Клавдия Степановна записала в книгу все данные каждой из нас, отобрав последний документ, выданный военкоматом взамен военного билета и паспорта. Затем объяснила, что поставила нас на продовольственный учёт, что прикрепляемся мы к столовой одного из госпиталей, который находится на углу улицы Ленина и Комсомольского проспекта, куда должны будем ходить на завтраки, обеды и ужины. Все было ясно. Мы пока свободны.

Вернулись в соседнюю комнату, такую же просторную, где сидели или стояли разные по возрасту люди — молодые и постарше, мужчины и женщины. В центре внимания была исполнительница романса «Калитка». Теперь она пела шуточную веселую песенку, слова припева которой будто бы касались меня:

Я много в жизни потерял
Из-за того, что ростом мал...

Это была старшая операционная сестра формируемого госпиталя Миля Бойкова. Худенькая, изящная, голубоглазая блондинка лет двадцати пяти.

Здесь собрались врачи, сестры и санитарки, лаборантки и фармацевты... Кроме медиков — повара и заготовители продуктов, сапожники и портные, шоферы и множество людей других должностей и профессий, в том числе парикмахер.

Этим людям предстояло сформироваться в одно самостоятельное медицинское учреждение, войти в состав действующей армии.

Кроме хирургических госпиталей, формировались терапевтические, инфекционные и различные спецгруппы, такие, как нейрохирургическая и стоматологическая с соответствующими врачами-специалистами. Конечно же им тоже предстояло работать в полевых условиях, потому что и на фронте народ болел.

С первого дня армейской жизни мы поняли, что очень важное и нужное лицо в нашей части — это старшина. Человек, с которым в первую очередь приходится иметь дело прибывшему. Он, как глава большой семьи, должен проявлять заботу о каждом, принять и ознакомить с порядками, устроить на ночлег.

Наш старшина — Иван Александрович Блохин. Фронтовик. Ему лет за сорок. Грузноватый не по возрасту, малоподвижный. Очень добродушный, внимательный к людям, по-отцовски заботливый. Больше всего он беспокоился, не остался бы кто без обеда. Его распоряжения были уверенны, а замечания справедливы, поэтому все к нему относились с уважением.

Несколько дней спустя состоялась первая встреча и знакомство с руководством госпиталя.

— Начальник госпиталя, майор медицинской службы Темкин Ефим Яковлевич, — представил старшина.

Темкин был среднего роста, лет около пятидесяти, худощавый, внешне ничем не примечательный. Нам показался добрым и очень спокойным.

— Не на курорт едем, — произнес он первые слова. — Работа предстоит жаркая...

Начальник ХППГ-5148
полковник Е. Я. Темкин

Замполит
капитан Ю. В. Таран

Затем поднялся человек богатырского сложения — заместитель начальника по политчасти капитан Юрий Васильевич Таран. Он из Полтавы. Здесь лежал в госпитале, лечился после ранения на фронте. О себе сообщил коротко: политико-воспитательной работой начал заниматься еще в двадцать первом году. Был организатором комсомольско-молодежной работы в своем городе. Он несколько слов сказал об обстановке на фронте, о бдительности.

Далее старшина познакомил с ведущим хирургом — капитаном медслужбы Оксом — и другими товарищами.

Я, как и все девчата, с нетерпением ждала, когда нас обмундируют, когда же мы станем настоящими солдатами. Но вот наконец получили гимнастерки и юбки. Шел холодный метелистый март, и положено было носить еще зимнюю одежду, поэтому нам выдали серые шапки-ушанки, а вместо ожидаемых сапог — ботинки. Не обрадовало меня

и то, что не шинель пришлось надевать, а большой ватный бушлат, в комплекте с которым оказались такие же стеганные брюки. Это вызвало веселое оживление населения бараков.

Девчата примеряли форму, подгибали рукава, запахи-вали полы в полтора раза вокруг себя и затягивались ремнем.

— В общем-то ничего! — пришли к выводу.

Я же в бушлат могла завернуться и два раза, и по длине он был мне все равно, что пальто, да что тут поделаешь. Где подберешь шинель или бушлат для таких солдат, как я?

Потом выдали погоны, а через некоторое время присвоили и воинские звания. Врачи стали капитанами и старшими лейтенантами, старшие сестры госпитальных отделений — младшими лейтенантами, а палатные и перевязочные — старшими сержантами.

Настал день, когда в торжественной обстановке приняли военную присягу на верность Родине. Слова этой торжественной клятвы для меня прозвучали особым законом в жизни. Каждое слово накрепко врезалось в память:

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну...

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара Советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

Я твердо усвоила и то, что «приказ командира — закон», о чем нередко напоминал старшина, и беспрекословно старалась выполнять все распоряжения и приказы старших по званию.

С наступлением дня в части все шло по общему распорядку: в шесть утра подъем, физзарядка, туалет. После

тантрака начинались политические и строевые занятия. Ходили в наряды. Мне нравилось стоять на посту, особенно в ночное время, вышагивать с винтовкой через плечо около охраняемого объекта — вещевых и продовольственных складов или около выстроившихся в ряд нескольких десятков автомашин. Это выглядело совсем по-боевому.

Развертывали свою общественную работу партийная и комсомольская организации, разъясняя важность предстоящих задач.

Комсомольцев среди молодежи оказалось двенадцать человек. Комсоргом избрали самую активную и общительную девушку, Оксану Драченко.

Коммунистов было пока всего три человека. Партгруппу возглавил замполит Таран.

Старшина учил разбирать и собирать винтовку, пистолет, обращаться с гранатой. Я с интересом слушала и терпеливо познавала все премудрости военной науки и строевой службы.

— На-ле-во! На-пра-во! Кру-у-гом! — муштровал Блохин.

— Никулина, выйти из строя!

— Есть выйти из строя! — отвечала я.

— Встать в строй!

— Есть встать в строй!

И надо было усвоить, как правильно выйти и встать в строй.

Но самым важным и главным занятием была для нас медицинская практика. Большинство врачей и сестер не имели опыта. Первые пришли с институтской скамьи, медсестры — после краткосрочных курсов. Да и ранее окончившим не всем пришлось работать в госпиталях. Эти занятия необходимы были именно теперь, чтобы узнать специфику ухода за ранеными, чтобы с началом работы в полевых условиях не растеряться. А потому весь медицинский персонал ежедневно расходился по госпиталям, которые были размещены в зданиях педагогического института по

улице Карла Маркса, на улице Кирова и Комсомольском проспекте.

Наконец формирование и вся подготовительная работа закончились. Объявили, что завтра начинается погрузка в эшелон.

Моя беспокойная мама наведывалась часто. А в этот день еще до подъема приехали вместе с отцом.

— Предчувствие не дает покоя, — сказала она.

— На сей раз, мама, предчувствие тебя не обмануло. Только ты, пожалуйста, за меня не очень беспокойся. Не на передовую еду, а в госпитале буду работать. Ничего со мной не случится.

Отец выглядел усталым, мрачным. Когда мама отошла от нас, он показал мне повестку, полученную вчера, в которой значилось то же, что и в моей: «Явиться в военкомат к девяти утра, иметь при себе пару белья, кружку, ложку...»

Мать об этом еще не знала. Вот оно что! Поняла я настроение отца. Он беспокоился не только за меня, но и за маму. Ей предстоят еще новые волнения.

Повернулась она к нам и увидела знакомый листочек бумаги.

— Значит, тоже уходишь? Ну что же, идите. Провожу. Только помните, что вся моя жизнь проходит в ожиданиях, так не заставляйте ждать долго. — И закрыла лицо руками. Потом, словно спохватившись, произнесла: — Отец, тебе пора уходить. А я останусь. Тебя, быть может, не сразу отвратят.

— Да, я пойду. Видишь, дочь, время какое — и проводить тебя не придется. Ну, до свидания.

— До свидания, папа.

— Возвращайся с победой!

— Непременно, папа, только с победой!

Эшелон для погрузки подан на товарную станцию Пермь II. С утра началась перевозка госпитального имуще-

ства. К вагонам то и дело подходили машины, груженные ящиками с продуктами, мешками, туго набитыми бельем, носилками и другим медицинским оборудованием. Работа кипела по всему перрону.

Справа и слева от наших вагонов размещались коллективы других госпиталей и спецгрупп — наши будущие спутники по военным дорогам.

Мать не уехала домой, как сделали другие родные: часом раньше, часом позже, а расставаться придется.

— Останусь с тобой до конца! — заявила категорично.

На станцию она пришла задолго до отправки эшелона. Уговорила часовых пропустить ее туда, где шла погрузка. Села в сторонке на порожний ящик и наблюдала за происходящим вокруг. И когда я, уловив свободную минутку, подошла к ней, она озабоченно вздохнула:

— Ох, какие тяжести вам приходится переносить. Побереги себя.

— Хорошо, мама.

А сама снова взваливала на спину мешки, под тяжестью которых еле удерживалась на ногах. Не потому, что хотела пренебречь советом матери, просто не то время, чтобы подбирать груз полегче. Надо было спешить. Да и полегче ничего не было.

Как-то сразу прекратилась суэта. Опустел перрон. Все переместилось в вагоны. Только еще раз проверялось хозяйство ответственными за него лицами.

Вот уже руководители госпиталей, собрав отъезжающих, распределили по вагонам. Замполит проинформировал о том, где, в каком вагоне будут находиться начальник эшелона и начальник госпиталя, штаб и походная кухня. Предупредил, чтобы на всем пути следования соблюдались строгий порядок и дисциплина, чтобы не оказалось отставших от поезда.

Неожиданно раздалось:

— По ва-го-на-ам!

Сердце замерло. Спешу к матери.

— Мамочка, дорогая моя, прости, пожалуйста, что доставляю тебе столько страданий! Писать обещаю часто-часто. И сразу же приеду, как только окончится война. Приеду и скажу: здравствуй, мама, вот и я! А война уже скоро окончится. Потерпи немножко.

Знала, что не утешат ее эти слова, не станет легче, но говорила. Наверное, чтобы не молчать. Успокаивала мать, а сама удивлялась ее спокойствию. Она держалась молодцом. Не вздыхала, не плакала. Я знала, что слезы будут потом, когда она останется одна со своим горем. Я уже знала, как плачут матери, проводив на войну сыновей и мужей. Как плачут, получив похоронку. Угадывала и то, о чем думает сейчас моя мама: что видит меня последний раз в жизни...

— До свидания, мама!

— В добрый путь! — произносит она.

Тоскливо на душе. Ужасно жаль стало маму. Ведь ей предстоят еще одни проводы. На третью войну она будет провожать отца, на вторую проводила зятя, а тут еще и я за ними.

Спешу к вагону, чтобы не расплакаться. Мать кивает мне, прижимая ко рту кончик платка. Казалось, этим она сдерживала все, что у нее накипело внутри. Я очень понимала ее состояние и чувствовала, что держится она на пределе своих сил.

Раздался долгий прощальный свисток паровоза. Резко дернулись и поплыли вагоны, постепенно набирая скорость. Кто-то из девчат запел: «Прощай, любимый город...» Песню подхватили хором. А я смотрела на мать. Она не шла за вагоном. Может, не могла, или думала, что теперь все равно не догонишь. Еще раз мелькнула ее маленькая неподвижная фигурка и скрылась за поворотом надолго, надолго...

— По-ско-рей, по-ско-рей! — отстукивают колеса вагона.

Это я их подгоняю. Может, и глупо, но я спешу на фронт. Торжествую, что сбылась моя мечта.

Поезд идет полным ходом.

В нашем вагоне разместились часть врачей, медсестер и санитаров во главе с замполитом. В основном здесь находились работники второго отделения госпиталя.

Вот, задумавшись, сидит заведующая этим отделением, капитан медслужбы Вера Петровна Чигогидзе. Кареглазая, с правильными чертами лица, очень обаятельная. Темные длинные волосы заплетены и уложены на затылке.

О чем она думает? Может, вспоминает первый день войны, когда с группой студентов Пермского медицинского института с утра ушла на пляж и там готовилась к экзаменам? Осуждающе смотрели на них встречные, когда они возвращались с пляжа и, оживленно обсуждая что-то, смеялись. А каким упреком встретила их комендант общестроения: «Перестаньте радоваться — война!»

Последний госэкзамен был отменен. Ребята-однокурсники добровольцами отправились на передовую санитарными бригадами...

Вера Петровна с год работала на кафедре терапии, затем в госпиталях, добиваясь отправки на фронт...

К плечу Веры Петровны прислонилась лейтенант Ирина Васильевна Кабакова, молодая докторша, только что окончившая медицинский институт. Они подружились с первых дней встречи и теперь всюду вместе.

Командиром среднего и младшего персонала, старшей сестрой второго отделения назначена младший лейтенант Валентина Лашук. Ей двадцать лет. Валя — минчанка. С первых дней войны на фронте, была ранена и лечение проходила в пермском госпитале. Как и замполит, после выздоровления снова пошла на фронт. Она уже имела боевые

пограды — орден Красной Звезды и медаль «За боевые заслуги». Мы смотрели на нее с большим уважением и завистью. Но завидного в ее военной биографии ничего не было. В первый же день войны пережила ужас бомбежки, видела смерть и муки раненых.

Валя рассказала, как с началом войны стали формировать медицинские отряды, в одном из которых оказалась и она. Как, проходя по лесной проселочной дороге к месту назначения, внезапно услышали винтовочные и автоматные выстрелы. «Неужели немцы?» — встревожились люди. У них не было при себе оружия, и они вынуждены были переждать, пока стихнет перестрелка. Затем отряд принял решение: выйти на дорогу и присоединиться к любой воинской части. Вскоре услышали шум машины, которая шла в направлении к Минску. Поспешили ее остановить. «Поскорей!» — крикнул сидящий с шофером человек.

Не вся группа успела перемахнуть через борт, когда появившиеся вооруженные люди в плащ-накидках преградили им путь. Раздалась автоматная очередь. Несколько человек остались лежать на дороге. Успевшие забраться упали на дно кузова. Машина рванулась вперед. Вдогонку полетели гранаты...

Это были вражеские десантники.

— Мы и сами себе не верили, что остались живы, — вспоминает Валя.

Тогда, на первом организационном собрании, Валя зачитала фамилии сестер и санитарок, которые вошли во второе отделение. Услышав свое имя, я очень обрадовалась, что оказалась в ее подчинении.

Из нянечек в вагоне была лишь Маша Гуляева. Маша чуть выше среднего роста, на вид сильная русская девушка со здоровым загаром.

А вот исполнительница романсов, старшая операционная сестра Миля Бойкова. Она сразу стала выявлять таланты. Не теряя времени, создала кружок самодеятельно-

сти. Миля — воспитанница детского дома. Веселая, общительная.

Уже несколько часов в пути. Люди устроились на отдых. Кто на верхних, кто на нижних нарах. Всюду разостлана солома. Я свила себе уютное гнездышко под боком у Шуры...

К исходу вторых суток прибыли в Горький.

— Горький, говорят. Пойдем посмотрим, — позвала Шура.

Мы вышли из вагона. Оказалось, здесь только что был налет вражеских самолетов. Еще не улеглась тревога. Тусшат пожары. Переносят раненых. Видим разрушенный и дымящийся вокзал, искореженный пешеходный мост, перекинутый через железнодорожные пути...

Все это нас потрясло. Вот какая она, война-то! Жестокая, беспощадная! Она пришла за сотни и тысячи километров сюда, где живут мирные люди. Она нарушила их покой, нормальную, привычную жизнь.

Вспомнила я, как мы в детстве с ребяташками почему-то боялись самолетов, когда они пролетали низко над селом. Убегали с улицы в дом и прятались. Почему-то большая железная птица внушала страх, хотя никакого вреда не причиняла.

От этих же вражеских «черных воронов», несущих смерть, дети не найдут спасения, а от душераздирающего свиста и взрыва бомбы невозможно избавиться.

Представила в такой обстановке свою родную деревню, единственной улицей растянувшуюся и прижавшуюся к крутой высокой горе. Небольшой домик, поставленный руками отца, огород, где росли маки...

А наверху — бескрайние поля. Перед глазами волнами переливается море поспевающей пшеницы. И внизу — красота!

Напротив нашей усадьбы река делает крутой изгиб, оставляя небольшой мыс, как язычок, берега которого заросли ивой и разным кустарником.

Все это такое родное, дорогое. Ужас охватил при мысли: а вдруг и туда упадет бомба!

А поезд шел все дальше. На остановках мы бегали с котелками за водой, чтобы умыться и напиться. Ходили к вагону-кухне за горячими обедами. В ночное время стояли на постах, вернее, сидели в кабинах охраняемых машин, находящихся на железнодорожных платформах.

На одной из станций рядом остановился эшелон. Из вагонов нетерпеливо выпрыгивают солдаты.

— О, девушки, привет из тыла!

— Эй, гармонист, где ты? Есть возможность потанцевать с дамами.

Ребята подхватили появившегося в дверях вагона старшину с двухрядкой, другие следом тащили табуретку. Ментально сбежались со всех эшелонов любители музыки и танцев. Взлетела пилотка весельчака, и пошел он с припевом отстукивать солдатскими каблучищами.

И девчата не выдержали. Жди, пожалуй, когда еще представится случай повеселиться.

А потом, по заказу, старшина сменил барыню на вальс «Амурские волны». И закружились пары по пыльному перрону.

— По ва-го-на-ам!

И всех как ветром сдуло. Замерла гармошка, но, небрежно подхваченная, словно недовольная обращением с ней хозяина, начала издавать стонущие звуки. И утихла лишь в глубине двинувшегося с места вагона.

— Девушки, позагорайте и за нас! — кричали на прощание ребята, отправляясь первыми.

— Ничего, мы вас еще перегоним!

И верно. На следующий же день наш эшелон догнал вчерашних партнеров по танцам и пошел дальше по «зеленой улице».

— Теперь вы позагорайте за нас! — торжествовали девчата.

Каждый день пишу домой письма. Иногда по два, чтобы отправить одно утром, другое — вечером. Дома их получают в разное время.

Письма пишу веселые, со смешными историями, которых иногда совсем и не было. Это чтобы маме рассеять грустные мысли. Как-то она там поживает, милая моя мамочка? Мне без нее всегда было грустно. В детстве тетя уводила меня к себе всего через несколько домов и оставляла погостить, так я все ночи плакала: «Маму жаль. Как она без меня?..» А когда училась в седьмом классе, школа находилась в соседнем селе, за два километра. Зимой нас отвозили туда на лошадях, а когда река выходила из берегов, сносило мост и луга от села до села затопляло, нас на две-три недели расселяли по квартирам около школы. Так где там, столько дней выдержать в разлуке.

Кругом вода! Страшно! И все равно мы шли напрямую, проваливаясь в ямы и овраги. Так хотелось повидаться с мамой!

А сейчас вот вполне сознательно ухожу от нее. И куда — на войну!

Ах, эти войны! Сколько бед и разлук принесли они родителям. Сколько же перестрадать пришлось за свою жизнь моей матери.

Родилась она в большой бедной семье. С четырнадцати лет испытала подневольный труд.

Несмотря на безрадостную жизнь, мать была веселой певуньей. И познакомилась она с удалым парнем гармонистом Алексеем Никулиным. Полюбили друг друга. Решили пожениться. Но родителям отца невестка нужна была побогаче, и они не приняли молодых.

Проживем без родительского благословения, решили они. Приютились в старенькой пожарной сторожке на краю села, где тоскливо свистел ветер, поддувая в дыры и щели, а по ночам у самого дома выли волки.

Год спустя после замужества мать проводила отца на войну. Шел тысяча девятьсот четырнадцатый.

Более двух лет не было от отца вестей. Считали его погибшим. За это время его одиннадцать раз засыпало землей при взрыве снарядов. И каждый раз откапывали легко или тяжело контуженным. Один раз был ранен в ногу. Дробь, как память о войне, осталась в мышце голени на всю жизнь.

Около года пробыл он в плену у австрийцев. После обмена пленными вернулся домой с большими простуженными ногами, на костылях.

Тяжелое было время. Неурожайные, голодные годы. Многие вынуждены были покинуть родные края, уехать в Сибирь и другие области России. На поиски лучшей доли отправились и мои родители.

Одно несчастье за другим преследовало семью. Тиф, свирепствовавший повсюду, не обошел и их. По дороге в Сибирь мать тяжело заболела. На одной из станций была снята с поезда и помещена в больницу. Долго лежала в бреду.

Врачи не скрывали, что надежды на выздоровление мало. Очень истощен был организм. Отец не мог оставить больную мать на чужой стороне.

Произошло чудо! Наперекор судьбе, на радость семье, она стала поправляться. После ее выписки из больницы они продолжили начатый путь.

Но надежды на лучшую жизнь не оправдались. И тоска по родине не давала покоя. Через год вернулись в родные края.

К тому времени их спасительный уголок — сторожка — развалился. Начались скитания по чужим углам. Некоторое время жили даже в бане.

Баня стояла на самом берегу реки. Там было тепло и спокойно. В предбаннике отец оборудовал мастерскую, где выполнял заказы односельчан. Он за эти годы научился многому: делать ведра, тазы, кастрюли — из жести; стулья, столы — из дерева, шить сапоги и ботинки, катать валенки.

Жизнь была очень беспокойной. На Урале и всюду шла борьба с белогвардейцами. Село несколько раз занимали то белые, то красные, и оно постоянно находилось под огнем.

Отец снова ушел воевать.

Потом и в их село пришла Советская власть. Начались большие события и перемены. Но одни наводили порядок, а другие создавали беспорядок. Нелегко доставалась лучшая жизнь.

А сколько было радости в семье, когда появилась возможность поставить свой небольшой домик! Потихоньку обзавелись хозяйством. Теперь у них было почти все самое необходимое. Пришло время подумать и о получении образования, изучении грамоты.

Отец впервые вывел семь букв, составляющих его фамилию, прямо в мастерской на верстаке. Так буква за буквой научился писать и читать. Мать же тянула «А-а» вместе со своими детьми, первыми школьницами в семье.

Горько было вспоминать прошлое, но родители вспоминали, рассказывая о пережитом. Учили нас трудолюбю, бережному отношению к приобретенному. Сколько помню, всегда были спокойны и внимательны друг к другу, добры к людям.

Помогали нуждающимся, делясь последним зерном перед посевом или куском хлеба перед новым урожаем...

Наступивший в жизни просвет принес им много радости. Но вот опять война и горе...

Долгими днями и вечерами в пути мы разговаривали, узнавали подробности жизни друг друга.

Шура Гладких рассказала, что выросла среди троих своих братьев. Наверное, потому и была по-мальчишечьи озорной. Отец ее был коммунистом с дореволюционным стажем. В тридцатые годы работал колхозным бригадиром в своем селе. Несколько позже стал председателем колхоза, а затем и председателем сельского Совета.

Шура после семи классов окончила двухгодичную шко-

лу медсестер и была направлена в хирургическое отделение районной больницы.

На вопрос Шуры — как я оказалась здесь — коротко ответить было сложно. Хотела стать детским врачом, да окончить успела только семилетку. Наверное, быстро взрослела, потому что все чаще задумывалась о трудностях и недостатках в семье. На шесть человек был один работник — отец. Решила пока пойти поработать, чтобы учебу продолжить поздней. С большим трудом уговорила родителей. И стала я регистратором-статистиком в медпункте заводского рабочего поселка. Научилась не только составлять отчеты, но и делать перевязки и уколы.

И вдруг война!

Почему-то больше стали болеть взрослые и дети. Детский врач не успевала после приема больных ходить по всем вызовам на своем участке. Приходилось зачастую помогать ей. Она подробно рассказала мне о детских болезнях, научила их распознавать. Но основной моей обязанностью была, конечно, статистика.

Я тогда думала: идет война, а я тут отчитываюсь за какие-то единички-палочки. Что за работа! Пойду на фронт.

Но не так скоро и легко осуществилась мечта. Первое заявление в военкомат отнесла в начале сорок второго года.

— Пока не требуется, — ответил военный.

Некоторое время спустя вновь напомнила о себе. Окошечко, куда подавала заявление, было расположено высоко, не по моему росту. Я каждый раз подтягивалась на цыпочки, чтобы повыше казаться военному. Но он все равно приподнимался с места, чтобы посмотреть на меня, и с улыбкой отвечал: «Пока не требуется». Да так бесконечно.

В последний раз я не выдержала:

— Каждый день отправляете на фронт, а мне все отвечаете, что не требуется, — и заплакала.

— Ух ты! Зайди-ка сюда.

Зашла. В кабинете сидело человек пять военных.

— Посмотрите на нее. На фронт собралась, — сказал сидящий у окошечка.

— Сколько лет?

— Семнадцать.

— Когда исполнится?

— Уже исполнилось.

— Неужели? А я бы сказал, что ты учишься еще в третьем-четвертом классе. Что же ты, на фронт собираешься, а растешь плохо? Что думаешь делать на войне?

— Раненых перевязывать.

— Документ есть о том, что медсестрой работаешь?

— Нет.

— Вот видишь, документа нет, и лет мало, и рост неподходящий. Так что советуем тебе еще подрасти и подучиться.

От слез не видела дороги. Злилась на свой рост и на тех военных, которые посмеялись надо мной. И с отчаянием думала: что же теперь делать?!

Несколько дней спустя увидела объявление: «Идет набор на краткосрочные шестимесячные курсы медсестер». Тут же зашла и написала заявление. Приняли. «Теперь-то у меня будет документ!» — торжествовала я.

В нашем далеком от фронта уральском поселке жизнь текла своим чередом. Эшелонами прибывали эвакуированные из юго-западных областей, испытывавшие ужасы войны. Многие из них лишились крова, потеряли при бомбежках и обстрелах в пути своих детей, родных и близких.

Прибывающие размещались в каждую семью жителей поселка. Хозяева, сочувствуя, принимали пострадавших, помогали чем могли, хотя и сами с началом войны жили скудно. Население поселка увеличилось больше чем втрое. Стало гораздо шумней, оживленней, чем в мирное время.

Особенно вечерами становилось шумно и многолюдно около общежитий, где разместили эвакуированную моло-

дежь — учащихся школ ФЗУ. Ребята после трудового дня выходили с гитарой, пели, плясали. До поздней ночи, а то и до утра разносились по поселку веселые голоса, шутки, смех. Они создавали такое веселье, какого раньше не было. А ведь повидали войну. Побывали под бомбами. Многие не знали о судьбе своих семей, оставшихся на оккупированной территории. Возможно, легче было переносить душевную тоску и тревогу, заглушая их показной бравадой. Пожалуй, и взрослые — как коренные жители, так и эвакуированные — таким образом оборонялись от горьких раздумий.

Бытовые неудобства, теснота, жизненные недостатки, сдружили людей — хозяев и квартирантов, — и у них все стало общим. В том числе радости и печали. Вместе провозжали на фронт комсомольцев-добровольцев. Вместе горевали, когда почтальон кому-то приносил похоронку. Радовались каждому письму, пришедшему с передовой, или когда у кого-то из эвакуированных объявлялся потерявшийся в дороге член семьи.

Шли тревожные известия: «...оставили город...», «бомбили Москву...» Разговоры велись такие, будто фашистские самолеты могут прорваться и на Урал. В связи с этим, на всякий случай, на оконные стекла наклеивали полоски бумаги крест-накрест, чтобы уменьшить вибрацию от взрывной волны. Повсюду стали соблюдать тщательную светомаскировку. Поселок погрузился во мрак. Стало тихо и тоскливо.

Жильцы поочередно дежурили с наступлением темноты и до рассвета. Наблюдали, не мелькнет ли в чьих-то плохо замаскированных окнах огонек. Если замечали, сразу же предупреждали об этом.

Начались учебные воздушные тревоги. Медицинских работников перевели на казарменное положение, освободив для этого один из кабинетов медпункта.

Меня перевели на ставку медицинской сестры, хотя я еще не имела соответствующего образования. Сидела с

врачами на приемах и аккуратно выполняла все, что полагалось, но постоянно думала: все равно уйду на фронт! Решение свое держала в тайне.

Шли практические занятия в госпитале. Учили ухаживать за ранеными в палатах, перевязывать, снимать и накладывать гипсовые повязки. Запомнился день, когда вся группа присутствовала на первой операции — ампутации нижней конечности.

Некоторые из девочек не выдержали, ушли из операционной. Руководитель группы просил и меня, побледневшую, выйти, но я отказалась. Решила до конца проследить за ходом операции. Нужно привыкать ко всему сейчас, думала я, там некогда будет падать в обмороки.

Учеба подходила к концу. Преподаватель, который вел в группе военное дело, сообщил, что после окончания курсов, с получением удостоверения, нас поставят на военный учет, что могут отправить и на фронт.

— Ура! — не выдержала я.

После окончания занятий, получив положенные документы, я в тот же день отправилась в военкомат. Подала в окошечко знакомому военному и спрашиваю:

— А теперь сколько еще ждать придется?

— Вот так история! — удивился он. — Теперь-то, пожалуй, скоро вызовем.

Повестка пришла через день — восьмого марта сорок третьего года...

Моя старшая сестра Нина, с которой я вместе жила, заметив необычно приподнятое настроение, недоуменно произнесла:

— Чему ты радуешься? Это же повестка!

По рассказам мужа она уже представляла, что такое война.

— В том-то и дело, Ниночка, что это повестка, которую я ждала целый год.

— Глупая, что ты наделала?! — сокрушалась она.

...Ближе к фронту больше разрушений от налетов и бомбежек вражеской авиации. Вдоль железной дороги чаще встречаются сгоревшие хаты, на месте которых остались лишь полуразрушенные печи с торчащими трубами.

На одном из разрушенных полустанков заметили одинокого мальчика лет семи. Странно было видеть ребенка среди развалин.

Эшелон остановился у семафора. Мальчик спрятался за печь.

— Малыш, подойди сюда, — позвал кто-то.

Но он стоял, выглядывая из засады.

— Иди, не бойся. Гостинцы тебе дадим.

Он подошел, недоверчиво поглядывая на людей.

— Что ты здесь делаешь?

— Играю.

— Ты один?

— Не, с мамкой.

— А где вы живете?

— Там, в огороде, в землянке.

Там, куда он показал, мы увидели землянку и женщину с лопатой в руках. Мать обрабатывала землю.

— Мальчик, вот возьми.

Кто подавал сахар, кто — сухари и шпиг. Мы с Шурой, кроме продуктов, отдали по куску мыла.

— Вот правильно. Молодцы, девчата! — похвалил замполит. — У них сейчас ничего этого нет. Начинают жить заново. Вот передайте еще.

Он протянул мыло и сахар.

— Да, война — это трагедия, — произнес замполит Таран, — разруха и голод, людские страдания и несчастья. И все же, несмотря ни на что, мы должны победить. Непременно. Иначе нельзя. И скажу вам прямо, девчата, что страшновато будет на войне и опасно. Только это не значит, что вам надо бояться, бросаться в панику. Конечно, предстоит побывать вам и под обстрелом и под бомбами, но я верю, что вы сильные и смелые и все невзгоды пере-

несете хладнокровно. Главное в вашей работе в прифронтной обстановке — спокойствие и выдержка...

— По-ско-рей, по-ско-рей! — отстукивают колеса.

Вдоль железнодорожного полотна установлены зенитные батареи с вытянутыми вверх длинными стволами.

Около каждой зенитки хлопочут девушки-зенитчицы. Смотрю на них и завидую: шутка ли, доверен воздушный пост — защита от нападения гитлеровских стервятников.

На одной из остановок бежим к ближайшей зенитке. Наспех знакомимся с девчатами. Узнаем, что на счету этой батареи уже четыре сбитых вражеских самолета.

Девушки шутят и смеются, рассказывая обыкновенные истории военных дней. Все они такие же, как мы, молоденькие, худенькие, хрупкие на вид, но, чувствуется, более сильные духом.

— А можно испытать свои способности — пострелять из зенитки? — прошу их.

Получив разрешение от командира батареи, сержанта Ани, девушки охотно показали, как это делается.

Даю короткую очередь в небо. Встряхнуло. Оглушило. Стоящие рядом девчата вздрогнули и схватились за уши.

— Впервые слышим выстрел зенитки рядом, — оправдываемся.

— По ва-го-на-ам!

В Воронеж прибыли в сумерки. Вокзала здесь давно не существовало. Груды битых кирпичей на его месте. А вражеские самолеты продолжали летать и бомбить станцию, город. Сейчас после недавней бомбежки стоял густой дым.

— Дяденька, скоро поедем? — спросила я у железнодорожника, проверяющего тормоза.

— Может, и скоро, — ответил он неопределенно.

— А бомбят здесь часто?

— Достается. Ни днем ни ночью нет покоя.

— А вдруг и сейчас прилетят? Тогда почему не отправляют эшелон?

— Пути разбиты. Ремонтируют. Да и все поезда враз не отправишь.

— А если мы очень спешим?

— И куда вы все спешите, нетерпеливые?

— Известно куда — на фронт.

— Хотите раньше времени в ад попасть? Не советую торопиться. Еще успеете.

Немного отъехали от станции, как вдруг раздался взрывы. Поезд резко затормозил и остановился.

— Выходи из вагонов! — раздается команда.

А вдоль эшелона летит вражеский самолет. Делает разворот и обратно на бреющем полете. Но не стреляет и бомб больше не сбросил.

— Вероятно, возвращается с задания и боеприпасы уже израсходованы, — высказал предположение замполит.

Паровоз стоял. Мы подошли и увидели метрах в десяти-пятнадцати от железнодорожного полотна три дымящиеся воронки от только что разорвавшихся авиационных бомб.

— Повезло! — произнес машинист. — Еще бы чуть-чуть и... Ну что ж, двинулись дальше?

Мы вернулись в вагон.

Поезд остановился на небольшой станции. В надежде на то, что здесь долго не задержимся, все продолжали оставаться на своих местах. Но несколько минут спустя слышали голос начальника, подошедшего к вагону:

— Хватит бездельничать! Не на курорт приехали! Выноси вещи из вагонов, грузи в машины, да поживее.

Вышли. Осмотрелись: темнота! тишина!

— А где же фронт? — с удивлением произносит Шура Гладких.

Это была станция Чернянка Курской области.

Разгрузку закончили далеко за полночь. Вначале отвозили госпитальное имущество. Потом машины вернулись за людьми. В кромешной тьме в каком-то селе остановились и высадились.

— Получите сухой ужин, перекусите и скорей на отдых, — распорядился старшина.

Захватив во дворе по охапке соломы, мы идем по длинному коридору двухэтажного здания сельской школы, угол крыши которой с частью верхнего этажа снесены снарядами. Мы — это Шура Гладких, Маша Гуляева, Валя Лашук, Люся и я.

Во всех классах раздавались голоса, шуршала расстилаемая солома — всюду было занято. Свободным оказался только угловой класс на втором этаже, где зияла дыра в небо, через которую видны были звезды.

— Ну что ж, неплохо устроились. Свежий воздух и тэ дэ, — одобрила Шура.

— А что будем делать, если дождь пойдет? — забеспокоилась Маша.

— Начнем потихоньку растворяться, — шутит Люся.

— Девчонки, хватит болтать. Жуйте побыстрее свой сухой ужин и — молчок. Скоро уже подъем, — напомнила старшая.

Но мы продолжали шептаться и разглядывать звезды. Определили, что они расположены как дома на небе, на Урале. Нашли Большую Медведицу и Малую...

Усталость взяла верх. Скрылись зияющая дыра, звезды и весь мир...

— Кончай ночевать, не на курорт приехали! — повторяет Шура слова начальника. — Слышите, старшина надрывается: «Подъем!» да «Подъем!»

— Хочешь не хочешь — вставай, девчата, — поддерживает Валя.

— Дорогуши, запомните, что вы теперь не в гостях у мамочки, которая всегда вас жалела, — не отступала Гладких. — Мамочку заменил нам старшина. А он может пожалеть лишь нарядом вне очереди. Так что спал или не спал — подъем! Ел или не ел — становись, шагом марш! Ясно?

Физзарядка на свежем воздухе...

А Лида Богомолова, шеф-повар, уже покрикивает:
— На завтрак, на завтрак, товарищи!

Лида колдовала во дворе около двух больших котлов походной кухни, откуда тянуло чем-то очень вкусным. С шутками и прибаутками она раскладывала по котелкам кашу большой поварешкой с метровой ручкой и просила не забыть явиться за чаем.

До войны в этом школьном дворе звенели веселые голоса детворы. Еще недавно школа была занята фашистами под солдатские казармы, школьный двор обнесен колючей проволокой. Растоптаны и превращены в свалку мусора клумбы. Повсюду валялись ржавые консервные банки, гильзы от снарядов. Здесь жили представители «высшей» расы, считающие себя сверхчеловеками!

В столь мирные когда-то двор и огород ворвался вражеский танк, да так и замер с развороченными гусеницами...

В этом селе мы продолжали заниматься строевой подготовкой, стояли на постах, патрулировали по селу в ночное время. Привыкали к бомбёжкам на расстоянии трех километров. Это каждый вечер бомбили ту станцию, на которой мы разгрузились. С наступлением темноты наблюдали за полетом трассирующих пуль — цветных цепочек, которые летели с разных сторон в одну точку, светящуюся в фокусе прожекторов.

Мы прибыли сюда в начале июня. До исторических событий на Курской дуге было еще далеко. Стояла тишина. Но все же чувствовалась близость линии фронта, вызывая ощущение тревоги.

НА КУРСКОЙ ДУГЕ

Полчища Гитлера в битвах под Москвой и Сталинградом потерпели крупные поражения.

Наш ХППГ-5148 и ХППГ-5149 были направлены на Курскую дугу, в состав 38-й армии.

Первое место дислокации полевого госпиталя — в лесу, в двадцати километрах от Обояни. Здесь не было никаких условий для развертывания госпитальных отделений.

По инициативе командования госпиталя решено начать строительство подземных помещений. Все основные отделы надо было укрыть на глубину до полутора-двух метров. Приемное отделение планировалось на размещение около двухсот человек, а стационар — на четыреста коек, хотя по штату положено всего двести двадцать. Кроме того — санпропускник с дезинфекционной камерой, парикмахерской и моечной, с комнатами для раздевания и одевания после санитарной обработки.

Площадь перевязочной готовилась с учетом на установку двенадцати столов, операционная — на три, шоковая палата — на шесть коек.

Стены в перевязочной и операционной приказано промазать глиной и выбелить, а в палатах-землянках отделать мелким березовым лесом. Полы покрыть деревянными решетчатыми настилами. Все помещения соединить между собой траншеями. Земляные работы завершить в течение двух недель. Служебные и подсобные помещения разместить на поверхности, в палатках.

Не теряя времени, мы приступили к выполнению поставленной задачи. Личный состав разбили на бригады, между которыми шло соревнование за быстрее выполнение работ на своих участках.

Подъем с шести часов перенесли на четыре утра. Сократили перерывы на обеды и ужины. Работу продолжали до наступления глубокой темноты.

Тяжел труд землекопа. С первых же часов у большинства девчонок на ладонях появились мозоли. Потом они лопались. Ломило руки, болело и ныло все. И на отдых времени оставалось совсем немного. Да только это была не беда! Ничего, что уставали до чертиков, все равно вы-

краивали часик еще и на свидание с танкистами, чей корпус дислоцировался рядом, за километр от стройки.

С вечера, казалось, все были на месте, а после отбоя одна за другой уходили и уходили.

Как-то в поздний час заглянул в палатку дежуривший по части лейтенант Крутов. Осветил фонариком и закричал:

— Что такое, где все?

Я очнулась от яркого света, направленного мне в лицо.

— Где все? — повторил начштаба.

В углу палатки заворочалась и заворчала Валя Бабынина:

— Не мешайте спать!

Утром девчата покатывались от смеха, рассказывая, как уходили и как возвращались со свидания. Как кого-то чуть не подстрелил часовой. Но кого — не признались. Темная ночь выручила влюбленных.

Украинские ночи холодны. В палатках, лежа на земле под одним одеялом, замерзали. У меня появилась идея: ложиться с Шурой на один матрац, а в другой влезть обеим и укрываться двумя одеялами. Попробовали. Тесновато было в мешке, зато тепло.

— Если тревога? — засмеялись девчонки.

Некоторые подружки последовали нашему примеру, но все не могли: мешки были узки, и как ни пытались туда влезть, только их разрывали. Бывало, скатывались с узкого и скользкого соломенного матраца, а чтобы вернуться на место, надо было кому-то вылезть из мешка. И среди ночи начинался хохот.

Наконец самая тяжелая, трудоемкая работа была позади.

Сегодня, по распоряжению старшины, мы с Шурой едем в лес на заготовку строительного материала.

Палило солнце. В гимнастерках при физической работе становилось невыносимо жарко. Мы попросили разрешения переодеться в платья, прихваченные из дому. Это бы-

Наш парикмахер
младший сержант
Л. В. Гузенко

Медсестра
старшина К. Е. Драченко

ли нарядные легкие платья. У Шуры голубое с мелкими желтыми цветочками, у меня белое с красными маками.

Посмотрел старшина, покачал головой и говорит:

— Эх, девчата, в театр бы вам в этих платьях, а не в лес за дровами. Да, видно, ничего не поделаешь. Вернесь после победы домой — еще красивее сошьете.

Шура, как заправский лесоруб, ловко подхватила топор, пилу и, уложив их в телегу, уселась рядом со мной.

— Но-о, пошла, дорогуша! — натянула вожжи.

И дорогуша-лошадка повезла нас в лес, подальше от стройки.

Остановились среди молодых берез. Осмотрелись. Стоят они, тоненькие, стройненькие. Подошла к ним Шура, погладила одну, другую и с досадой произнесла:

— Как жаль губить такую красоту! Когда я училась, у школы посадила вот такую же тоненькую березку. Только одну. А спилить сейчас придется без счета. Вернусь домой — насажу много-много!

Прижалась к одной, задумалась, загрустила. В таком настроении я ее видела впервые.

— Перестань расстраиваться. Не мы виноваты, а фашисты.

Спиливали березки, очищали их от сучьев, укладывали на телегу, связывали воз веревкой и подвозили к месту стройки.

Другая бригада сколачивала решетки для земляного пола, третья — взамен кроватей, которых было маловато, плела из лозы маты, чтобы уложить их потом на козлы, вбитые в землю. Этой последней, тоже необычной для нас, работой сейчас занялись все — от врачей до штабных работников. Конечно же не была в стороне и Люся-парикмахер.

На вид хрупкая, Люся оказалась на редкость выносливой, неунывающей, несмотря на то что и у нее не сходили с рук мозоли, а сейчас они были ободраны лозой до крови.

— Это тебе не бритву держать! — подшучивали над ней.

А вот еще одна нелегкая работа. Она хорошо была знакома комсоргу Оксане и ее подруге Вале Бабыниной. Они знали, как строят хаты.

Украинские девушки рвались на фронт, чтобы принять посильное участие в освобождении своей родины. У Оксаны Драченко в Николаевской области, на хуторе Морозовка, остались в оккупации мать с четверьмя братьями и сестрами. Отец умер еще до войны. Материальное положение семьи было трудноватым, и после окончания семи классов Оксана поступила учиться в школу ФЗУ, на специальность судового электрика. С началом войны практикантов эвакуировали на Урал. Определили на завод. Дали бронь. Но никто из прибывших не хотел с этим мириться. Ребята пошли добровольцами на фронт. Не захотели оста-

Медсестра
старшина В. А. Бабынина

Месили руками и ногами. У всех, кто занимался этим трудом, кожа рук и ног становилась грубой, шероховатой — покрывалась цыпками.

Работа была для нас непривычной, но все старались на совесть.

Замполит Таран сочувствовал, что тяжеленько достается девчатам. Подбадривая в работе, иногда помогал и сам, взявшись то за лопату, то за носилки. Конечно, у такого богатыря, как он, сил было не то что у нас.

Люся показала ему, как надо плести маты.

— О, да ты вполне уже овладела этим ремеслом. Как ловко у тебя получается! Плетешь, словно кружево, — удивился он.

ваться и девчонки. Несколько человек из них, в том числе и Оксана с Валецкой, втайне от начальства окончили курсы медсестер. С большим трудом, но удалось уйти с завода, и вот они среди нас.

А Валя Бабынина в Николаевскую школу ФЗУ приехала из Курской области. И не предполагала тогда, что война на несколько лет разлучит ее с родным домом, где остались отец, мать и младшие сестры.

Итак, на строительстве подземного госпиталя подошло время месить глину, чтобы промазать ею стены подготовленных землянок, а потом их выбелить.

Работая среди нас, подзадоривала молодежь и комсорг Драченко.

— А ну, девчата, не подкачайте! Задание на сегодня мы должны сделать раньше срока. — И шепотом добавляла: — Если хотите пойти на свидание к танкистам.

Только майор Темкин пока не проявлял особого сочувствия к личному составу. Не таким уж добрым оказался, как определили мы вначале. Как и положено начальнику, был требователен и строг. Частенько упоминал свои любимые слова: «Не на курорт приехали — пошевеливайтесь!» Но подгонять не надо было никого. Все знали, что в любую минуту могут начаться бои.

И все же с нетерпением ждали нескольких часов, когда старшина проводил с нами строевые занятия. Это было раз в неделю. «Спасибо», — говорили мы старшине за сочувствие. Он попеременно предоставлял нам возможность отдохнуть от физической работы — постоять на посту. А во время занятий учил стрелять, ходить в разведку и брать языка. А бывало, и ничему не учил. Выбирал подходящее место и объявлял: «Перекур с дремотой!» Сам усаживался на пенек, не спеша набивал табаком трубку и пыхтел с наслаждением, пока длилась наша дремота. Отдохнув, возвращались в хорошем настроении и с новыми силами приступали к работе.

А вокруг нас шла подготовка к боевым действиям. С наступлением темноты в район предстоящих боев подтягивались воинские подразделения, автомашины с боеприпасами, колонны танков и другая военная техника. Активно помогали жители прифронтовых мест рыть траншеи, противотанковые рвы, создавали оборонительные укрепления. Все это — с соблюдением осторожности и маскировки. Поэтому что днем постоянно летали вражеские самолеты-разведчики, так называемые рамы.

Пока вокруг стояла тишина. И тем более удивляло нас поведение лейтенанта Будакова, заместителя начальника по продовольственной части, человека преклонного возра-

ста, мрачноватого. Как услышит гул самолета, так спешит к траншее, которую, можно подумать, только для него и рыли девчата. И сидел он там до тех пор, пока не исчезали звук самолета и движущаяся точка в небе. Он плохо спал ночами, неизменно объяснял: «С желудком что-то не в порядке». Его постоянной заботой было — не собирались бы люди группами на открытой местности, не ходили бы по территории в белых халатах и косынках, чтобы не привлечь внимание вражеских самолетов. Если это замечал, то срывающимся голосом командовал: «Разойдись!»

А когда майор Темкин направил меня в командировку в санотдел армии, Будаков вручил мне пакет и просил передать его лично начальнику санитарного управления полковнику Харченко.

Я должна была сопровождать начфина Крутова, который, по словам начальника, на обратном пути повезет немалую сумму денег. Кроме того, мне поручено было забрать в управлении первые письма, поступившие на нашу полевую почту 04780.

Поначалу казалось, что майор Темкин разыгрывает меня: быть адъютантом у начфина, когда он повезет кучу денег! А потом адъютант должен быть при оружии. Значит, мне надо брать с собой тяжелую винтовку...

До управления добирались попутными машинами. По прибытии туда разошлись с начфином каждый по своим делам.

Полковник Харченко с любопытством осмотрел вошедшего маленького солдата с большой винтовкой через плечо и улыбнулся. Это был человек средних лет, высокого роста, с аккуратно подстриженной бородкой. Узнав из доклада о том, что я из госпиталя Темкина, спросил:

— Ну, как там идут дела? Передайте Темкину, что я на днях у вас побываю.

— Есть передать!

Я подала пакет Будакова.

Полковник, прочитав письмо, возмущенно произнес:

— Ах он, сукин сын! С желудком, видите ли, у него не в порядке. Что у него там... черви завелись?! А как же воюют вот такие! — показал он на меня.

«Э-э, оказывается, Будаков и в пакете полковнику докладывает о своей трусости. А я-то думала, что выполняю важное его поручение».

Полковник сказал, что ответа не будет. Но месяца два три спустя начпрода из госпиталя отозвали. Наверное, это и был ответ на его письмо.

Начфин выполнил свое задание, я — свое. Теперь, кроме винтовки, у меня мешок с письмами.

Возвращаюсь по лесной тропинке к палаткам. Настроение — отличное! Несмотря на тяжелую ношу, не иду, а словно лечу.

Приближаясь к «дому», услышала оживленные голоса и звон ложек о котелки. Обедают.

Только успела вынырнуть из-за куста, как вскочила и побежала навстречу Шура Гладких. А за ней чуть ли не все. Подхватили меня на руки вместе с мешком писем и винтовкой и понесли к палатке.

— Что вы делаете? Пустите! Видите, я вооружена. Ружье может выстрелить. Потерпите, сдам винтовку — нести легче станет.

Но меня никто не слушал. Посадили на поляну.

— Давай развязывай мешок!

Пришлось подчиниться. Пачку за пачкой доставала из вещмешка бумажные треугольнички и называла счастливых. Пожалуй, не было человека, который не получил бы долгожданную весточку из дома или от друзей и знакомых.

Мне досталось несколько писем от мамы, сестры Нины и от отца, с обратным адресом на полевую почту.

Не из письма, а много времени спустя, я узнала о том, что он по возрасту, да и по состоянию здоровья не был направлен в действующую армию, а работал на одном из военных заводов Урала.

Строительство подземного госпиталя завершено. Уложились в срок. Подводя итоги соревнований, замполит сказал:

— Все поработали на славу. По-молодецки выдержали это нелегкое задание. А теперь готовьтесь к новым трудностям...

В последнюю спокойную ночь я стояла на посту. Вслушивалась в монотонный шум леса, вглядывалась в укутывающую меня темноту. У нас, на Урале, летом ночи короткие. Почти их нет. Чуть стемнеет, как на востоке уже начинается рассвет. Здесь же во всю длинную ночь — тьма непроглядная.

К утру становилось прохладнее. Чтобы согреться, обхожу вокруг палаток, где размещены продовольственный и вещевой склады. Эти палатки находятся под горой, в стороне от жилых и штабной, и стоять здесь одной скучновато и даже страшновато. Винтовку держу наготове. Не на курорте все же, усмехаюсь себе. Слух и зрение напряжены до предела. Малейший шорохстораживает. А в лесу их столько! Скорей бы подъем!

Вдруг по лесу разнесся грохот. Что такое? А, да это танк наших соседей, сдвинувшийся с места, нарушил тишину ночи.

Минуту-две спустя за ним последовал другой, затем третий... Лес наполнился сплошным грохотом. И я поняла, что настал час главного события, к чему мы готовились, чего ждали с необъяснимым душевным трепетом.

Было слышно, как головной танк, выйдя на большак, направился в сторону Обояни, а за ним следом, с небольшими интервалами, танки все шли и шли. Такая грозная сила!

Казалось, не затих еще грохот танков, как воздух потряс гул орудий. Началась артиллерийская подготовка перед наступлением.

Били уже не зенитки, которых мы наслушались вдоволь, к которым привыкли. Теперь гремело так, что содрогалась

земля, и все воздушное пространство превратилось в звуковой хаос, от чего, казалось, лопнут не только барабанные перепонки, но и не выдержит, расколется земной шар.

Таким осталось в памяти начало Курской битвы.

С началом боев сразу же стали поступать и раненые. Да в таком количестве, что можно было бы и растеряться — с чего начать?

Через несколько часов все подготовленные помещения были уже заполнены. Пришлось развешивать палатки. Остро почувствовался недостаток в обслуживающем персонале.

Раненые прибывали и прибывали. Кто ранен в руку, кто — в ногу, кто задыхался от проникающего ранения в легкие. Кто-то лежал молча, без движения — без сознания, а кто-то стонал, страдая от невыносимой боли. И хотелось поскорей помочь каждому или хотя бы немного облегчить страдания.

Вот так мы впервые оказались на самом острие войны, почувствовали ее жестокость, увидели ее страшное кровавое лицо.

Сутки и вторые не выходят из операционной и перевязочной врачи и сестры и все же не могут своевременно оказать помощь всем раненым. Их поступает во много раз больше, чем успевают за это время перевязать и прооперировать. А потому медработники сами нуждались в экстренной помощи. И когда прибыла к нам запрошенная руководством госпиталя группа медиков, мы поняли, для чего нужны спецгруппы, которые формировались вместе с нами. Это небольшой самостоятельный отряд, в составе которого находились врачи, сестры и санитары. Его назначение — помощь в работе полевых госпиталей и медсанбатов.

Ведущий хирург Окс вызвал меня в операционную. Операции шли пока на двух столах. За первым оперировала Вера Петровна Чигогидзе. Она, как наиболее опытная, получившая практику в тыловых госпиталях, сейчас опери-

ровала самостоятельно, с помощью операционной сестры Мили Бойковой. У второго стерильного стола стояла Шура Гладких. Оперировали капитан Окс и Ирина Васильевна Кабакова.

— Займи место наркотизатора, — говорит мне капитан Окс, смазывая йодом операционное поле на бедре больного.

Чуть успели закончить операцию — удалить огромный осколок снаряда, застрявший в мышце бедра, — как занесли бойца с проникающим ранением в грудную клетку. Человек в критическом состоянии. Задыхается. Воздух со свистом проходит через рану в легком. Это сложная операция. Чтобы добраться до легкого, прежде нужно скусить ребро, а может, и два.

Время идет. Больной устал. Хирург плотно закрывает рану стерильной марлевой салфеткой и просит подышать:

— Отдохни, голубчик...

И снова работает. Уже на легком. Вместе с больным задыхаются все, кто здесь присутствует...

Наконец все облегченно вздохнули, закончилась операция.

Прошла неделя напряженного труда. Нагрузка оказалась слишком большой для неопытного и немногочисленного коллектива госпиталя. Весь личный состав по двое-трое суток не покидал своих постов. Кто не выдерживал, уходил всего на два-три часа, чтобы чуть передохнуть, и снова возвращался на рабочее место. Это была настоящая боевая страда для молодого коллектива.

После жесточайших боев на Курской дуге вражеские войска на большом участке фронта были отеснены. Поступление раненых резко сократилось.

Неожиданно в наше расположение прибыл коллектив другого госпиталя. Это был госпиталь второй линии, который должен принять находящихся здесь раненых, продолжить оказание им помощи, подлечить послеоперационных, затем эвакуировать в тыл.

А нам срочно предстоит свернуть свое хозяйство и двигаться вперед.

Машин мало. Всего две. И потому, пока они перевозят имущество на новое место работы, медперсонал пойдет на помощь коллективу ХППГ-5149, который теперь был впереди нас и тоже трудился с большой перегрузкой.

Врачи и сестры, перекинув за спину вещевые мешки, отправились в путь пешком. С утра день был ясным, но через несколько километров пути небо нахмурилось. Пошел мелкий затяжной дождь. К вечеру дороги были размыты и размешаны в жидкую кашу военным транспортом, идущим туда и обратно.

Одежда на нас давно промокла. Ботинки наполнились грязной жижей, и в них хлюпало. Проходящие машины то и дело обдавали нас с головы до ног грязью. Все было серьезно и задумчиво, потому что в дороге быстро устали. Пришлось сбавить ход. Когда стемнело, вообще невозможно стало идти. Мы то и дело сбивались с тропы и проваливались в грязь по колено, не зная, куда свернуть от машин, идущих без света прямо на нас.

Первый поход оказался не из приятных. Шли и сочувствовали бойцам-пехотинцам, кто постоянно, в любую погоду, находился в окопах или переходах, кому нужно пройти не только самим по грязи, по болотам и другим малопроходимым местам, но и пронести оружие и боеприпасы. Вот где требовался солдату запас терпения и выносливости.

С приближением к линии фронта усиливался артиллерийский гул, разгоралось зарево. Небо становилось кроваво-красным от пожарищ и постоянных вспышек зарниц. Мне казалось, что подошли совсем близко к переднему краю, а тянуло все ближе. За несколько дней уже свыклись с постоянным раскатистым громом войны, и страх притупился. Сейчас, наоборот, хотелось заглянуть туда, где производился этот грохот, посмотреть — что же там происходит?

Прибыли в небольшое село, освобожденное несколько дней назад, где и развернулся ХППГ-5149.

Госпиталь был переполнен ранеными. Сбросив промокшие гимнастерки, чуть отмывшись от грязи и наскоро перекусив, мы приступили к работе.

В операционной, развернутой в полуразрушенном здании школы, группа медиков словно не замечала того, что происходило за стенами дома. Здесь перевязки и операции шли на восьми столах. На одном из них, готовясь к пятиминутному сну, «раз-два-три...» считает раненый. На другом, просыпаясь, но еще находясь под действием наркоза, больной почему-то плачет и бранится, а на третьем — поет песни...

То тут, то там стучат о маленькие эмалированные лоточки только что удаленные из ран осколки и пули. Очнувшись от наркоза, раненые забирают их на память. Некоторые из фронтовиков с первых дней войны уже не раз бывали в госпиталях и теперь хвастаются коллекцией таких «сувениров».

В предоперационной одновременно перевязываются десятки людей с более легкими ранениями, кто может самостоятельно передвигаться и сидеть.

Медсестры снимают бинты и повязки, а врачи, осматривая раны, определяют, не застряли ли где осколок или пуля, которые надо удалять, и дают распоряжения: смазать края раны йодом и наложить дезинфицирующую повязку, — или направляют на операционный стол.

Для ясности нужно сказать, что в полевых условиях никакие раны — ни малые, ни большие и даже культы после ампутации конечностей — не зашивались. Все ранения считались загрязненными и после ушивания давали бы больше осложнений. Порой вместе с пулей или осколком глубоко в мышцы проникали большие клочья ваты от телогрейки или стеганых брюк, значит, рана не могла остаться чистой.

Первое время жутковато было снимать бинты, пропитанные кровью, и повязки со свежей зияющей раны, ино-

гда очень обширной. Старалась все делать осторожно, чтобы не причинить боль, которая словно передавалась и мне и чувствовалась где-то в глубине души. Мучительно жаль было каждого человека. Понимая мои щадящие действия, сами пострадавшие подбадривают:

— Ничего, сестричка, смелее. Остались живы, а это перетерпим.

И нельзя было не удивляться, как и что они только ни терпели, сжав кулаки, скрипя зубами, от боли теряя сознание.

Некоторым воинам первая помощь оказана на поле боя, а кому-то в медсанбате, который расположен впереди полевого госпиталя. Там, кроме экстренной помощи, на каждого заполняют маленькие медицинские карточки, где описываются характер ранения и оказанная помощь. При тяжелых ранениях, угрожающих кровотечениях на таких карточках ставилась красная полоса по диагонали. И при поступлении в полевой госпиталь сразу видно, что человека без задержки нужно отправить на операционный стол. Это раненые со жгутами. Больше двух часов жгут держать нельзя: наступает омертвление тканей. Обязательно указывается время наложения жгута. Без промедления идут на операционный стол с проникающими ранениями в грудь, живот, череп.

Все это и многое другое я узнала, казалось, в течение одного длинного дня, а на самом деле прошли сутки и вторые, а мы продолжали работать, забывая поесть. Отдых же вообще казался невыносимым. Как можно было уйти, когда сотни людей ожидали помощи. Так и ходили мы с куском хлеба в кармане халата.

Порой линия фронта словно бы сужалась вокруг нас. Пулеметная и автоматная стрельба сливалась с непрерывным грохотом орудий. Но внимание и мысли отвлекались от происходящих событий, и окружающая обстановка становилась привычной. Но вот к знакомому гулу присоеди-

нился какой-то еще. Над нами завывали и с душераздирающим свистом начали проноситься самолеты.

— Воздушный бой идет, — пояснил раненый, которого я перевязывала.

Самолеты то и дело один за другим пикировали над домом, и казалось, что вот-вот врежутся в операционную. Временами от этого невыносимого свиста хотелось запрятаться куда-нибудь, как в детстве, хотя бы под стол, на котором лежал больной. Это было самое близкое укрытие.

Наконец утихли, перестали выть над нами самолеты. И, наверное, не узнали бы мы о результате воздушного боя, если бы не услышали за окном радостные голоса ребятшек.

— Ура! — закричали они.

Подбежав к открытому окну перевязочной, чтобы обрадовать и нас, они, перебивая друг друга, в несколько голосов сообщали:

— Загорелся, загорелся немецкий!

— Летчик на парашюте спускается!..

Мальчик, стоящий у окна, крикнул:

— Ребята, пошли ловить парашютиста!

И они следом за взрослыми гурьбой побежали ловить фашистского летчика...

Уже глубокая ночь. В операционной светло. Над каждым столом светит яркая электрическая лампочка. Ток она получает от движка, установленного на машине в нескольких метрах от операционной. Ведущий хирург, заканчивая обработку раны, произнес:

— Друзья мои, давайте сделаем перерыв. Выйдем, подышим свежим воздухом...

Садимся на аптечные ящики, составленные вдоль стен при входе в здание. Ноги гудят. Во время работы не присядешь.

— Ну как, здорово устала? — спросил ведущий.

— Не-ет.

— Правильно. Не надо признаваться.

Ночь светлая, с полной луной. Перед нами, в низинке на лугу, течет маленькая речушка, поблескивая при свете луны. Днем здесь очень красиво.

Незаметно потемнело. Надолго ли скрылась луна? Посмотрела я вверх и удивилась: туч на небе не было, а луна запряталась в какую-то тень.

— Затмение, что ли? — говорю.

— Верно, — подтверждает ведущий, разглядывая луну.

Оказалось, что все сидящие здесь впервые наблюдали лунное затмение.

Заметили, что канонада стала отдаляться. Наши погна-ли врага. Это значит, что, возможно, завтра же отправимся вперед.

Время шло к рассвету. От речушки начинал расплзаться белый туман. Луга быстро покрывались молочной пеленой, которая поднималась и кверху, к операционной.

Подул свежий предутренний ветерок, и всем стало зябко.

— Ну как, передохнули малость? — спросил ведущий. — Тогда приступаем к делу. На операционном столе ждет больной.

В САНПОЕЗДЕ

Далеко позади осталась Курская дуга. Коллектив госпиталя продолжает шагать по фронтовым дорогам. Мы еще разворачивались в лесу, в палатках. Но больше в деревнях и селах. Не раз уходили люди на усиление в другие госпитали своей армии.

За это время набрались сил, окрепли в знаниях по уходу за ранеными и оказанию им помощи. В любых условиях научились оперативней устроиваться.

Теперь госпиталь находится в свернутом виде, но люди отдыхают не все. Шура Гладких и Оксана, Валя Лашук и

Валя Бабынина, Миля и я едем в распоряжение подполковника Ерофеева, начальника ХППГ-4345, с коллективом которого не раз встречались, помогая в работе.

Во время боев раненые поступали непрерывно. Порой в течение суток принимали по несколько сот, бывало, и до тысячи человек. Естественно, не всегда позволяли условия, чтобы разместить такое количество пострадавших, и потому нужно было так же постоянно освобождать места для прибывающих — эвакуировать в тыловые госпитали тех, кому уже оказана помощь.

Эвакуацией раненых в тыл занимались специальные ГоПЭПы — головные полевые эвакуопункты, которые располагались вблизи железнодорожных станций, где формировались санитарные поезда и куда направлялись раненые со всех армейских госпиталей.

А если какой-то из полевых оказывался рядом с железной дорогой, то он сам формировал санлетучки. С одной стороны, это было хорошо. Создавались удобства для раненых, сокращались пути и время для их отправки. А с другой — плохо, тревожно. Потому что почти все станции подвергались бомбардировкам со стороны противника.

Фашисты не признавали флаги и знаки с красным крестом, которые должны были щадить по международным законам и условиям. Они одинаково расправлялись как со здоровыми бойцами, так и с ранеными и с медперсоналом, что на земле, что с воздуха.

Госпиталь, куда мы прибыли, находился на станции Бровары, под Киевом.

На первый взгляд, здесь происходило непонятное: одна за другой к подъезду дома подходили и так же уходили машины, на которых лежали раненые. Одних снимали с машин и заносили в дом, других — выносили, укладывали на машины и увозили.

Оказалось, что на сей раз ХППГ-4345 выполнял обязанности головного эвакуопункта и занимался формированием санитарных поездов.

— А, старые знакомые прибыли! — весело встретил нас во дворе подполковник Ерофеев. — Ну что, девчата, с ходу получайте ответственное задание: поможете грузить на санлетучку раненых, а потом поедете сопровождать их в тыл. Определенного адреса не даю. Где примут, там и оставите.

— Так, может, и до Урала доберемся? — смеется Шура.

— Может, и до Урала дотянете. Но я думаю, что сдадите раньше и через недельку уже вернетесь. Как, согласны?

— Согласны, товарищ подполковник, — ответила Валя Лашук, назначенная старшей по группе.

Санлетучка — это для нас ново. И даже интересно. Захотелось побывать и в тылу.

Станция находилась в километре от госпиталя. Тут было шумно. Раздавались стоны раненых, фыркание машин, покрякивание шоферов, которые просили освободить дорогу. Стоял состав с товарными вагонами, оборудованными нарами. Больше половины вагонов были уже заполнены ранеными.

Машины, на которых мы прибыли, подошли задним бортом впритирку к вагону, и мы с Шурой, взявшись за носилки, стали переносить и перекладывать людей на разостланную солому.

Машины шли и шли. Мы переходили из вагона в вагон и снова брались за носилки. Руки натянуло так, что порой казалось — не удержу больного.

Иной скажет:

— Дочка, я очень тяжелый. Тебе не поднять. Попроси кого-нибудь помочь.

— Ничего. Справлюсь.

Тут подвезли людей на подводах. Еще трудней стало снимать носилки с телеги и поднимать их до уровня вагона, выше своего плеча. Вспомнились слова мамы: «Побереги себя». А как?

— Сестра, что вы делаете? — возмущается другой. — Неужели для такой работы в госпитале нет мужчин?

А подошедший начальник санлетучки, капитан Михайлов, подгоняет:

— Побыстрой, девчата! Надо успеть отправить эшелон, пока не появились вражеские самолеты.

Закончив с погрузкой, Михайлов пригласил нас в штаб-вагон.

— Значит, едем вместе? Где ваше предписание — будем знакомиться. Ого, сильные кадры выделили. Среди вас старшая сестра отделения и даже старшая операционная. Хорошо!

На Валю Лашук, старшую сестру отделения и старшую по группе, кроме общих обязанностей по сопровождению, возлагалось — следить за порядком в вагонах и обеспечивать медикаментами. А Миле Бойковой, операционной сестре, — готовить стерильные материалы, инструменты, шприцы и помогать во время проведения процедур и перевязок.

Потом мы распределились по вагонам. Получили инструктаж, советы и наставления начальника эшелона и отправились по своим владениям, чтобы познакомиться с обитателями вагонов.

Мои оказались в конце. Далеконько от штаба и кухни, подумала я.

Люди лежали на полу справа и слева и так же вверху — на нарах. Внизу потяжелее, раненные в нижние конечности, с шинами, а вверху — полегче.

Прошла по вагонам, выслушала жалобы и просьбы и принялась за дело. Нужно было спешить кое-что уладить до отправки поезда, чтобы успокоить людей. Путь предстоит нелегкий и неблизкий.

Вот санитары уже разносят бачки с кипяченой водой... А перевязки и уколы пришлось делать на ходу поезда.

На остановках, проходя мимо своих вагонов, спрашиваю, все ли тут в порядке, шутят:

— Полный беспорядок — соскучились. Посидите с нами, сестренка.

Когда поезд шел, наблюдались оживленные разговоры, шутки. Чуть задерживался на остановках, начинались расспросы: почему не отправляют? Беспокоились: не появился бы вражеский бомбардировщик.

Иногда я улавливала приближающийся заунывный гул вражеского самолета и спешила в последний вагон, где лежали более беспокойные. Плотно закрывала двери и заговаривала:

— Чего приуныли? Может, споем — поезд скорей тронется.

— Споем, с удовольствием, — отвечали. И кто-то из них запевал приятным баритоном:

Ревела буря, дождь шумел,
Во мраке молнии блистали...

И грянул такой хор, от которого у меня мурашки по спине побежали. Я сидела на полу, прислонившись к стенке вагона, и слушала. От такого дружного пения охватило волнение. А хор продолжал:

И непрерывно гром гремел,
И ветры в дебрях бушевали...

Запевалой оказался майор Никитин, лежащий на полу. Пожалуй, самый тяжелый из всех. Ранен в бедро с переломом кости.

Я думала об этих людях, отважных фронтовиках, которые теперь были беспомощны. Они потому и прислушивались — не летит ли вражеский самолет. Ведь они побывали в пекле войны и остались живы. Так теперь надо жить! Надо во что бы то ни стало доехать по назначению, а там и до дому — рукой подать. И пусть песня для них будет кстати сейчас, как отвлекающее средство. Она поможет коротать томительное дорожное время.

То же самое было и в других вагонах:

— Что молчите, споем?

— Споем! — отвечали.

— Молодцы, ребята! Вот так да еще как-нибудь, глядишь, и доберемся до места, — подбадривала их.

Ближе к фронту, на расстоянии от двух до пяти суток езды поездом, все госпитали были переполнены ранеными, и нам советовали:

— Везите дальше. Вы же на колесах.

И санлетучка уходила глубже в тыл.

— Все дальше да дальше. Может, и верно до Урала доберемся. Эх, там бы и дома побывали! — мечтательно произносит Шура при встрече.

Последние ночи в пути стали прохладнее. Все же осень на дворе, а мы без шинелей. На одной из остановок пустилась бежать к штабному вагону, где можно отогреться. Там всегда тепло. Посередине стоит железная печь, на которой постоянно кипятятся шприцы и иглы. А в вагонекухне еще теплее, подумала я, проходя мимо. Скоро завтраком надо будет кормить больных. Утром и вечером полегче проводить эту процедуру — каша и чай. А в обед труднее справляться — бегать вдоль эшелона с ведрами супа, компота и второго...

Еле отодвинула тяжелую, плотно закрытую дверь, забралась в вагон и оказалась в царстве тепла. Поезд шел леском. Восходящее солнце то пряталось, то выходило из-за деревьев. А лучи его успевали пролезть во все щели и щелочки и ослепить...

Паровоз резко затормозил. Это были восьмые сутки пути, когда поезд прибыл на станцию Тамбов.

Здесь наш эшелон уже встречали сотрудники местных госпиталей и представители городских общественных организаций. Было подано множество санитарных и грузовых автомашин...

Закончив с процедурой передачи раненых, капитан Михайлов покинул нас, распорядившись: всем оставаться в штабном вагоне, где будут находиться медикаменты и все

госпитальное имущество. Вагон попутными эшелонами будет доставлен к месту назначения, в Бровары.

Остаться без начальства — это хорошо, подумали мы. Но радости и удовольствия от этого не получили. Вагон долго переводили с одного пути на другой, толкали и переталкивали с места на место, и в конце концов он оказался в тупике, далеко от всех попутных и встречных поездов. Прошли сутки, а мы все стоим в Тамбове. Начальник станции посоветовал набраться терпения, потому что одинокий вагон могут задерживать на любой станции.

— Так мы до конца войны своих не догоним! — с досадой проговорила Валя Лашук. — Девчата, может, без вагончика скорей доберемся. Все поезда идут в сторону Киева.

Так и решили: с имуществом оставить сторожа-санитара, а самим отправиться попутными. Мы предполагали, что запросто сядем на первый же воинский эшелон и нас мигом домчат туда, куда мы пожелаем. Но часовые, стоящие в тамбурах, нас близко не подпускали к воинским составам:

— Не положено посторонним!

— А давайте попытаемся на машинах, — предлагаю я. — Большинство из них тоже идет в сторону фронта.

И с этим предложением все согласились.

Шоссейная дорога проходила рядом, параллельно железнодорожной линии. Мы увидели колонны машин, снующих туда и обратно.

Голосуем. Здесь нет регулировочных пунктов.

— Вам куда? — спрашивает водитель.

— Под Киев.

— Не по пути, девчата...

— До места не довезем, но километров на двести подбросим, — обрадовал наконец один из шоферов.

Забрались в кузов, загруженный ящиками с продуктами. И началась тряска по ухабистой и пыльной дороге. Через несколько километров езды мы до неузнаваемости

стали серо-седыми от пыли. Смешно было смотреть друг на друга. А когда водитель остановил машину и сказал, что наши пути теперь расходятся, мы даже обрадовались, что расстаемся.

Снова несколько часов проторчали на станции. Вдруг видим: в хвосте у проходящего товарного вагона мотается наш вагончик. На полу, в дверях, свесив ноги из вагона, сидит санитар и удивленно смотрит на нас: почему мы здесь оказались. Наверное, предполагал, что мы давно на месте. А мы с досадой подумали о том, что теперь-то, быть может, его доставят раньше, чем доберемся мы. Но вагон с госпитальным имуществом, как узнали, прибыл в Бровары только через три недели.

Начался дождь. Мы промокли и промерзли. Недобрым словом вспомнили капитана Михайлова. Он, наверное, не в первый раз сопровождал санитарный эшелон и знал, что вагон будет трястись долго. Потому мог бы поспособствовать, чтобы медсестры вернулись поскорей. Мог бы взять нас с собой или помочь уехать с попутными эшелонами. Все мог, но почему-то ничего не предпринял. Может, хотел, чтобы мы отдохнули после напряженной поездки? Да кто его знает, о чем думал он, только мы желаем поскорей вернуться, а не отсиживаться сутками на станциях.

Еще встречаем прибывающий воинский. Наконец, после убедительной просьбы, капитан, оказавшийся командиром артиллерийской части, сказал:

— Не положено, девчата, но беру под свою ответственность — в штабной вагон.

— Нам все равно куда, лишь бы уехать, — обрадовалась Лашук.

В штабном вагоне оказались десять мужчин и одна женщина — врач части. И, как ни странно, все были в звании капитана, в том числе и женщина-врач.

Здесь, как и в нашем штабном, посередине стояла металлическая печка, в которой весело потрескивали дрова.

— Как у вас жарко, — сказала Валя.

— Это вам так кажется, потому что вы намерзлись и сразу в тепло, — пояснил первый капитан, командир части.

— Почему без шинелей? — спросил второй капитан, подкладывая в печь поленья.

— Когда уезжали, было тепло. Сказали: лишнее не брать, потому что скоро должны вернуться. А мы вперед восемь, да на обратном пути четверо суток.

— Да, невеселая история. Но с шинелью солдат никогда не должен расставаться. Запомните!

Мы не признались, что у нас нет шинелей, а бушлаты, как зимнее обмундирование, хранятся на складе.

— Товарищ капитан, нас интересует, где вы нас высадите? — спрашивает старшая, обращаясь к командиру.

— В Бровары вам, говорите? Вот туда и доставим.

— Спасибо.

Теперь мы спокойны и уверены, что скоро догоним своих.

Обитатели вагона были заняты своими делами. Кто читал, кто писал. Кто подшивал подворотничок, а кто начищал пуговицы. Капитаны, встретившие нас, стали хлопотать у печки. Один раскрывал банки с мясной тушенкой и выкладывал содержимое на противень, поставленный на печь, другой, поворошив дрова, принес добрый десяток яиц и начал разбивать и заливать ими уже разогревшееся мясо.

— Присаживайтесь. Будьте, как дома, — пригласил второй капитан, переставляя противень на маленький столик, вокруг которого стояли тоже маленькие походные табуретки.

— По-ско-рей, по-ско-рей! — продолжают отстукивать колеса.

УРА, КИЕВ СВОБОДЕН!

Вот и Бровары. Привычная прифронтовая обстановка. Бои идут на подступах к Днепру.

Валя Лашук, старшая по группе, доложила подполковнику Ерофееву о выполнении задания, рассказав и о дорожных приключениях.

— Огромное спасибо, девчата, за помощь, — поблагодарил подполковник. — Спрашиваете, где находятся ваши? Не могу назвать, где обосновалось хозяйство майора Темкина, поэтому советую отправиться в сануправление, в местечко Н. Там и узнаете все, что вас интересует. Пока идите отдыхайте. Вот тот соседний дом в вашем распоряжении.

Во дворе стоял недостроенный двухэтажный домик. Осмотрели. Полы покрыты толстым слоем пыли. Лежит битый кирпич от развороченных печей, и всюду валяются осколки оконного стекла. Крыши и потолка на верхнем этаже в двух смежных комнатах не было. Очевидно, тоже снесло снарядом, как у той школы, близ села Чернянка в Курской области. В застекленных когда-то окнах не осталось на месте и маленького стеклышка.

Для благоустройства «гостиницы», кроме доски длиной около двух метров, ничего поблизости не оказалось.

— И эта сойдет! — согласились девчата.

Сели на доску рядом, поставили перед собой походные мешки и склонили на них свои головушки.

Очнулись от свиста бомбы. Раздался взрыв, второй... С потолка посыпался мусор. Пыль залепила глаза.

— Никакого покоя, — ворчит Шура, устраиваясь поудобней.

Самолет снова делает разворот, и опять засвистели бомбы.

— Девчонки, выйдем, пожалуй. Дом разнесет — не беремся. Я за вас в ответе все же, — произносит Валя.

Во дворе оказалось множество народу. Все о чем-то оживленно говорили, что-то обсуждали, посматривая на дорогу, ведущую на Киев, и на небо — в зареве, на лес, откуда доносился непрерывный грохот орудий.

Мы удивились тому, как светло стало на улице, несмотря на поздний час, словно над нами повесили светильник, хотя и тусклый, но огромной величины.

Из разговоров поняли, что наши войска форсировали Днепр, что бои идут за Киев, что он объят огнем, потому горит и небо, потому светло и на земле.

Горящее небо, дрожащая под ногами земля давали представление о том, что происходило там, за Днестром.

Люди останавливали идущие с той стороны машины и с нетерпением расспрашивали:

— Как там?

— Бои идут уже в городе. Перед нашим отъездом стало известно, что дерутся за заводы «Большевик» и «Арсенал». Может, удастся спасти от разрушения...

Пробивала дрожь. Думалось о том, сколько же там лежит раненых, нуждающихся в помощи. А сколько погибших! Да когда же все это кончится — и бой за Киев, и вообще война?!

Неожиданно из-за леска вынырнула машина, на крыле которой стоял человек.

— Лю-ди-и, ребята-а, Киев освободили! — радостно кричал он, на ходу спрыгивая с подножки.

— Ура! Ура! — раздавалось со всех сторон.

Машина остановилась, и ее тут же окружили, засыпая вопросами сидящих в ней людей.

— Есть еще одна большая победа! — кричал кто-то.

А раненый, с перевязанной и подвешенной на бинт рукой, плакал навзрыд.

— Ну что ты, друг, радоваться надо. Скоро своих навестишь. В Киеве у него семья в оккупации оставалась, — пояснил успокаивающий, должно быть сосед по госпитальной койке.

Прибывшие наперебой рассказывали о трудностях форсирования Днепра, о штурме города, о том, что фашисты при отступлении все уничтожают и жгут, беспощадно грабят и убивают жителей.

Хозяйство Темкина оказалось в тылу, в местечке Бобрин. А несколько дней спустя машины, груженные госпитальным имуществом, приближались к Днепру. Автопарк наш значительно пополнился за счет отремонтированных трофейных машин, но при переездах мы пока еще продолжали заимствовать транспорт в армейском автобатальоне.

Бесконечным потоком, медленно, продвигаются военная техника, танки, пехота, за много километров выстроившись в ожидании очереди на переправу через Днепр. Каких родов войск здесь только не было! Все спешат за Днепр, теперь уже за Киев, на Житомирское направление, где продолжаются бои. Спешат и нервничают, часами не сдвигаясь с места. За это время пережили несколько налетов вражеской авиации.

С замиранием сердца смотрим на «Днипр широкий». Вот ты какой! Действительно широкий. Нелегко было войскам преодолевать твои воды под огнем противника. Говорят, что во время форсирования кипела, пенилась вода от шквального огня со стороны вражеской обороны. Слово и до сих пор еще не успокоился Днепр. Казался хмурым и злым. Холодные серые волны то и дело перекатывались, заплескивая под колеса машин, проходящих по понтонному мосту.

На противоположном крутом берегу видны были купола соборов. Начинался Киев — израненное сердце Украины...

С радостным чувством встречало население проходящие войска. Но не улеглось еще тяжелое душевное состояние людей, не успевших опомниться от оккупации, от пережитого ими за два с лишним года.

Мы увидели город разрушенным, с заваленными улицами. Кварталы местами были так разбиты, словно здесь бомбили сутками непрерывно или прямой наводкой били из орудий, чтобы до основания разрушить не только дома, но и каждый кирпич раздробить на мелкие обломки. Таким оказался центр города — Крещатик.

О восстановлении той красоты, какая царила до войны, до прихода фашистов, казалось, не могло быть и речи. Но когда мы тридцать лет спустя вновь пришли сюда с фронтовыми друзьями, увидели чудо мирного труда — возрожденный Киев...

Колонна машин остановилась у дома номер сорок четыре по улице Львовской, по соседству с Покровским монастырем. Во дворе, окруженное старыми соснами, стоит большое четырехэтажное здание. Его-то и надо готовить к приему раненых.

Как всегда, в первую очередь для уборки помещений нужна вода. Надо бы и умыться с дороги. Нестерпимо хотелось пить. Но воды не было. Город жил без воды, без света и тепла. Все это восстанавливалось с первого дня освобождения пришедшими советскими частями.

Старшина пообещал, что скоро должны подвести воду, что поблизости исправляют колонку и берется анализ на пригодность воды для питья, поскольку при отступлении враг порой оставлял ее зараженной.

Пока же решили обратиться к соседям. «Не без воды же они живут», — подумали мы.

Так мы с Шурой перешли улицу и постучали в парадную дверь. Открыла маленькая сухонькая старушка лет семидесяти.

— Заходите, доченьки, заходите.

— Бабуся, нет ли у вас воды напиться? Или подскажите, пожалуйста, где ее можно взять.

— Вода-то у меня есть, да несвежая. Еще при немцах приносила. Перед уходом они взорвали водопровод, водокачку. А теперь ждем. Говорят, что скоро исправят.

Тем временем она открыла массивную дверцу старинного буфета с резными украшениями и с большой осторожностью с нижней полки достала наглухо закрытую крышкой литровую стеклянную банку, до половины наполненную водой.

— Вот, доченьки, пейте, — подала нам банку, сняв крышку.

— Бабуся, так у вас воды мало. Оставьте ее себе. А мы найдем и принесем вам свежей.

Старушка словно обиделась.

— Спасибо. Не беспокойтесь. Теперь без воды не умрем.

Шура взяла банку, поднесла ко рту и отдернула. Передала мне. Из банки шел застойный болотный запах. Пить было невозможно, но мы приложились к банке, задержав дыхание.

— Спасибо, бабушка. Мы обязательно придем, как только привезут нам воду.

Бабуся просила посидеть, но мы объяснили, что сейчас некогда. А чуть освободимся, станем навещать.

И как только появилась машина с флягами, наполненными водой, мы с Шурой, набрав два котелка, побежали в дом напротив.

— Не думала, что увижу своих. Не надеялась, что доживу до светлых дней освобождения, — продолжала хозяйка, — не ожидала, что в жизни своей еще придется испытать великую радость. Ведь стара я, а пережить пришлось такие муки и страхи! Не дай бог, чтобы когда-нибудь еще повторились такие беды.

Она рассказала нам о том, как погибла ее сестра. А мы, слушая, представляли ужасную картину.

...По обледеневшим улицам с большой осторожностью друг за другом передвигаются люди. В одном направлении с порожними кувшинами, чайниками и другими небольшими сосудами, а навстречу — с наполненными водой. Это жители нескольких кварталов шли за водой в одно, отведенное гитлеровцами, место. Брать ее разрешалось не более трех литров. И потому создавалась очередь — непрерывное движение людей.

Дороги залиты. Скользко. Кое-как переставляет ноги старушка, бережно придерживая кувшин с водой. Забав-

ное зрелище для офицера-фашиста! С наглой усмешкой он смотрит ей вслед. Ему, должно быть, захотелось позабавиться. Вернулся и ударил по дну кувшина. Вода расплескалась, но сосуд остался в цепких руках хозяйки. Гитлеровец, неудовлетворенный, ударом сбил старуху с ног. Падая, она старалась удержать кувшин с драгоценным содержимым, чтобы хоть сколько-нибудь донести до дому, где ждала больная сестра. Ведь пройдено было уже более половины пути. Но озверевший офицер вырывает кувшин и выплескивает из него воду в лицо лежащей. Потом яростно начинает пинать, топтать ее сапогами. Натешившись, пошел было прочь, да, словно вспомнив что-то, вернулся и выпустил из пистолета всю обойму в изуродованное и без того уже безжизненное тело старушки.

Мимо шли люди с водой и без воды. Одни смотрели, чтобы запомнить, другие отворачивались, чтобы не видеть зверства, и спешили удалиться, чтобы избежать подобной участи.

Той старушкой была уважаемая учительница, пенсионерка, сестра нашей знакомой бабуси.

— Мы обе учительницы. Сестра была помоложе. Я ее берегла, чтобы на работу не отправили, — продолжала старушка. — Все сама я ходила за водой. А тут заболела. Лежала с температурой, в забытье. Очнулась как-то, позвала сестру — она не ответила. Меня мучила жажда. Просила пить, когда приходила в сознание. Но ко мне никто не подходил. Не знаю, сколько пролежала в бреду. Когда опомнилась, мне показалось, что сестры нет уже давно. Постучала в стенку. Пришли соседи. Выходили меня. А сестра все не возвращалась. Когда я сама смогла пойти за водой, встретила приятельницу, которая мне и рассказала о том, как погибла сестра. Даже не похоронила я ее, бедную...

Бабушке было о чем рассказать. Она говорила и говорила, словно тем самым хотела облегчить свою исстрадавшуюся душу.

— Горько смотреть на город, — продолжала бабушка, — в развалины превратили его, изверги. Разрушили дома и заводы, театры и школы. Сотни эшелонов отправили в Германию с награбленными ценностями, а тысячи парней и девчат — на каторжные работы.

От нее мы впервые услышали о страшной, трагической истории — массовом расстреле жителей города в Бабьем Яру, где десятки тысяч людей погребены были заживо, где колыхалась и стонала земля от задыхающихся людей...

Угнетающее впечатление оставил рассказ хозяйки.

При уборке помещений я занозила большой палец правой руки. Занозу удалили, а палец все равно раздуло, и он не давал мне покоя.

— Надо вскрывать, — заявил ведущий, — но будет очень больно. Разрез придется делать глубокий.

— Давайте под наркозом, — прошу я.

— Можно и под наркозом, — соглашается он, вспомнив наш спор о том, как я напрашивалась на наркоз, чтобы узнать, что чувствуют в это время больные.—Предоставляю тебе возможность испытать эту процедуру.

И вот я на перевязочном столе.

— Считай, — говорит Ирина Васильевна, наложив на нос маску.

— Раз, два... три-и, — выдохнула еле слышно.

— Считай! — кричит врач.

Слышать — слышу, а слово сказать не могу.

— Да она уже спит, — произносит Шура, стоящая у стерильного стола.

Вот взяли руку и начали обрабатывать спиртом, затем йодом. Пытаюсь крикнуть: «Стойте, не режьте! Я еще не уснула...» Почувствовала адскую боль. «Как бы разрыв сердца не произошел от такой боли», — думаю. Подтягиваю к себе руку.

— Подожди завяжу, — произносит Ирина Васильевна.

— Очень больно, — шепчу. Громкого голоса нет.

— Ну да, больно. Сама уснула, даже «три» не успела сказать, — смеется врач.

И тут я удивила присутствующих, рассказав все дословно, что слышала, и все, что чувствовала. А боль, как мне показалось, была более обостренной, чем могла быть без наркоза.

— Вот теперь-то я буду знать, как давать наркоз, чтобы раненые уснули по-настоящему и не ощущали такой боли, какую испытывала я.

— Значит, появилась тема для разговора на медицинской конференции. Врачам и сестрам доложишь свои наблюдения и ощущения.

А я испытывала душевную радость от того, что пока никто из больных не жаловался на то, что чувствовал боль во время операции.

Палец болел. Уколы и перевязки делать нельзя. Поэтому мне приказано развертывать приемное отделение в одностажном помещении, находящемся при входе во двор.

По распоряжению управления полевыми госпиталями, на сей раз личный состав готовится к приему только легкораненых фронтовиков, тех, кого для дальнейшего лечения отправлять в тыл не придется. Работать с ними значительно легче, потому что большинство из них находится на самообслуживании. Зато поступает их гораздо больше.

В одно из дежурств в приемное отделение привезли и пленного солдата, тоже легко раненого.

— А твое место будет здесь, — подвела его к носилкам, где он должен лежать.

— Гут, гут, — заулыбался он.

Щупленький семнадцатилетний мальчишка по имени Курт. Не думаю, что доброволец, как наши. Наверное, у них всех подростков уже призвали на войну. У него сквозное пулевое ранение в бедро. Без повреждения кости. По распоряжению начальника, его оставили в приемном отделении. Через неделю маленькие ранки — входное и выход-

ное отверстия от пули — зажали, и он был уже здоров, лишь чуть прихрамывал. Раз здоров, старшина определил его на работу — подметать двор.

Можно сказать, он находился на равных правах со всеми. Никто его как пленного не обижал, не притеснял. И он, как бы в благодарность, старался помогать санитару перекладывать больных, наводить порядок в помещении.

— Курт, иди-ка сюда, — позвал однажды кто-то из раненых. — Только как тебе все это растолковать? Вот ты еще молодой и не знаешь, за что ты воевал. Когда подрастешь, может, разберешься в жизни и с благодарностью к русским будешь вспоминать такой «плен», в каком ты находишься. Может, осознаешь, как тебе повезло в том, что ты оказался в плену у русских.

Курт виновато и смущенно моргал глазами, не понимая смысла разговора. Наверное, потому и решил изучать русский язык. При каждом удобном случае он подходил ко мне с карандашом и блокнотом, спрашивал и записывал произношение тех или иных слов. Записывал и быстро запоминал. Уже на следующий день пытался говорить со мной по-русски.

— Правильно поступаешь, парень, что не теряешь время понапрасну, — учишь. Все может пригодиться.

Да, хорошо, если бы разобрался: все доброе бы осталось в памяти и пригодилось. И как бы хотелось узнать, каким станешь ты, Курт?

Возвращалась я однажды с несколькими порожними подводами из эвакуогоспиталя, куда сопровождала раненых. Слышу, кто-то стонет в кустах, у дороги. Заглянула, а там человек лежит в немецкой военной форме. Вначале напугалась — не пальнул бы. Отошла. Потом позвала санитаря. Смотрит тот на нас умоляюще и просит застрелить. Да что было объясняться. Подхватили его — и в телегу. Он лопочет что-то и показывает на кусты. Подумала, что оружие у него там или вещи забрать просит. Подошла, а кусты зашевелились, и оттуда выползает еще один голубчик.

Уложили их в повозку. Разутые и почти раздетые. Окровавленные. Точно смотреть. У одного из них по локоть сторвана рука, у другого нет стопы. Кроме того, у обоих множественные ранения лица, рук и всего туловища. Мелкие раны и стопа не перевязаны, а культя верхней конечности кое-как прикрыта разорванной нижней рубахой. Вместо жгута использованы связанные и скрученные рукава.

Удивительно, как они выжили. Ведь бои прошли здесь более двух недель назад. Было похоже на то, что поблизости от них разорвались снаряд или мина, осколки которых сыпались на них градом. Возможно, что после ранения они лежали в шоке, а их сочли погибшими и оставили без помощи. А вот от гибели спасла их, определенно, низкая температура воздуха. Осенние ночи были холодными. Временами пролетал снег. А в жаркую погоду, да без обработки ран, давно бы погибли от заражения крови.

Для них во дворе развернули маленькую палатку, чтобы отогреть, поставили железную печку. Врачи, осмотрев, назначили лечение, как и всем раненым, потерявшим много крови. А лечить их приказано было мне.

Мне «везло» на уход за такими ранеными. Приходилось ухаживать и за власовцами, и за бендеровцами. И какую бы неприязнь они ни вызывали, надо было соблюдать тактичность и милосердие. Потом они из рук медиков переходили в распоряжение сотрудников Особого отдела, и дальнейшая судьба их нам не была известна. Да и не очень-то интересовала.

Госпитальные же отделения заполнялись сотнями героических воинов, таких родных и уважаемых, и весь личный состав старался поскорей их вылечить. Они же лежали и со вздохом вспоминали боевых друзей, которые находились в окопах. Вроде бы считали себя виноватыми перед ними в том, что залежались вот тут, в теплом местечке.

Итак, лечим и подлечиваем, встречаем и провожаем своих пациентов. Передовая отошла уже далеко, а мы все продолжаем работать в Киеве.

— Сколько еще здесь будем загорать? — с нетерпением спрашиваем начальника.

— А здесь вам не война?!

Это верно — тоже война. Вражеские самолеты каждую ночь беспокоили жителей города. Порой зенитки не смолкали с вечера и до утра. Город охранялся от нападения с воздуха тысячами зенитных батарей, установленных на чердаках и крышах домов по всему городу и в несколько кольцевых зенитных заграждений вокруг. На помощь им приходили мощные прожекторы, которые с окраин к центру пересекали ночное небо, нащупывая незваного гостя. Попадался он в фокус и начинал метаться, ослепленный. А зенитки спешили сделать свое дело. С окраин и из центра работали так, что от их дружного треска раскалывался воздух.

Особенно в новогоднюю ночь вражеские самолеты старались во что бы то ни стало прорваться к городу, но защита была надежной, и ни один не прошел. А тревожные фейерверки войны не мешали горожанам в относительно спокойной обстановке встретить новый, 1944 год.

Раненые эвакуированы. Мы готовы к отъезду, назначенному на первое января. А пока у нас вечер, тридцать первое декабря 1943 года.

Полночь. Весь личный состав сидит за праздничным столом, небогато накрытым. Произносятся речи, тосты:

— За победу в этом году!

— За Родину! За Сталина!

Выступили участники художественной самодеятельности. Потом танцевали.

Торжество проходило в просторном помещении спортзала школы, где развернуться места было предостаточно.

Несколько дней назад к начальнику обратился молодой человек, житель города Киева, назвавший себя учителем пения.

— Умоляю, возьмите с собой, — просил он. — Что угодно буду делать. Не могу дома сидеть. На фронт не берут из-за слабого зрения.

Это был Юрий Иванович Павленко. Его приняли на должность руководителя художественной самодеятельности. Миля Бойкова постоянно была занята как операционная сестра и просила освободить ее от этого поручения.

Юрий Иванович оказался симпатичным веселым парнем с приятным голосом и мог играть на нескольких музыкальных инструментах. Был рад тому, что нашел место, где может приносить посильную пользу. В Новый год он попеременно играл то на пианино, то на баяне, чтобы дать возможность потанцевать желающим.

Активно помогал ему в организации и проведении праздника еще один молодой человек. Это Николай Дунаевский. Лейтенант. В госпиталь прибыл несколько месяцев назад после окончания Омского военно-медицинского училища. Занимался эвакуацией раненых.

На новенького лейтенанта поглядывали девчата, да вскоре поняли, что избранницей его стала Оксана Драченко.

Николай оказался активным участником художественной самодеятельности. Правда, солистом по пению и пляскам не был, а в скетчах и сценках играл превосходно. Он был артистом на сцене и в жизни. Большой чудак, у которого не всегда поймешь, где шутка, а где правда.

Новогодний бал продолжался до утра, несмотря на возражения начальника. За стенами дома грохотали зенитки.

Политработник
лейтенант Н. Е. Дунаевский

Не выдерживая вибрации, вылетали из окон стекла, и ветер заносил новогодние снежинки, осыпая танцующих.

С наступлением часа подъема майор Темкин, поздравив личный состав с первым днем нового года и пожелав счастья, напомнил, что эшелон для погрузки хозяйства подан и ждет нас на станции.

— Кончай танцевать, девчата! Пора в путь-дорогу! — произнесла Шура Гладких.

ЭХ, ДОРОГИ, ДОРОГИ...

Фронтальные дороги ведут нас все дальше. Колонна машин проходит по городам и селам, в большинстве своем значительно пострадавшим от войны. Всюду встречается огромное количество брошенной при отступлении противника боевой техники, автоматов, винтовок, воткнутых штыком в землю.

По полям на многие километры тянутся вражеские кладбища со свежими деревянными крестами, сколоченными наскоро. Десятки тысяч пленных, понутив головы, плетутся навстречу. Оборванные, обоживленные.

В освободившиеся от оккупации родные края возвращается население. Чаще встречаем людей в штатской одежде с красными нашивками на головных уборах, с автоматами за спиной и гранатами за поясом. Это партизаны. Среди них есть молодые и пожилые. Есть женщины и совсем юные девушки. А есть и ребята лет двенадцати. Окружающие относятся к ним с почтением. И я смотрю на них и думаю: «Вот вы какие — люди легендарной судьбы!»

Когда передовые части, преследуя врага, продвигаются быстро, мы за неделю работы отстаем на сотни километров, и догонять приходится поездом. Там, где нет железной дороги, — автотранспортом.

Не испытывали мы удовольствия при переездах в эшелонах. Может, потому, что зачастую нас сопровождали вражеские самолеты. Ведь каждый налет создавал тревожную ситуацию, хотя никого из нас не трясло от страха.

Вот и сейчас, в Киеве, погрузку в эшелон закончили в сумерках, а только успели отъехать за город, как началось преследование вражеским самолетом. Слово бы он тут и висел, ожидая момента отправки.

Состав то и дело останавливался. Это машинист обманывал врага: где гнал, а где резко тормозил, избегая попадания бомбы. Так поступают бывалые водители паровозов. И все-таки рискованно ехать, если не уверен, целы ли рельсы. То в лесу, то в поле остановка, то бомбежка, то обстрел начинается.

— Выходи из вагонов! — раздается команда.

Куда бежать? Темно. Повсюду вдоль дорог стояли дощечки со знаком «заминировано!».

— От пули спасешься — на mine подорваться можешь, — зло ворчит кто-то из мужчин.

И все-таки спешили отойти к лесу. Когда глаза привыкли к темноте, мы увидели кресты. Оказались на заброшенном кладбище.

— По вагонам! — собирает людей старшина.

Только приблизились к эшелону, как вновь вернулся самолет и давай обстреливать. Уходить было поздно. Упали, где стояли. Пули ложились неровной цепочкой именно там, где мы растянулись. Они поднимали фонтанчики песка, забрасывая его в лицо, обдавая теплым воздухом.

— Вот, стервятник, пристал, — ругался старшина. — Сколько же еще у тебя там этого груза?!

А девчата грозили кулаком:

— Умирать нам рановато. Нас ждут поважнее дела!

Ужасно надоело бегать из вагона и снова в вагон. Мы с Шурой решили не выходить. Будь что будет!

На узловой станции Фастов слышим: воеет сирена — воздушная тревога! И тут же засвистели бомбы. Люди из ваго-

нов разбежались. А мы сидим на полу, на соломе, прижавшись друг к другу. Самолет снова шел в пике...

Кто-то бежал вдоль эшелона и кричал, приостанавливаясь у вагонов:

— Эй, есть тут кто-нибудь?

— Есть! — подбежали мы к двери.

— Врачи?

— Нет. Медсестры.

— Какого черта здесь делаете? Марш в бомбоубежище!

— Может, лучше вам поможем?

— Нет. Нужны врачи.

Врачей и операционных сестер с нами не было. Часть из них несколько дней назад из Киева выехали в Брусилов. Там медсанбат, уходя вперед, под наблюдением врачей местной больницы оставил раненых, которые нуждались в хирургической обработке ран. Остальные еще утром на машине отправились на новое место.

В воздухе опять завыл самолет, снижаясь. Поблизости разорвалась бомба, и вторая... О стены вагона застучали осколки.

— Пойдем, поищем врачей, — говорю Шуре, — может, в бомбоубежище кого-нибудь найдем. Наверное, раненые есть.

До сих пор я никогда не была в таком месте, не представляла, как выглядит это сооружение.

Рабочий-железнодорожник привел нас к запасному ходу, что находился поблизости. Открыл тяжелый люк, и мы по вертикальной лестнице спустились в подземное помещение.

При тускло горевшей лампе увидели множество народу. Там было очень тесно и жарко.

— Врачи здесь есть? — спрашивает Шура.

Вместо ответа стали раздаваться голоса:

— Врачи, на выход!

— Есть на выход! — отозвалось несколько человек.

Тем временем вражеские самолеты улетели. Горели вагоны. Что-то взрывалось. Между эшелонами на носилках несли пострадавших в сторону привокзального медпункта. Кто мог идти — вели под руки. На перрон, слегка припорошенный снегом, укладывали в ряд тех, кто уже не нуждался в помощи.

По другую сторону вокзала, которого давно не существовало, находилось еще одно бомбоубежище. Оно было ближе других укрытий, и, естественно, когда объявили воздушную тревогу, пассажиры близстоящих эшелонов поспешили туда. И надо же было случиться такой беде: бомба попала в гущу столпившихся у входа людей. Туда-то и должны были спешить врачи. Там нужна была помощь десяткам, а может сотням, пострадавших.

Побежали к месту трагедии и мы.

Здесь раздавались стоны, крики отчаяния, плач людей, проклятия в адрес фашистов.

«Мамочка, родненькая моя, видела бы ты, что здесь происходит! Я тебя успокаивала, что не на передовой, в госпитале буду работать. Что ничего со мной не случится. А эти люди, отправляясь в недалекий путь, тоже надеялись, что ничего и с ними не случится...»

Мы с Шурой подхватили носилки, куда только что положили тяжелораненую девушку, и отнесли ее к медпункту, где десятки врачей уже приступили к оказанию помощи. И снова на место происшествия. Взяли под руки и повели раненного в ногу лейтенанта. Довели и обратно...

— Темкинцы, по вагонам! Поезд отходит! — услышали голос старшины.

Пришлось спешить к вагону, который находился впереди, далеко за пределами станции.

Собравшиеся возбуждены. Наперебой рассказывают о происшедшем. Жалуют, что не смогли помочь больше из-за отправки эшелона.

Впервые я увидела в слезах Клавдию Степановну, которая прибежала и уже на ходу поезда влезла в вагон. Она

поразила всех известием о том, что осколком бомбы напавал убило Юрия Ивановича Павленко, нашего нового художественного руководителя.

Все произошло очень быстро и неожиданно. Когда разорвалась первая бомба, он сидел с гитарой на стуле в штабном вагоне и пел. Они с Клавой готовили новую концертную программу. Не успел отложить гитару, как напротив, в вагон соседнего поезда, упала вторая бомба. Большой осколок, влетевший в приоткрытую дверь, угодил в шею Юрия Ивановича, перерезав сонную артерию. Считанные секунды — и человека не стало.

Осколками той же бомбы ранило еще двоих наших сотрудников, которые находились в соседнем со штабом вагоне. Санитару из команды выздоравливающих «распахало» бедро сантиметров на двадцать, а работница кухни, кроме ранения в голень, получила еще и контузию.

Ну и дела! Все, что мы увидели сегодня, было ужасно! И ничего изменить и предотвратить невозможно. Лишь в утешение или оправдание происходящего напрашиваются слова: война есть война!

Долго не могли успокоиться от пережитого кошмара. А под утро на одной из станций состав снова задержали.

— Дальше ехать нельзя. На большом участке разрушены пути. Цела лишь немецкая узкоколейка, — объяснил железнодорожник.

— На долгую жизнь рассчитывали — свои узкоколейки понастроили! — возмущался кто-то на перроне. — Не вышло?!

Эта небольшая станция почему-то не охранялась зенитками. Как рассказывают жители, вражеские самолеты, зная, что им ничего не угрожает, прилетали и нагло носились над самой головой у людей, над эшелонами, чуть ли не касаясь крыш вагонов, и били из пулеметов в упор.

— Выгружайся! — объявил старшина.

Кроме нашего хозяйства, несколько вагонов занимали вещевые склады управления и еще какие-то воинские под-

разделения. Соседи-спутники, чтобы не задерживать состав, свое имущество перекладывали из вагонов прямо на перрон, вдоль железной дороги.

Майор Темкин не последовал их примеру.

— Вон видите лесок? — удивил он вопросом. — Все будем переносить туда.

Лесок, молодой березник, находился метров за триста. Мы с досадой посмотрели на начальника. Показалось, что он создает нам лишнюю нагрузку. Но только успели переместить имущество в указанное место, как неожиданно из-за леса появились два стервятника и стали поливать из пулеметов. Потом один из них поднялся и пошел в пике... Полетела бомба...

Мы увидели, как загорелось выгруженное на перрон. Люди пытались погасить огонь, разбросать горящие вещи, но пулеметные очереди не давали им приблизиться...

Мало что удалось спасти от огня, кроме того, несколько наших спутников получили ранения.

Мы же поняли, что напрасно обижались на своего начальника. А он ходил, нервничал и повторял:

— Вот видите, я им советовал — они не послушались...

С нами следовала погруженная на платформу лишь одна автомашина. Темкин пообещал, что скоро придет за нами транспорт, захватил с собой старшину и еще несколько человек, необходимых для организации работы на новом месте, и уехал на ней. Мы остались на попечение начфина Крутова.

Эх, дороги, дороги... фронтовые дороги! Сплошные препятствия, приключения и неожиданности. И ужасно досадно, когда спешишь, а тебя задерживают непредвиденные обстоятельства.

Не идут за нами машины. Уже неделю загораем на опушке леса.

И вот наконец появилась, но только одна, к нашему удивлению. Мы с Шурой обрадовались. Захватив вещмешки, поспешили забросить их в кузов. А приехавшие шоферы

ры — завгар Тимошенко и Сапрыкин — заявили, что людей брать не велено, что прибыли только за хозяйственным мылом.

— Как это — не велено? — возмутилась Шура. — Мыло нужнее или люди? Там, наверное, задыхаются от работы, а мы тут дурака валяем!

— Раз послали за мылом, значит, нужнее мыло. А вы, пока есть возможность, отдохайте, — посоветовал Сапрыкин.

— Спасибо. Мы уже отдохнули. Возьмите нас, хотя бы двоих, — прошу я.

Начфин тоже уперся и не пускает: «не велено», и все.

— Товарищ лейтенант, нам надоело здесь сидеть. Что будет, если уедем без разрешения? — спрашиваю Крутова.

— Ну и черт с вами! — махнул он рукой.

И шоферы предупреждают:

— Не пожалейте, что напросились. Там действительно задыхаются от работы. И обстановка очень «веселая».

Еще сказали, что в Брусилов должны завернуть. Забрать людей, выехавших туда из Киева. Что трястись в дороге и мерзнуть придется около суток. Но мы твердо решили — ехать!

Влезли в кузов, заставленный ящиками с хозяйственным мылом. Соорудили из них удобные сиденья. Поверх шинелей набросили белые полушубки с большими воротниками. И, привалившись спиной к кабине, с нетерпением ждали, когда тронется машина.

Кстати сказать, теперь мы были уже одеты в шинели и сапоги. Кроме того, на зимнее время, в связи с частыми переездами, нас утеплили полушубками и валенками.

Как ни спешили ребята, чтобы пораньше отправиться в путь, а справились только к заходу солнца.

Места незнакомы. На каждом перекрестке приходится спрашивать, как проехать на Брусилов. Вот после одной деревушки — вилка в три дороги. Куда? По которой? Встречный мужчина направил прямо, через лес. Сказал,

что до ближайшего села будет не более трех километров.

Поле. Ближе к лесу машина входит в коридор из проволочных заграждений. Справа и слева знаки «заминировано!».

Нераскатанная проселочная дорога, присыпанная свежим снежком, вела по просеке. Погода стояла ясная, с легким морозцем. И, как по заказу, луна освещала все вокруг, неотступно следуя за нами.

Тихо. Лишь наша одинокая машина своим урчанием да фырканием нарушала тишину. Немного не по себе было в такой обстановке. Хотелось, чтобы машина шла бесшумно.

Нам показалось, что не три, а все шесть километров проехали, а села все нет. Но видим впереди просвет. Наконец лес кончился.

— Теперь, девчата, держись! Время нагонять станем, — предупредил Тимошенко.

Он переключил скорость, разогнал машину и... стоп! Резкий тормоз, крутой поворот под прямой угол. Мы с Шурой еле удержались — чуть не перемахнули через борт.

— Ребята, вы что фокусы устраиваете?

Тимошенко вышел и осмотрелся. Присвистнул.

— Полубуйтесь, девчата, какой фокус лежит. Молитесь, что живы остались.

Почти под колесами машины значился бугорок, припорошенный снегом. А дальше еще и еще. Поле было усеяно противотанковыми минами. Ребята, не стесняясь, выругались.

— Что будем делать? — задал вопрос Сапрыкин.

— Давай посмотрим. Может, проберемся, — обнадеживающе ответил Тимошенко.

Обследовав дорогу, он провел нас вперед. Вернулся и сел за руль. Снова осматривал дорогу, провожал нас и медленно полз на машине за Сапрыкиным, указывающим направление.

Сколько времени продолжалось такое передвижение, не имели представления. А пройдя еще немного, ужасно растерялись: перед нами оказалось еще одно препятствие — широкая и длинная канава. Но не противотанковый ров и не траншея. Как провести машину? Неужели придется возвращаться? Да и как развернуться теперь? — мучили вопросы.

— Когда-то здесь ездили. Правда, только на лошади. Проезжая часть завалена сучьями. Может, там мин и нет, — делает вывод Тимошенко.

— Кто его знает, когда ездили? Снегу-то немного, да похоже, что давненько лежит, а следов не видно.

Тимошенко осторожно стал разгребать сучья... К счастью, ничего подозрительного не оказалось. Ребята, подтянув машину до препятствия, стали разгружать из кузова ящики и длинные, широкие доски, без чего шоферы не отправляются в путь.

На сучья параллельно они положили две доски в ширину колес, на них поставили ящики с мылом, сверху снова доски.

— Девчата, вы смело можете идти по этому мостику, если даже внизу окажутся мины, — обрадовал Тимошенко. И, как бы подтверждая свои слова, сам прошел первым. А рост его и вес были значительно солиднее по сравнению с нашими. Но так он доказал безопасность прохода только для человека. А ведь здесь должна пройти машина.

Перейдя канаву, Тимошенко осмотрелся по сторонам. Еще прошел метров двести. А вернувшись, радостно сообщил:

— Друзья, дальше мин, кажется, уже нет.

— Ну, девушки-матушки, убегайте подальше. Если что — не поминайте лихом, — предупредил Сапрыкин.

— Давайте лучше без предисловий, — возмутилась Шура.

Как и через все поле, машину медленно вел Тимошенко.

Сапрыкин шел впереди, заглядывая под колеса, следил, чтобы не свернули с мостика.

Мы с замиранием сердца смотрели за действиями ребят.

Видим, как они, благополучно перебравшись, укладывают в кузов доски и ящики.

— Ух, наконец-то все позади!

Неожиданно впереди, за косогором, услышали шум проходящей машины.

— Ура! — закричали мы, не сговариваясь.

— Ребята, рядом большая дорога!

Когда подошла машина, Тимошенко, открыв дверцу кабины и вытирая со лба пот, признался:

— Шура и Люба, если бы не вы, нам с Сапрыкиным было бы несдобровать. Это мы с вами ехали осторожно. А одни рванули бы так, что первая же мина подняла нас в воздух. Спасибо вам! Получается так, что вы спасли нам жизнь.

— Вот видите, а вы брать нас с собой не хотели, — упрекнула Шура. — А благодарность вашу принимаем.

Я высказала свои мысли: почему все же встретившийся мужчина направил нас по этой дороге? Если он местный, то не мог не знать о заминированном поле, где давно никто не проходил. Да и деревни-то близко не оказалось.

— Кто его знает. Может, полицай какой тут окопался. Или совсем посторонний. Наугад брякнул и пошел.

— Но главной спасительницей оказалась она, — кивнул на луну Тимошенко. — Представляете, если бы ехали в темную ночь? Да и снежок, хотя и скупенький, с ним по-светлее было. Ну ладно, друзья, раз живы — поехали дальше.

— Давайте сначала перекусим, — предложила Шура. — Ужасно есть захотела.

— Пожалуй, теперь и подкрепиться не мешает. Энергии потратили немало, — соглашается Сапрыкин.

Пожевали хлеб с салом.

— Запить бы еще чем-то, — произносит Сапрыкин, — может, снегом.

— Нет. Потерпите, — остановил Тимошенко. — Найдем же где-то деревню. Напьемся и дорогу узнаем, чтобы не плутать больше по минным полям.

Спустились по косогору. Проехали по большой дороге еще не менее трех километров и услышали лай собак. Потом разглядели притаившуюся в ночи деревушку. Ни огонька, ни искорки в тихих затемненных окнах. Но нам почудилось, будто с пением полуночного петуха звучит и музыка. Галлюцинация?!

Шура посмотрела на меня с удивлением, а потом встала и повернулась туда, откуда доносился звук гармошки. На противоположном конце села шло какое-то гуляние.

Нам было жарко от волнения, когда шли по минному полю. А забравшись в кузов, на ветерок, замерзли. И теперь так захотелось оказаться в одной из этих хат и отогреться!

Вот во дворе шумят люди. Машина остановилась. Мы поспешили в дом.

— Пожалуйста, милости просим за стол. Дорогими гостеньками будете, — приглашал маленький седенький старичок. — У нас вот сын женится. Отвоевался. Фашисты руку у него отняли. Вы уж простите нас. Идет война, а без свадьбы все же нехорошо. Решили всем селом, — долго оправдывался хозяин.

— Ничего, ничего, папаша, продолжайте, — успокоил Тимошенко.

За столом сидели жених и невеста, окруженные женским обществом. Жених в гимнастерке с заткнутым за ремень левым пустым рукавом. Невеста была одета в розовое платье. И лицо ее было розовым, раздумывавшимся от многолюдия в тесной и жаркой хате.

Кто-то предлагал нам выпить за молодых, а кто-то — закусить.

— Спасибо. Нам бы только водички напиться, — попро-

сил Тимошенко. — И, люди добрые, подскажите, пожалуйста, как проехать на Брусилов?

Услышав историю о минном поле, рассказанную Тимошенко, люди добрые ахнули.

— Как это вы, на машине, да еще ночью?!

Снова сидим на ящиках с мылом, прижавшись друг к другу. От предложения шоферов — поочередно отогреться в кабине — отказались. Пусть в кузове, но сидеть вместе. Опять вокруг тишина, и нам хочется ехать бесшумно.

Оглядываем бескрайние поля, где несколько дней назад прошли бои. Вон обгоревшие танки, машины. А это что? Лошади! И конница здесь сражалась. По всему полю лежали они, вздутые, покрытые блестящей при лунном свете коркой льда. Зрелище это вызывало жалкое, щемящее душу чувство. Хотелось плакать...

Дорога шла на подъем, к лесу. Ребятам эти места были уже знакомы.

— Скоро Брусилов увидите, — прокричал Сапрыкин, высунув голову из кабины.

Машина оказалась на порядочной высоте над городком. Но ночные приключения на этом не окончились. Перед нами открылось неожиданное зрелище: Брусилов был охвачен огнем.

Сверху было видно, как в нескольких местах что-то горело и загоралось вновь. Мы встревожились: не наше ли хозяйство в опасности?

— Скорей! — стучим по крыше кабины.

Машина с пригорка спускается вниз. Вот уже несется по улицам, мимо пожарниц. Еще один поворот. Угловой дом скрывает улицу, которая идет под острым углом, почти в обратном направлении. Из-за урчания машины не слышны посторонние шумы. Вернее, они смешались с треском горящих деревянных строений, криком людей, ржанием лошадей, лаем собак. И уж настолько неожиданной

оказалась встреча с танком, который на полном ходу вынырнул из-за крутого поворота!

Безусловно, и водитель танка не предполагал, что может встретить здесь в предутренние часы одинокую машину.

Водители растерялись и свернули в одну сторону, затем одновременно — в другую...

От резкого поворота мотор нашей машины заглох, и она остановилась поперек дороги. А танк своим бронированным лбом уперся в ее правый борт.

Все произошло в мгновение.

— Ох! — хором выдохнули сидящие на танке бойцы.

— Счастливые вы, девчата, должно быть?

— Да, сегодня нам особенно везет! — произносит Шура.

Ребята с танка говорили что-то еще, кричали на водителей, возмущаясь. А мы стояли в кузове и разглядывали уткнувшуюся в борт машину, которая только что чуть было не проутюжила нас своими могучими стальными гусеницами.

Проехав еще немного, мы остановились в тихом и темном, после яркого огня, переулке.

— Все в порядке! — произнес Сапрыкин, выпрыгнув из кабины.

Во дворе собрались люди, только что пришедшие с пожара. Они сообщили, что кто-то умышленно совершил поджог. Что загорелось одновременно в нескольких местах, на разных улицах.

— Избавились от фашистов, так какая-то сволочь еще пакостит, не дает спокойно жить! — ругается женщина.

— Где же наши люди? Спят, что ли, в такую ночь? — спрашиваю хозяйку.

— Уехали на попутных, — ответила она. — Сами уехали, а носилки оставили. Сказали, что потом их заберут.

Настроение у меня было ужасно скверным. Надеюсь, что здесь повидаяюсь с девчатами, расскажу им о дорож-

ных приключениях и станет полегче — разрядится напряженное состояние. Да может, уже и письма привозили сюда. Но и здесь постигла нас неудача. Досадно!

— А ты не расстраивайся. Радоваться надо. Нам и верно сегодня повезло. Столько препятствий, а мы вот тут — живые! — успокаивает Шура.

— Слушай, Сапрыкин, не ты ли причиной всех приключений сегодняшней ночи? — смеется Тимошенко. — Может, не напрасно ругают тебя девчата?

Водитель Сапрыкин — хороший человек и работник опытный, но страшно невезучий. Когда оказывались с ним в дороге, непременно что-нибудь происходило. То машина зачихает и отстанет от колонны, то совсем заглохнет, и он не может ее завести. Потом просит закрыть ладонью отверстие какой-то трубки, чтобы подсосать, как он выражался, тогда легче заводился мотор. «Ну что ты за человек? — возмущались девчонки. — Больше с тобой никогда не поедем!»

Особенно подшучивали над ним с тех пор, как он однажды заехал... в кузов замаскированной машины. Там была установлена зенитка, которую он чуть не помял. Крепко ему тогда досталось от девушки — командира батареи. «Не умеешь ездить — ходи пешком!» — высказала она довольно обидные слова для Сапрыкина.

— Нет, друзья, сегодня меня не ругайте, — тоже смеется он. — Я же за рулем не сидел. Это, наверное, начфин благословил нас в дорогу с чертом. Вот он и издевался над нами...

Посидели. Пошутили. Немного успокоились. Потом уложили в кузов носилки и другое имущество, оставленное здесь, и снова в путь.

— Ну, дорогие мои спутники, с наступлением нового дня, думаю, можно надеяться, что подобные события не повторятся. Поехали! — заключил Тимошенко.

Украина — это не Урал. На хорошие дороги здесь зимой нельзя надеяться. Постоянная оттепель и дорожная распутица затрудняли передвижение, а для нас — доставку и эвакуацию раненых. Поэтому коллективу приказано было развертываться как можно ближе к передовой.

Но в данное время госпиталь не мог начать работу самостоятельно, потому что личный состав оказался разрозненным, разбросанным. Медико-санитарные батальоны, следуя за линией фронта, в освобожденном Брусилове, в помещении больницы, оставили под наблюдением местных врачей тяжелораненых бойцов и офицеров. Еще в Киеве был получен приказ: в срочном порядке направить туда группу медработников. Приказ был выполнен. После оказания помощи и нескольких дней лечения часть больных из Брусилова была эвакуирована в Киев, а освободившиеся сотрудники прибыли сюда, в деревню Зозулинцы, и приступили к оказанию активной помощи в работе двух медсанбатов, где находилось около двух тысяч раненых.

Основная часть людей и все имущество застряли на станции. Еще несколько человек, выбывших последними из Брусилова, добивались попутными машинами, в том числе и лейтенант Дунаевский, на которого была возложена забота о нетранспортабельных больных. После встречи Нового года в Киеве Дунаевский вновь уехал в Брусилув, где предстояло ему эвакуировать подлеченных раненых, свернуть оставшееся имущество и подготовить его к перевозке на новое место.

Нужно сказать, что задача, поставленная перед лейтенантом в Брусилове, оказалась не из легких. Город жил в угрожающей обстановке. Порой линия обороны находилась не более чем в пяти километрах. Наши войска оборонялись, и временами город подвергался обстрелу противника. А тут еще в скором времени в больнице вышли продукты и топливо.

Чтобы накормить полсотни оставшихся больных, лейтенант вынужден был организовать сбор продуктов среди населения. Договорился с местным молокозаводом, где обещали ежедневно выдавать понемногу молока. Женщины несли в больницу все, что имели. Так в первые же дни раненых обеспечили хлебом, набралось порядочное количество картошки и различных круп. В рационе больных появилось горячее молоко.

А вот топить пришлось сборным торфом, от которого почернели стены палат и потолок, а люди чихали. Зато стало потеплей, а значит, и повеселее на душе у больных.

Еще прошло несколько дней. Обстановка не менялась. Раненых транспортировать тоже еще было рано. И снова пришлось отправиться за продуктами. Теперь уже по соседним селам, где собрали несколько пудов зерна. Нужна была мельница, а где ее найдешь? И тут кто-то из жителей предложил жернова. Хозяин пообещал размолоть зерно и муку доставить в больницу. Таким образом, заготовители собрали, как говорится, с миру по нитке и вернулись с возом продуктов.

В распоряжении Дунаевского не было никакого транспорта, поэтому, когда улучшилось состояние больных и настало время отправки их в тыл, он выходил на дорогу и останавливал машины, идущие в сторону Киева. На них укладывали по несколько человек, укутав потеплее, усаживали сопровождающих, обеспечив необходимым, в том числе и горячей водой.

Это, быть может, не такой уж значительный эпизод в работе полевого госпиталя, вернее в жизни и службе лейтенанта Дунаевского, но и в этом проявилась глубина его ответственности за судьбы доверенных ему людей.

Мы с Шурой на госпитальной машине прибыли в село Зозулинцы, в расположение медсанбатов.

Обстановка здесь была действительно «веселой», как предупреждали шоферы. Совсем близко били орудия, слышны были пулеметные и автоматные очереди...

— Девушки-дорогуши, никуда не уходите, — встретил нас словами старшина Блохин. — Чувствуете, что происходит вокруг? Бои идут всего в трех километрах. Сейчас раненых станем переправлять к станции.

Зашли в штаб. Доложили начальнику о прибытии и сразу же получили новое распоряжение:

— Гладких и Никулина, приготовьте шприцы, бинты — все, что может понадобиться в дороге для оказания помощи. Пойдете сопровождать раненых. Уже идет погрузка людей на подводы. В помощь себе возьмите Марию Гуляеву, а руководство возлагается на лейтенанта Дунаевского...

Январскими сумерками сорок четвертого года по ухабистой прифронтной дороге двинулся санитарный обоз из двадцати шести подвод.

Снегу мало. На санях нельзя. А каково же трястись на телеге по застывшим кочкам, да еще тяжелораненому! Слышатся стоны, брань.

Сопровождающий, местный житель-старичок, шагает рядом с передней подводой. Перебегаю от повозки к повозке. На каждой лежат по два человека, а в ногах у них сидят раненные в руки.

— Скоро ли доберемся, сестра? — спрашивают меня.

— Скоро, скоро, — успокаиваю, хотя сама не знаю, когда настанет это скоро.

Время тянется медленно. И обоз растянулся далеко, конца не видно. Лошади плетутся еле-еле, и не подгоишь. Лейтенант с Шурой где-то позади. Тоже крутятся около повозок.

Подошла Маша и сказала:

— Там их двое. Я пойду с тобой.

— Хорошо. Идем, Маша.

Морозило. Навстречу дул холодный, колючий ветер. Лохматые тучи с большой скоростью проносились по небу. Луна то и дело пряталась за тучку, словно бы уходила отдохнуть от того хаоса, какой происходил на земле. Тогда

на потемневшем небе и вокруг ярче становились орудийные вспышки, светлее зарево войны, и мы оказывались в огненном кольце. Это так было ужасно!

«Свети, луна, пожалуйста. Нам с тобой повеселее, когда ты смотришь на нас с высоты. Ведь это только я так думаю, что ты устала. На самом деле ничего-то тебя земное не касается. Свети, пожалуйста!..»

Обоз прибыл в село Юзефовка.

— Вот вам «гостиница», а вот «перина», — сказал сопровождающий, показав на церковь с разбитым куполом и стог соломы во дворе.

Часть подвод остановилась, а вторая половина, в сопровождении лейтенанта и Шуры, ушла куда-то к школе. Со мной осталась Маша. Мы с ней поспешили осмотреть помещение. Там царил мрак. В маленькие окна, расположенные высоко у потолка, плохо проникал свет зарева — на полу ничего не видно. Можно было только догадаться, что полно пыли и грязи.

— Машенька, надо как можно больше наносить соломы и разостлать ее по всему полу.

Окружающая обстановка почти не изменилась, и раненые забеспокоились, когда их стали перекладывать на носилки:

— Это что — ваш тыл?

— Да, пока это наш тыл, — отвечаю. — Маша, пошли скорее еще за «перинами». Люди на подводах замерзли.

Добавив соломы, мы снова подхватывали носилки.

Не успели переложить с повозок, как прибыли раненые с передовой.

— Куда нас привезли? — возмущались вновь прибывшие. — Почему не отправляете дальше?

— Где начальник госпиталя?

— Успокойтесь, товарищи. Ночь придется провести здесь. Завтра начнем эвакуировать.

— Завтра может оказаться поздно, а фашисты могут прийти уже сегодня.

— Товарищ больной, без паники, пожалуйста. Не придут сюда фашисты.

— Вы мне не доказывайте.

— Что же делать? Хотите оставаться здесь или нет, дорогой мой, а придется. Пока что весь госпиталь представляем мы вдвоем вот с этой девушкой Машей. А начальник и все остальные находятся еще ближе к передовой, где не одна тысяча раненых.

Прибывающие с азартом, по-мужски, рассказывают о последнем их бое, о положении на переднем крае. И, зная об окружающей обстановке, беспокоились вдвойне, потому что сейчас они были безоружны.

— Ну смотри, сестрица, на тебя вся надежда. Теперь ты — наше оружие и защита, — высказался один.

Это, конечно, было сказано в шутку, но я задумалась над словами больного, и стало страшновато. Действительно, случись непредвиденное, что мы с Машей сделаем? А откровенно говоря, у меня никогда такой мысли, что наши не удержат оборону, и не зарождалось.

— Ничего, ребята, это место святое. Бог милостив и в обиду не даст уже пострадавших, — еще пошутил один из вновь прибывших.

Все свободные места на полу были уже заняты. Всюду раздаются стоны. Просят подойти.

— Сестра, сделай укол. Рана болит — нет терпения.

— У меня кровь сочится через повязку.

— Сестра, воздуху не хватает... — зовет только что прибывший раненный в грудь.

Нужно спешить на каждый зов. Сделать все возможное в этих условиях, в потемках. И уколы делаю в темноте, смазав место укола йодом. Выручал слабый свет, льющийся из окон. Шприцы и иглы кипятила в небольшом стерилизаторе, который устанавливался на специальную подставку. На подставку под стерилизатор подкладывался и зажигался кусочек сухого спирта. Кроме этого приспособ-

ления, бинтов и ваты, в нашем маленьком хозяйстве пока ничего больше не было.

Раненный в грудную клетку задыхался. Воздух со свистом проходил через рану. Требовалась срочная операция. А сейчас не только операцию, но и перевязку сделать нельзя по-настоящему. Наложила поверх бинтов давящую повязку, забинтовала поплотнее, да облегчения было мало.

Хотя бы лейтенант пришел. Он где-то Шуре помогает. Она ведь совсем одна останется, если он уйдет. Значит, не может оставить ее. Наверняка и у них положение не лучше, чем у нас с Машей...

Ух, какая длинная ночь! Скорей бы наступало утро!

Выбежишь за очередной охапкой соломы, хочется закрыть глаза, чтобы не видеть происходящего вокруг. Звуковой кошмар не утихал. Хотя и январь на дворе, а снегу здесь мало. Земля кажется черной, а небо и воздух — в огне. Словно пылает весь мир. А тут еще при вспышке орудийных залпов неподалеку высветило группу людей, вооруженных автоматами. «Может, это фашисты-разведчики. Неужели придут?!» — промелькнуло в голове.

Обхватив руками как можно больше соломы, спешу к больным. В работе окружающая обстановка ощущается не так остро.

Настолько плотно уложили людей, что ступить, казалось, некуда. А они все прибывали.

Снова перехожу от одного к другому, прощупывая пульсы, проверяя повязки — нет ли кровотечения. Делаю уколы — сердечные и обезболивающие. Раненных в грудь укладываю повыше, чтобы легче дышалось.

Под утро меньше стало поступать раненых.

— Ну, как там? — с нетерпением спрашивали новичков.

И от прибывших последними узнали о том, что боевая обстановка изменилась, стала надежнее. Кажется, закрепили линию обороны.

Раненному в грудь становилось все хуже. Он умирал. Я стояла перед ним на коленях и плакала.

— Ну потерпи, пожалуйста! — умоляла его. — Скоро придут врачи, сделают операцию, и станет легче.

Прибежал лейтенант. Посмотрел больного. Еще потуже стянули бинты. Но никакие просьбы и слезы не помогли ему дожить до утра. На рассвете он скончался.

На душе у меня было ужасно тяжело. Чувствовала себя виноватой в смерти человека, хотя знала, что спасти его могла только операция.

Добрые вести с передовой успокоили людей. Я вышла на крыльцо, чтобы передохнуть. Ветра не стало. Тучки рассеялись. С рассветом побледнела луна. А главное — наступила тишина на переднем крае. Это так необходимо было для всех нас, таких беспомощных. А еще главное то, что никаких вражеских разведчиков не было. Это оказались всего лишь столбики от разрушенного мостика через маленькую речушку. Смешно!

Да, теперь смешно. И на душе легче стало. И усталость прошла, словно и не было этой кошмарной ночи.

Обстановка в Зозулинцах, где дислоцировались медсанбаты с большим количеством раненых, оставалась тревожной. Наступило временное затишье, которое могло взорваться в любую минуту. За ночь часть больных была перевезена в Юзефовку, где мы уже провели тревожную ночь. Рядом по территории сахарного завода проходила железная дорога, и представлялась возможность формировать санлетучки.

Ночь и следующий день продолжалась перевозка раненых, в том числе и тех, кто нуждался в покое. Чтобы уменьшить дорожную тряску, сопровождающие, стоя в кузовах машин, всю дорогу поддерживали на весу носилки, на которых лежали послеоперационные. Машины шли на малой скорости.

В Юзефовке заняли больницу и школу, а последних прибывающих раненых пришлось размещать по хатам.

Руководством госпиталя были запрошены из армейского автобатальона машины для вывозки людей и имущества,

находящихся на станции. В эту же ночь они прибыли, и наконец весь личный состав собрался в Юзефовке.

На передовой временами то затихала, то вновь оживала перестрелка. Судя по обстановке, необходимо было побыстрее переправить большинство раненых в тыл. С этой работой оперативно справился Николай Дунаевский.

В отделениях остались самые тяжелые, послеоперационные, с проникающими ранениями в грудь, живот, череп.

С травмой головы большинство находилось в бессознательном состоянии. Некоторые пытались подняться и с криком «Ура, за Родину!» бежать в «атаку». А некоторые лежали молча часами и многими сутками.

Один из таких, поступивший без документов, без фамилии в медицинской карточке, заполненной в медсанбате, не отвечал на вопросы и вообще не реагировал на окружающее.

— Как ваша фамилия? — то и дело подходили и спрашивали врачи, сестры или няни.

Нужно было узнать имя человека — кто он и откуда? Нужно было уловить момент, когда может проснуться сознание. Это был особый пост, который ни на минуту не покидали медработники.

Только дня через три больной, пролежавший без движения, слегка передвинул кисть руки.

— Как ваша фамилия? — поспешила я его спросить. — Как фамилия, ваша фамилия?

И вдруг он с усилием выкрикнул:

— Лукашенко! Лукашенко! Лукашенко!..

Теперь вторые сутки отключиться не может. Днем и ночью — все «Лукашенко!..» да «Лукашенко!..»

А я третьи сутки не выхожу из палат. Все подопечные ведут себя очень беспокойно во всякое время суток. Постоянно надо следить за каждым, чтобы не поднялись в «атаку», чтобы не напились воды после операции на желудке или кишечнике те, кого мучит жажда...

Снова крутимся с Машей, оберегая от всяких неужи-

данностей доверенных нам людей. Но в жизни всегда получается так, что благополучие держится до поры до времени. Вот и у нас, казалось, соблюдался полный порядок, и вдруг — чуть было не случилась беда.

В одну из ночей через щель приоткрывшейся двери палаты из коридора стал просачиваться едкий дым. Я вышла и увидела, что он идет из дежурной комнаты, где находятся медикаменты и кипятятся шприцы. В той же комнате стоят три кровати. Они не заправлены. Лишь по охапке сена брошено на них. Потому что ложатся там порой всего на несколько минут и прямо в шинелях. Иногда забегают дежурные по части, старшие сестры, вдоволь набегавшиеся по отделениям и по хатам. Или врачи, кто уже не мог стоять у операционного стола.

Открыла дверь дежурки и растерялась: стол объят огнем. Горят простыня, заменившая скатерть, и край одеяла, которым замаскировано окно. Самодельный светильник — небольшая бутылочка, наполненная бензином и накрытая срезанным кружочком картофелины с фитилем из бинта, — лежал на полу. От него к одной из кроватей бежала огненная струйка бензина. Зайди я чуть позже, большим костром вспыхнуло бы сено...

Почему бутылочка оказалась на полу? Взрывной волной со стола сбило, что ли?

Сорвав горящие простыню и одеяло, я стала тушить огонь. Из-за дыма ничего не видно, а тут еще слезы градом бегут и кашель одолевает. Слышу, на одной из кроватей тоже закашлялся кто-то. Подхожу, открываю шинель, которой накрыт человек.

— Вставайте, — говорю, — задохнетесь.

А он поворачивается на другой бок, закрывая рот от удушливого дыма.

— Пожар! — кричу над ухом.

Это был лейтенант Крутов, дежуривший по части. Видно, тоже устал, наработавшись за день и набегавшись за ночь по территории.

Подошедшую Машу прошу принести еще несколько запасных одеял. Накрыла костер...

Когда опасность, казалось, была позади, я поспешила в палаты. Но, почувствовав неладное, оглянулась. Дежурка опять почему-то была охвачена огнем. Пламя быстро погасло, лишь удушливый дым кружил, да большими хлопьями летала черная сажа. Увидела, как вновь загоревшееся одеяло лейтенант накрыл своей шинелью и стал затапывать сапогами.

Вся эта история длилась считанные минуты, может и секунды, но сколько было пережито! Ведь за стеной находились десятки таких людей, кто в случае пожара не смог бы выбраться самостоятельно, и помощь прибыла бы не скоро, потому что школа стояла в сторонке на краю села.

— Откуда появилось пламя? — спросила я Машу, когда ушел начфин.

— Лейтенант выплеснул из ведра воду, и почему-то снова все вспыхнуло.

— Какую воду?

— А что под кроватью стояла.

Я долго не могла успокоиться. Когда вернулась к больным, здесь было относительно тихо. Лишь изредка кто-то стонал да раздавалось бесконечное «Лукашенко!»

Рано утром забежала старшая сестра. Заглянула в палату:

— Где бензин? — спрашивает меня.

— Какой бензин?

— В ведре под кроватью вчера ставила.

— А-а-а, Крутов им... тушил пожар.

— Чего ты мелешь? — смотрит она удивленно.

— ...Так вот, Валюша, оказывается, какую воду вылил Крутов на огонь. — Рассказала я старшей о ночном происшествии.

— Хорошо, что там немного оставалось бензина. Половину полученного отдала в первое отделение да по хатам

разлила. Если бы оказалось вдвое больше, могли не справиться с огнем.

— И так еле справились.

Силы электродвижка хватало только для освещения операционной и перевязочной. В палатах пользовались свечами, парафиновыми плашками, которых вечно недоставало. Потому и приходилось постоянно применять самодельные светильники, используя имеющееся в достатке горючее — бензин.

— Ну вот, снова надо выписывать, а начальник АХЧ ругается. Говорит, что мы делаем перерасход.

— А ты что волнуешься? Пусть Крутов сам выписывает требование на получение бензина. Пусть сам расплачивается и за одеяла. По его вине сгорели. Кстати, Валя, посмотри на него, когда встретишь, каким он смешным стал с опаленными бровями и ресницами. Да и волосы прихватило порядком. Маша тоже немного подпалилась. А я успела выйти.

— Хорошо, что без ожогов обошлось.

— А если бы не Крутов, мы спокойно могли погасить огонь и никто бы не узнал о происшествии.

— А теперь я на оперативке расскажу, как начфин тушил пожар бензином.

— Нет, Валя, ты никому пока не говори об этом. Не надо его ставить в глупое положение. Спросонок он и сам не понял, что произошло. Потом с ним объяснимся. Кто бы мог подумать, что бензин у нас хранится вот так, под кроватями и в ведрах, как вода. Нам же и попадет за это.

— Верно, Любочка. Это моя большая оплошность. Впредь не надейтесь на такую роскошь — пожар тушить бензином, — смеется старшая.

Вроде мелкий пример — случай со сгоревшими одеялами. Что они стоят по сравнению с нанесенным войной ущербом?! Подумаешь, сгорели три байковых одеяла и одна простыня! В те годы кто-то придумал неумную поговорку: «Война все спешет!» Мы же не ссылались на войну.

Если что-то пропадало при переездах или чего-то недосчитывались во время передачи и приема дежурств, за это расплачивались палатные и старшие сестры.

Еще о бензине. Признаться, меня первое время удивляло и даже возмущало то, что из-за каждой бутылочки-коптилочки бензина нам надо было спорить со старшей сестрой или с начальником АХЧ. Знала, что в гараже постоянно находится несколько бочек бензина — тонны, а нас ругают за сто-двести граммов: «Перерасход!» И потом, много лет спустя, когда перечитывала военные мемуары командующего 1-м Украинским фронтом маршала Ивана Степановича Конева, не менее удивилась тому, как он докладывал в Ставку Верховного Главнокомандования о том, что отпущенный лимит бензина полностью израсходован, просил отпустить дополнительно. Значит, тоже не брали, сколько хотели.

Да, удивлялась. Мне казалось, как можно было лимитировать бензин или боеприпасы, если они так необходимы были для боевых операций, а в итоге — для победы. Выходит, что все находилось на строгом учете: и военная техника, и боеприпасы. И воины должны были бережно относиться к своим боевым орудиям, винтовкам и автоматам. Даже для медицинских сестер и санинструкторов стало законом выносить с поля боя не только самого раненого, но и его боевое оружие. Заведен был такой порядок, чтобы все подразделения отчитывались перед своими штабами за расход и остаток всего, что имели.

...Двое суток проводить на дежурстве, на ногах, еще терпимо. А третьи-четвертые достаются тяжело. Бойю присесть. Чуть замрешь на месте, как моментально отключаешься от всего и не помнишь потом, сколько времени находилась в таком состоянии.

По прибытии в Юзефовку старшина определил нас с Шурой на одну квартиру. С ней нам не так часто приходилось быть вместе. Она как хирургическая сестра на новое место часто уезжала на машине раньше, вместе с перевя-

зочно-операционным блоком. Порой расставались надолго. Не виделись месяцами. Я не раз говорила ей в шутку о том, что плохой она шеф, если покидает меня на произвол судьбы, не выполняя просьбу мамы. Она же доказывала, что уже убедилась в моем самостоятельном существовании, что я больше не нуждаюсь в ее опекуновстве.

Жили, что называется, вместе, а не виделись с того памятного путешествия по минному полю. Она где-то подремлет часа два и снова на сутки-двое в операционную. Да и я на квартире не частый гость. Вот очнулась сейчас и не помню, как и когда я сюда пришла. Лежу на высокой скрыне — огромном сундуке, в котором хранится почти все богатство хозяев. Посмотрела на окно — непроглядная ночь. А в хате еще темнее. Слышу разноголосое сопение спящих на полу людей. Это солдаты. Они с марша часто останавливаются на отдых. Новички. Пополнение фронтовикам. Может, последнюю ночь спят спокойно.

Что такое? Все больше удивляюсь, пытаюсь вспомнить, как оказалась на квартире.

Услышала шепот Шуры. Она сидела на стуле около меня и с кем-то переговаривалась. Хотела ее что-то спросить, но она остановила: «Тихо!»

Утром с любопытством осмотрела хату и сидящего на стуле незнакомого капитана.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Нормально! — ответила, еще больше удивляясь такому вопросу.

Солдат в хате не было. Уже ушли. Хозяйка хлопотала у печки, подкладывая в огонь солому, что-то варила. Да, это не оговорка. На Украине из-за недостатка дров печи топили торфом, соломой, которую надо подкладывать не отходя. Так греют воду, варят обеды, пекут хлеб.

Присутствие постороннего человека меня начинало раздражать, и я спросила:

— Вы тоже на квартире у нашей хозяйки?

— Нет, — ответил он, улыбнувшись. И, взяв из кармана шинели папиросы и спички, вышел из хаты.

Где-то я его видела. Знакома улыбка. Наверное, был ранен и лежал у нас.

— Нет, — повторил он, когда вернулся, — я не живу у вашей хозяйки. Проходили мы вчера с товарищем мимо школы, где вы работали. Видим, на полу, в коридоре, лежит девушка в белом халате. Так жаль нам стало эту сестричку. Поинтересовались: что случилось? «На ходу уснула — четверо суток без смены работала», — ответили нам. Мы предложили свою помощь. Взялись с капитаном за носилки, а подруга привела нас сюда. Вот и все.

— Вы всю ночь сидели здесь?

— Да. Товарищ ушел, а я остался. Могла еще какая-нибудь помощь понадобиться.

— Ну что же, товарищ капитан, спасибо за спасение уставшей души. Сердечную благодарность передайте товарищу.

— Вы меня прогоняете? Мы с вами второй раз встречаемся и все незнакомы. Называйте меня Владимиром.

— А я вас, кажется, не знаю.

— Вспомните штабной вагон. Вы с девчатами возвращались из Тамбова под Киев. А я вас хорошо запомнил. И, как видите, даже маршрут сохранился в памяти.

«А-а, это тот капитан-артиллерист, что хозяйничал у печки, разогревал ужин».

— Значит, еще и еще раз спасибо, товарищ Владимир, и за прошлое. У вас отпуск или в части делать нечего? Если так, то приходите к нам на помощь.

— Действительно, вы очень нуждаетесь в помощи. Если бы не увидел своими глазами, как вам достается, не поверил бы чьим-то рассказам.

— Всякое бывает.

— Всякое может быть на передовой. Но чтобы такое в госпитале. Так же нельзя!

— Не решим мы с вами этот вопрос, товарищ капитан. Медработников лишних нет, а потому перегрузка на каждого будет до тех пор, пока идет война.

Капитан рассказал о боях на этом участке. Оказывается, здорово поработали здесь артиллеристы. Сейчас они находятся за селом, в обороне.

— Всем частям было известно, что здесь задержалось много раненых в госпиталях и медсанбатах, — продолжал он. — Гитлеровцы пытались вернуть железную дорогу, а наши, естественно, прилагали усилия, чтобы оттеснить врага.

— Да, эта дорога выручила нас здорово! Всех подготовленных к эвакуации раненых смогли переправить в тыл.

— Ну что мы все о делах. Товарищ Любаша, сегодня наши культработники обещали организовать танцы. Решили повеселиться, пока позволяет обстановка. Признаться, мы затем и шли вчера в село, чтобы пригласить ваших девочек на вечер. Но узнали, что вам не до танцев. Значит, отказываемся и мы от этого удовольствия и просим разрешения вернуться к вечеру сюда, чтобы побыть с вами вместе. Можно?

— Можно, можно, — с радостью отозвалась хозяйка.

Но капитаны не пришли. Хозяюшка наша забеспокоилась.

— Ой, таки гарны хлопцы! Если б смогли, пришли бы обязательно. Значит, опять готовятся к бою. Ой, скоро ли перебьют этих проклятущих фашистов. Так страшно, когда стреляют! Все ждешь, что вот теперь-то тебе конец пришел. А жить еще хочется.

— Ничего, тетя, еще поживем. А за ребят не беспокойтесь. Все равно расставаться с ними придется.

Вечером следующего дня у хаты остановилась машина. Вошел солидный, преклонного возраста старшина и передал мне записку от Владимира-артиллериста. В ней он извинялся, что не смог прийти. И написал о том, что не успел сказать о самом главном.

— Часть перебросили неожиданно, — объяснил старшина. — Капитан убедительно просит вас приехать с этой машиной, договориться о том, чтобы оформить официальный перевод из госпиталя. Нам тоже нужны медработники. Скучать не придется.

— Что за глупости?! Никуда я не поеду.

— Он просил передать, чтобы вы не брали во внимание его личное отношение. Он просто не хочет оставлять вас в этой обстановке. Скоро начнутся бои, и неизвестно, чем все может закончиться. Капитан очень за вас беспокоится.

— Спасибо передайте ему за беспокойство. Сказала — не поеду. Как он мог подумать?!

С началом боев усилилась тревога. А по словам поступающих раненых, создавалась опасность окружения.

В один из вечеров майор Темкин вызвал дежурившего по части лейтенанта Дунаевского и предупредил:

— Лейтенант, обстановка очень серьезная. Будь внимательнее. Может случиться так, что в срочном порядке придется вывозить раненых.

Лейтенант с несколькими бойцами из команды выздоравливающих провели патрулирование по селу и вокруг него. Обстановка действительно казалась угрожающей. Да только как можно было определить серьезность положения? «Ну, идут поблизости бои, как бывало и не раз. Но надо надеяться на то, что враг сюда не пройдет. И зачем нагнетать тревогу?» — размышлял Дунаевский.

Вдруг все остановились: услышали грохот приближающихся танков, которые шли к селу. Ребята встревожились: не вражеские ли машины прорвались?

Притаились. Танк, идущий первым из шести, остановился на перекрестке дорог, в полукилометре от крайних хат. Загремел открывающийся люк. Замаячила голова танкиста. Послышался неясный разговор с сидящими на танке бойцами.

— Э-эй, есть тут кто-нибудь? — кричит танкист, спрыгнув на землю.

Услышав родную речь, Дунаевский приблизился.

— Мы есть.

Подошли и остальные бойцы.

— С кем разговариваете? — спрашивает человек, вынырнувший из люка второго танка.

— Да вот здесь люди, говорят — из госпиталя. Несут патрульную службу.

Подозрительно осмотрев группу бойцов с карабинами, одетых не по форме (из-под ворота шинелей выглядывали не гимнастерки, а нижнее госпитальное белье), второй водитель произнес:

— Откуда военный госпиталь? Здесь никаких госпиталей не должно быть — передовая рядом.

— Это действительно так, — подтверждают больные. — Мы из госпиталя вместе с лейтенантом.

— По карте показать можете — где находимся? — обращаются к Дунаевскому, подсвечивая фонариком.

— Вот наше село — Юзефовка.

Оказалось, что в этом направлении выходила из окружения большая группа солдат и офицеров противника. Не исключалась вероятность появления их в нашем районе. Танкистам была поставлена задача — перекрыть врагу выход из окружения...

С помощью бывалых солдат и мы превратились в знаковок, кто по артиллерийским залпам мог определить расстояние до передовой. Здесь орудия били, казалось, не далее как в пяти километрах, и такая обстановка оставалась неизменной в течение нескольких суток, а поэтому, получив приказ о свертывании госпиталя, мы удивились. Обычно с места снимались тогда, когда намного больше отставали от передовых частей. Не предполагали, что отходим назад, твердо убежденные в том, что идти должны только вперед.

Потеплело. По непролазной грязи кое-как тянут лошади повозки с ранеными. Из Юзефовки я их сопровождала до

ближайшего ХППГ-5149, который находился в деревне Се-стриновке.

Эта деревня располагалась в таком укромном месте, в низинке, между холмов и пригорков, что казалось, ничто не могло привлечь внимание вражеских летчиков. Но самолеты кружили и кружили над ней. Оставалось совсем немного пройти, уже спускались по косогору, когда появился самолет и пошел обстреливать вдоль обоза. Сразу же упали три лошади. Слышу, зовут на помощь вторично раненые. Растерянно смотрит на меня побледневший санитар. С безжизненно повисшей руки его частыми каплями стекает кровь. Рука оказалась перебитой в локте. Рана сильно кровоточила. Наложила жгут. Наскоро перевязав, усадила на подводу. Теперь скорей его надо доставить на операционный стол.

У остальных ранения были не такими опасными.

Потеснив людей, лежащих на телегах, мы с сопровождающим возчиком переложили раненых с тех повозок, где пострадали лошади, и поспешили покинуть место происшествия.

Сдав раненых, я уехала в Белиловку Житомирской области, куда переправлено имущество госпиталя. Некоторое время спустя, когда обстановка стала более спокойной и надежной, мы вновь вернулись в Юзефовку и заняли прежние места.

ПОЛЕВОЙ ПОДВИЖНОЙ И ЕГО ЛИЧНЫЙ СОСТАВ

С успешным продвижением наших войск и полевым госпиталем надо было следовать за передовыми частями. На развертывание госпиталя обычно отводилось от двух до четырех суток в тех случаях, когда шла подготовка к наступлению, пока подтягивались армейские подразделения

на данный участок предстоящих боевых действий. Место дислокации определялось оперативным отделом армии и санитарным управлением. А госпитальным ответственным работникам оставалось лишь подобрать помещения.

При разворачивании не только предъявлялись высокие санитарно-эпидемиологические требования, но и необходим был удобный подход для транспорта, нужен высокий темп работы, чтобы уложиться в срок к приему раненых.

Перед началом работы проходили смотр и сдача госпитальных помещений. В проверке готовности принимали участие начальник управления полевыми госпиталями подполковник И. И. Лапшин, представители санитарного управления армии, и нередко присутствовали при этом члены военного совета.

Но порой случалось так, что, пока подбирали помещения, приводили их в порядок, войска успевали продвинуться вперед на порядочное расстояние. Тогда и мы получали приказ: «По машинам!» А полностью подготовленный к приему раненых госпиталь переходил в другие руки. Мы же, не успев поработать, с сожалением оставляли свои труды. Но чем дальше, тем радостнее становилось на душе: ведь мы уходили вперед, ближе к победе.

На сборы много времени не требовалось. Взамен уже разложенных по кроватям комплектов белья получали от прибывших на наше место упакованные в мешках. Перекладывали с машины на машину и — пошел дальше!

Бывало так, что и мы прибывали на готовое. А бывало, и раненые уже встречали медработников в назначенном месте. Там, где заранее ставился указатель с надписью «хозяйство Темкина», как бы бронировалось место для будущего лазарета, пока мы были еще в пути. В таких случаях подготовка помещений, прием и оказание помощи начинались одновременно.

Нужно сказать, что определение места дислокации заключалось не только в подборе территории и помещений. Обследовали население, освобожденное от оккупации. Вы-

являли случаи инфекционных заболеваний. Обследовали водоисточники, ремонтировали колодцы, и при необходимости здесь выставлялась охрана на круглые сутки.

Не часто удавалось подобрать подходящие для работы помещения. Занимали конюшни и сараи, располагались по хатам, постоянно использовали полевые палатки, а для личного состава — землянки. В сельских местностях вся надежда была на школы и больницы. А позднее, за пределами нашей страны, на территории Польши приходилось развертываться и в графских поместьях, и в помещичьих усадьбах. перевязочно-операционный блок тоже располагался в разрушенных домах и в палатках, в костелах и конюшнях.

Так, после освобождения села Бобрик Киевской области уцелели всего несколько хат, полуразрушенная церковь, два класса от школы да колхозные конюшни. Развертывание осложнялось тогда еще тем, что большая часть личного состава не вернулась из других госпиталей. Кроме того, осенняя распутица и недостаточное количество автомашин затрудняли переброску имущества. Раньше всех прибыли на место врачи, медсестры и штабные работники. Они дни и ночи расчищали конюшненные помещения и полуразрушенные здания. В плетеных сараях устроили приемное отделение. Людей укладывали на носилки, установленные на подставки.

С наступлением осени менялась и погода. Временами шел снег. Люди мерзли. Не согревали их шинели и одеяла. Нужно было срочно промазать стены сараев глиной, чтобы не продувало. И все было сделано. Тогда и установленные самодельные печки-бочки загудели веселее, щедро раздавая людям тепло.

В селе Янувка, на территории Западной Украины, тоже стояли три длинных плетеных сарая. Это бывший помещичий конный парк. Здесь можно было разместить до шестисот человек раненых. Только надо было приложить усилия: срочно вычистить, засыпать песком полы, сколо-

тить подставки для носилок, украсить стены хвойными ветками.

Тут же рядом находилось еще одно небольшое помещение, похожее на деревенский брезенчатый амбар. Уж так оно было необходимо нам, но там от пола до потолка лежали соль или удобрение. Содержимое, пролежавшее многие годы, превратилось в камень. Два дня мучились мы с этой соленой глыбой, разбивая ломом. И без того стояли жаркие дни, а тут при физической работе да в соленой пыли, которая проникала в дыхательные пути, разъедала глаза и все потное тело, мы испытывали пренеприятное состояние.

— Не на курорт приехали, пошевеливайтесь! — подражала Гладких своему начальнику, обсасывая соль с лопнувших мозолей.

Все было сделано в срок. Прибывший член военного совета генерал-майор Ф. И. Олейник вынес благодарность всему личному составу за быструю и хорошую подготовку помещений к приему раненых.

С каждой новой дислокацией мы не могли не вспомнить наше первое место работы на Курской дуге, где были приложены невероятные усилия, где был проведен огромный объем работ по строительству подземного госпиталя. Ведь не месяцы и недели давались для устройства, а порой считанные часы. На то он и полевой подвижной, назначение которого обязывает в любых условиях, за кратчайший срок подготовиться к приему и оказанию помощи пострадавшим.

Не было равнодушных к ставшей привычной работе, а было сознательное отношение к делу, к которому каждый относился с великой ответственностью.

Распределение по профилю ранения ускоряло и улучшало оказание помощи, потому что в каждом из специализированных госпиталей работали соответствующие врачи-специалисты. С их помощью проводились операции и лечение.

Бывало и так, что на каком-то участке фронта полевой госпиталь оказывался впереди медсанбатов, тогда сюда поступали все раненые непосредственно с поля боя и независимо от профиля ранения.

Требовалась четкая оперативность: скажем, нуждающихся следовало оперировать в течение первых трех суток после ранения. И медработники не могли не придерживаться этих правил, понимая, что значат промедление, запоздалая обработка раны, когда от загрязнения начинают воспаляться и ткани, а от прикосновения скальпеля они становятся более болезненными. Да и заживление таких ран затягивается. И медработники в любой обстановке, не прячась от бомб и снарядов, прилагали максимум усилий в борьбе за жизнь каждого пострадавшего. Ведь врачу совсем не просто было написать в истории болезни: «Умер от ран, полученных при защите Отечества...» Мы долго помнили каждого, переживали, думая и о тех, кто ждал их дома.

Со временем коллектив стал привычнее и быстрее справляться с заданием, хотя условия работы не становились легче. За короткое время и молодые неопытные врачи окрепли. От мелких хирургических обработок ран перешли на более сложные и полостные операции. Медицинские сестры овладели техникой переливания крови и внутривенных вливаний, потому что поступала масса раненых, потерявших много крови.

Кровь требовалась всегда. Постоянно чувствовался недостаток в консервированной, и потому более половины работников госпиталя стали донорами, в любое время готовы были помочь пострадавшим.

Конечно, невозможно было обеспечить всех нуждающихся, да и персонал надо было беречь. Но мы не щадили себя, чтобы спасти раненого. И при необходимости сдавали кровь раньше положенного срока, за что получали выговор от ведущего хирурга.

Словом, все наши силы и умение были направлены на оздоровление фронтовиков. И, наверное, заслуженно орга-

низационная и лечебная работа коллектива не раз была отмечена комиссией главного санитарного управления. А на одной из фронтовых медицинских конференций 1-го Украинского фронта, летом сорок четвертого года, обращалось внимание на правильно поставленную работу и лечение в газовой-гангренозном отделении нашего госпиталя. Кроме того, на конференции демонстрировались модели различных гипсовых повязок, от простых лонгетов до сложных кокситных, в которые укладывались раненные в бедро с повреждением костей и суставов. К этому времени уже широко стали применять гипсовые повязки. Они придавали удобное положение конечности, создавали надежную неподвижность сустава, что помогало лучшему и быстрейшему заживлению. А главное — в них легче было переносить дорогу во время эвакуации, чем в громоздких деревянных шинах.

Приятно было узнать нам о том, что наши гипсовые модели по прочности и аккуратности на конференции были признаны лучшими, и о том, что приказом вышестоящего командования госпиталь Темкина отнесен к ряду лучших госпиталей 38-й армии.

Некоторое время спустя майора Темкина наградили орденом Отечественной войны и присвоили звание подполковника. Врачи и сестры тоже получили повышение в звании. Все сестры стали старшинами. Большую группу медработников наградили орденами и медалями.

Каждый старательно выполнял свое дело, будничное, но необходимое. У заведующей аптекой лейтенанта Рудинной была всего одна-единственная помощница — Надя Жукова, а работы невпроворот. Ревекка Абрамовна Рудина с улыбкой вспоминает начало работы, как перед отправкой на фронт она получила мизерное количество медикаментов из расчета на двести коек раненых да маленький переносной куб емкостью на два литра для получения дистиллированной воды. Конечно, сорок лет спустя можно улыбнуться. А в то время было — хоть плачь. Потому что ди-

стиллированной воды требовалось до тридцати литров в сутки и даже больше. Кроме того, не было выдано никакой посуды — ни банок, ни бутылок, а готовить надо было уйму различных лекарств. Все это пришлось добывать разными путями.

Постоянной заботой начальницы было своевременное обеспечение всеми необходимыми лекарствами. Порой Рудина сама в распутицу, по бездорожью, если нельзя проехать на машине, садилась верхом на лошадь или отправлялась пешком за медикаментами. При большей нагрузке труженицы сутками не покидали свою аптеку, обеспечивая отделения порошками, микстурами и стерильными жидкостями для подкожных и внутривенных вливаний, что требовалось постоянно в огромном, фантастическом количестве.

А Люся Гузенко, госпитальный парикмахер, первое время работала одна, без помощников. Ей надо было побрить и постричь всех, кто поступал в приемное отделение. И каким бы ни был тяжелым раненый, она находила подход к каждому и своей жизнерадостностью, юмором поднимала настроение бойцов.

Порой из-за тесноты трудно было подойти к раненым, уложенным на полу, тогда Люся приговаривала:

— Ничего, так и быть, постою перед вами на коленях.

Да так и ползала часами и сутками, продолжая шутить и работать.

Трудно сказать, посильную или непосильную работу несли старшие сестры госпитальных отделений. Глядя тогда на Валю Лашук, я удивлялась, как ей удается управляться со всей возложенной на нее работой, в двадцать лет быть настоящей хозяйкой большого сложного участка. Кроме того, ей нередко приходилось подменять уставших сестер, бессменно работающих по нескольку суток. Или в порядке очередности исполнять обязанности дежурного офицера по части. Ее спокойствие и уравновешенность вызывали уважение. А для нас Валя была не только руко-

Старшая медсестра
2-го госпитального отделения
В. С. Лашук

водителем в работе, но и подругой, с которой можно поговорить, посоветоваться.

При формировании госпиталя было получено всего две автомашины. На них кое-как успевали перевозить госпитальное имущество. Личный же состав к месту назначения добирался пешком, на попутных машинах, на танках и мотоциклах. А год спустя в автопарке появилось уже более двадцати различных машин. Это проявили инициативу водители под руководством завгара Тимошенко, подобрав и отремонтировав трофейные. Порой трудно было обойтись и без лошадок. Особенно выручали они в весенне-осеннее время, когда считались самым надежным средством передвижения. Их было десять. Потом трех убило. Остальные

продолжали шагать по дорогам войны вместе с нами.

Наши замечательные помощники-санитары, люди, как правило, пожилого возраста, несли нестроевую службу. Они не только старательно выполняли работу, но даже творчески подходили к своему скромному труду. Раньше, во время внутривенных переливаний, они часами сидели и держали банки с жидкостью да ампулы с кровью. Кому-то из них пришла хорошая мысль: попытаться сделать стойки-держатели, чтобы освободить руки. Сколотили деревянные подставки на ножках-крестовинах с закрепленными сверху двумя, тоже деревянными, планками, с просверленными в

них отверстиями для банок и ампул. Теперь такие подставки стояли почти у каждой кровати, облегчая нам работу.

Невозможно рассказать о всех положительных качествах моих спутников, кому и чем еще пришлось заниматься. Надо или не надо было учиться делать то или иное дело, никто не задумывался, так требовала обстановка. Вот таким путем и мы овладели навыками землекопов и лесорубов, строителей и портных, артистов и... — всего и не перечить. Вот, к примеру, просто необходимо было уметь скручивать «козьи ножки». В шинах ли руки раненого, загипсованы ли, а курить ему страсть как хотелось!

А что касается опасности, признаться, нужно было иметь большое самообладание и выдержку, чтобы оставаться на местах, когда чувствуешь, что бомба летит, кажется, прямо на тебя. Только в песне можно спеть, что «не страшна нам бомбежка любая...» Нет, страшна бомбежка. Но нам некогда было прятаться по бомбоубежищам. Да рядом с нами их никогда и не было.

Говорим: «Ко всему привыкли — не боимся». Считаем, что мы везучие, потому что в нашем коллективе меньше пострадало людей, чем в других. Но все же и мы потеряли несколько человек. Погибла врач Валентина Семенова. Не стало исполнительницы веселых частушек Наташи Алехиной. Несколько человек выбыли по ранению. Чудом осталась в живых операционная сестра Миля Бойкова. Попутная машина, на которой она возвращалась из командировки, подорвалась на mine. Большинство спутников Мили погибли. А ее, миниатюрную, легкую, взрывной волной отбросило в сторону. Она получила тяжелую травму головы и позвоночника. Долго пролежала в госпитале.

А опасность, между прочим, подстерегала нас не только со стороны фашистов, при обстрелах и бомбежках. Но и там, где орудовали бендеровцы. В местечке Ивонич-Здруй нам подбрасывали анонимные письма с угрозами. Обещали всех перерезать и спалить имущество, если мы немедленно не уйдем из села, где располагались.

В этом селе мы вчетвером с девушками квартировали в хате у одной женщины. Жили и так в постоянной тревоге, а тут еще в одну из ночей услышали, как кто-то заходил по чердаку, потом прыгнул в сени. Мы вскочили, переполошились: бендеровцы! Хозяйка успокаивает нас, что это сын вернулся со свидания, что он через крышу попадает в дом. Мы же в недоумении: какой сын? Прожили здесь неделю, а ни разу не видели и даже не слышали, что у нее есть сын. Где же он жил-был все это время?

Бывало и страшно, и трудно, порой находила и грусть, но, несмотря ни на что, хотелось жить и радоваться. Все хотели поскорей вернуться домой, но только с победой!

«На войне, как на войне!» — скромно объясняют солдаты. Но если кто-то из них, бравируя, говорил, что на войне не страшно, это неправда. Страшно было идти в атаку, как признавались некоторые из раненых. Но, по их словам, как только раздавалась команда: «Вперед!» — охватывал общий азарт, желание бить и бить врага, не задумываясь о страхе, об опасности.

Как выполняли боевое задание разведчики, находясь в тылу врага, что чувствовали летчики во время воздушных боев — все это нам известно было из множества рассказанных и услышанных историй.

Люди научились всему: переносить терпимые и нестерпимые боли, по несколько суток не спать, даже спокойно встречать смерть. А главное, чем бывало труднее, тем находчивее и сильнее становился человек, и казалось, что в такие минуты он мог своротить горы.

И медработники, зная свое место и назначение в этой военной кутерьме, тоже готовы были проворачивать горы непосильной работы, несмотря на все сложности.

В своих воспоминаниях командующий 1-м Украинским фронтом, в состав которого входила наша армия, Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев написал о военных медработниках:

«...Мне особенно хотелось бы выделить медиков. И не

только потому, что другие службы значили меньше или больше... Но труд медиков, призванных спасти самое дорогое — человеческие жизни, я бы сказал, наглядно, поистине без всяких оговорок, благороден. А на войне, где смерть косит людей без разбора, в особенности благороден».

А Михаил Иванович Калинин при вручении главному хирургу Красной Армии Николаю Ниловичу Бурденко ордена Ленина, золотой медали «Серп и Молот» и грамоты о присвоении ему звания Героя Социалистического Труда сказал так: «...Медицинское обслуживание Красной Армии стоит в одном ряду с авиационным и артиллерийским обслуживанием. Медработники в рядах армии столь же нужны, как бойцы и командиры...»

Хотя слова эти дошли до нас много лет спустя после Великой Отечественной войны, мы гордимся тем, что они относятся и к нам.

Конечно, работая, мы не думали о похвале, о почестях, однако благодарности получать было приятно. Или слушать такую речь, произнесенную при расставании с выздоравливающими пациентами в польском местечке Дынув: «Дорогие доктора и сестрички, спасители вы наши, как выразить ту благодарность, какую заслуживаете вы, ведь сутками не отходите от операционных столов и проводите бессонные ночи в палатах. Воскрешая нас, порой сами рискуете своей жизнью. Ах, если б можно было осуществить такое — взять бы после победы машину, да обвить ее цветами и развезти вас всех на ней по домам от Берлина до самого Урала!..»

Но до Берлина тогда было еще далеконокко, ровно столько, сколько и до победы. А нам в своем полевом подвижном предстояло еще немало потрудиться. И рассуждали мы между собой так, что согласны пешком преодолеть обратный путь, лишь бы поскорей дошли до Берлина наши спасители и защитники — воины родной Советской Армии.

Трудновато доставалась война девчонкам, но ничего — не ныли, не стонали. Наоборот, довольны были тем, что не отсиживаются где-то в тылу. Жизнерадостность была через край. По молодости иногда, быть может, казались беспечными и беззаботными, но в работе могли выдержать любые нагрузки.

В привычку вошло недоспать, недоесть, но в первую очередь после дежурства старались привести себя в порядок — постирать и отгладить халатик, накрутить кудряшки.

Конечно, не все время работали до упаду. Бывало и свободное время, когда имели возможность по увольнительной записке выйти за пределы части, сходить потанцевать. Тем более, что нас нарядно одели. Кирзовые тяжелые сапоги на лето заменили легкими, сшитыми по заказу из плащ-палаточной ткани. Кроме того, получили, как нам сказали, подарки от союзников — английские костюмы из тонкого сукна защитного цвета. Это были юбки-шестиклинки с застежкой-молнией и жакеты с поясом. К костюму срочно нужна была кофточка с галстуком. Нам выдали белую ткань, и мы приступили к шитью. Когда отправлялись группой в увольнение в таком наряде, да все при погонах, в звании старшин, на нас заглядывались прохожие. «Откуда такие? Кто они?»

Мы носили не зауженные погоны, как у медиков офицерского состава, а обычные полевые погоны, и вдруг — такие костюмы с кофточками и при галстуках. Никто не мог разгадать, к какому роду войск относится наша форма одежды.

Откровенно говоря, обновка для нас была приятной неожиданностью. Работа — работой, служба — службой, а порадоваться чему-то тоже хотелось.

Чем занимались в дни передышки? Наводили порядок в личном хозяйстве, отвечали на многочисленные письма, приходящие от бывших пациентов.

В эти же дни проводили медконференции, партийные и комсомольские собрания. Число коммунистов увеличилось к тому времени в пять раз. Значит, усилилось влияние партийной организации и повысился авторитет коммунистов. Возглавил организацию лейтенант Дунаевский.

Оксана Драченко за это время была принята уже в члены ВКП(б), но по-прежнему оставалась вожаком комсомольцев. Число членов молодежной организации удвоилось.

Каждый из нас хотел быть в передовых рядах молодежи, чтобы принимать активное участие в жизни коллектива, быть в курсе событий и повседневных дел. И мы вступали в комсомол.

Этот день запомнился и мне на всю жизнь. Шел апрель сорок четвертого. Госпиталь дислоцировался в местечке Борщев. Совместное собрание коммунистов и комсомольцев проходило во дворе, прямо на поляне. Стоял стол, накрытый красным полотном, придавая торжественно-праздничную обстановку.

— Задача перед нами и всем советским народом стоит общая — как можно скорее разбить врага, — произнес замполит Таран. — А на местах надо улучшать уход и лечение раненых воинов, чтобы поскорее вернуть их в строй...

На передовой отряд молодежи коммунисты и руководство госпиталя возлагали большую нагрузку. Комсомольцы читали раненым сводки Совинформбюро, выпускали вместе стенные газеты и боевые листки, где активное участие принимали и наши пациенты. Редактором стенгазеты «Фронтowej медработник» была Клавдия Степановна Еговцева, ее заместителем — Шура Гладких, помогала им и я.

При небольшой загруженности работой командование разрешало проведение развлекательных вечеров, где раненые и сотрудники могли повеселиться. Пели любимые песни и танцевали. Кроме того, частенько демонстрировались кинофильмы, приезжали и выступали артисты московских и киевских театров, армейские ансамбли и, конечно

же, участники художественной самодеятельности личного состава. Талантов раскрылось много. Певцы и танцоры, чтецы и музыканты — все были увлечены и с особым желанием готовились, чтобы выступить перед ранеными в палатах или в воинских подразделениях в дни передышки от боевых действий.

Проведен был смотр талантов на армейской художественной олимпиаде, где звучал и наш хор, выступили солисты и танцоры. Только в танцевальных сценках роли кавалеров пришлось исполнять девчатам. Мужчины наотрез отказались выступать, подшучивая над собой, что репетировать придется долго, может до конца войны.

На этом смотре мы встретились со многими бывшими пациентами, в разное время лечившимися у нас, а теперь продолжающими шагать по дорогам войны.

Пока ждали решения жюри, чтобы меньше волноваться, пели и танцевали. И тут произошла еще одна неожиданная встреча.

— Прошу на вальс, — остановился передо мной майор, удивив знакомой улыбкой. — Кажется, мы с вами где-то встречались?

— Товарищ Владимир! Что вы здесь делаете? Артиллерия должна быть на фронте.

— Пока артиллерия молчит — вы поете. Заработает — опять с ног валиться придется, — шутит он. — Зашел мимоходом. На минутку. И вдруг среди артистов вижу вас.

Мы вышли из зала и сели на подоконник, подальше от шума.

— Ой, товарищ Владимир, поздравляю — вы уже майор!

— А ты уже старшина. Тоже поздравляю. И послушайка, Любаша, еще раз хочу предложить тебе перейти в нашу часть. Напрасно ты отказалась тогда. Не успел объяснить положение, в каком вы находились, а в письмах — не пропустила бы цензура. Теперь просто говорю, что у нас будет тебе значительно легче.

— Товарищ майор, я мечтаю побывать на передовой, но в вашу часть не пойду. Не хочу, чтобы меня опекали. А что касается «полегче», то тоже не хочу, чтобы мне было легче, чем моим подругам. Кому надо полегче, тот, наверное, сидит дома.

— Вот как ты думаешь?! Жаль. А я знаешь о чем мечтал еще в первую встречу, в вагоне? Тогда с вашим появлением стало шумно и весело. Девчата что-то рассказывали и громко смеялись. А ты сидела молча и поглядывала на капитанов. Я смотрел на тебя и представлял мирную обстановку. Как мы с тобой собираемся на бал. Допустим, новогодний. Представлял тебя в нарядном вечернем платье и в туфельках и непременно в маске. Как мы кружимся в вальсе...

— Товарищ майор, вы, оказывается, фантазер.

— Ничего, Любушка, придет время, дойдем до победы и постараемся осуществить наши фантазии. Ох, и жаль же с тобой расставаться, но мне пора. Вечером снимаемся с места. Дай бог, чтобы мы еще не раз встретились и в полном здравии дошли до победы.

— Да, конечно. Будем надеяться.

— До свидания, товарищ Любаша. До скорой встречи!

— В добрый путь! — повторяю напутствие матери.

Смотрю вслед уходящему, как он твердой военной походкой спешит к своим артиллеристам. И мне стало жаль с ним расставаться. Всего третья встреча у нас. Но с тревогой подумалось, что очень будет досадно, если я его потеряю...

Подошла Шура в сопровождении партнера по танцам. Редко смотрели мы друг на друга со стороны в праздной обстановке. И сейчас я увидела ее будто впервые. Она была такой красивой, раздурманившейся. Форма сидела на ней аккуратно, как на принцессе вечернее платье. Ничего, что эта принцесса была в солдатских сапогах и при погонах старшины.

— Пошли, — взяла меня под руку, — приглашают в зал. Объявили решение жюри: самодеятельный коллектив госпиталя подполковника Темкина занял второе место среди армейских художественных коллективов.

Нам вручили грамоту и два огромных, красиво оформленных торта. Вот это было торжество! А хор наш с тех пор прозвали темкинским уральским хором.

Но за весельем последовала неприятность. Сменившись с дежурства, я спешила пересечь госпитальный двор, где Темкин запекал за что-то бедного старшину.

— На курорт приехал, что ли, чего людей распустил? Под арест! — указал он в мою сторону.

Я не чувствовала за собой никакой вины и, приняв напускную ярость шефа за шутку, рассмеялась.

— Чему радуешься? Плакать надо!

— В чем дело, товарищ начальник?

— Молчать! Это мне надо задавать вопросы, почему не выполняются мои распоряжения. Трое суток ареста, старшина, и немедленно!

Накричался, отвел душу и ушел.

— Что случилось, товарищ старшина?

Оказалось, что вчера на собрании мне поручено было проверить санитарное состояние жилых помещений личного состава. При необходимости провести санитарную обработку. О выполнении доложить сегодня утром на оперативке.

Я же была на дежурстве и, естественно, не могла присутствовать на собрании. И начальнику об этом никто не доложил.

— Товарищ старшина, объясните ему, что я не виновата.

— Ты же знаешь, что он не захочет сейчас выслушивать никаких объяснений. Я тебе советую отдохнуть. Посажу тебя в твои же палаты, где еще не лежали больные. Вместо часового повешу замок. Правда, там холодно. Но ты собери с кровати несколько одеял и укройся ими. На счет еды не беспокойся.

— Да несправедливо это!

— Ну что ты за солдат, если не побываешь под арестом, хотя бы один раз! — уговаривал старшина.

— Безобразие, и вы такой же! — готова была разреваться от обиды.

Но что делать? Может, и верно посидеть? Надо множество написать писем. Никто мешать не будет...

Мы находились в селе Белиловка Житомирской области, куда выехали из Юзефовки. Сюда больных, то есть раненых, поступает немного. Даже не все палаты заполнены. Где больных нет, там не топят и печи. А на дворе февраль. Конечно, неприятно сидеть в холодной комнате. Но сейчас устроюсь...

Раздался стук в окно со стороны огорода. Это пришла Шура. Она потеряла меня. Я же утром должна была вернуться после дежурства. О случившемся рассказал ей старшина.

— Безобразие! — кричит она. — Сейчас пойду к начальнику разбираться. Ты же здесь промерзнешь!

— Что ты, Шурочка. Я уже нагрела место — жарко стало. Не расстраивайся. И к начальнику не ходи. Лучше принеси-ка мне побольше бумаги. В штабе у Клавы попроси.

— Держи вот.

Она подала мне два котелка с горячим обедом и через маленькую форточку протиснула мой полушубок.

— Вот видишь, — говорю ей, — даже лучше, чем на курорте. И обед горячий подан — в столовую не идти за километр. А на губе тоже надо побывать, хотя бы раз в жизни, как посоветовал старшина.

По прибытии в Белиловку с первых же часов мы поняли, что и здесь не так-то спокойно и безопасно. Вражеская артиллерия была из дальнобойных орудий в сторону населенных мест, которые фашисты оставили. Нет-нет да просвистит снаряд и ухнет. К счастью, чаще были недолеты или перелеты, но иногда страдали хаты, были жертвы среди местного населения.

Вот сижу и прислушиваюсь. Опять, наверное, скоро полетит очередной снаряд.

Письма, письма... Сколько бы их ни было, всегда долгожданные. С замиранием сердца разворачиваешь каждый полученный листочек, словно там заключалась вся наша жизнь.

Только вот вести из дома приходили нерадостные. Тяжело и голодно жилось в тылу. Сестры спрашивали, можно ли поменять мое новое пальто на картошку... Невозможно было читать равнодушно такие строчки: «Когда не привозят в магазин хлеб, нам выдают по сто двадцать граммов муки. И если нестерпимо хочется есть, мама раскладывает нам на блюдечки по чайной ложке муки и мы слизываем понемногу, чтобы успокоить голод. А нам все время хочется есть... Мама ходила в поле за мороженой картошкой, собирала прямо из-под снега. Дома пекла из нее лепешки. А сейчас в поле идти не может. Болеет. Врачи говорят, что ее придется положить в больницу...»

Оказалось, пока шло письмо, мать уже несколько дней лежала в больнице. И без того скудный паек хлеба и других продуктов она отдавала дочерям. «Они учатся, — думала она, — их надо кормить. А я как-нибудь переживу». Но как-нибудь не обошлось. Ослабленный организм не выдержал. У нее начался голодный отек. Потом она упала без сил и потеряла сознание.

Целыми днями под окнами больницы стояли и голосили девочки. Глядя на них, не могла удержаться от слез и лечащий врач. Она уводила детей на кухню и просила их накормить, а сама снова возвращалась к больной, которая третьи сутки не приходила в сознание.

Учитывая безвыходное положение в семье, телеграммой за подписью врача был вызван отец.

Больная лежала еще без сил, не в состоянии подняться с постели, но на душе стало легче.

Вот такие невеселые события происходили дома, в далеком тылу.

Ночь под замком прошла беспокойно. Слышала, как просвистело несколько снарядов и поблизости где-то бомбила вражеская авиация. А чуть забылась, приснилась гроза. Увидела себя на той высокой горе, что тянется вдоль деревни. Там сильный ветер разваливал суслоны и разносил по полю снопы сжатой пшеницы. Я их подбирала и представляла друг к другу, а они снова падали. Мне было страшно от молнии и сильного грома и очень холодно от ветра...

Когда очнулась, увидела, что полушубок лежит на полу, а в палате, как в холодильнике.

Вскочила. Сделала несколько физических упражнений, чтобы согреться. Подошла к окну, где стоял котелок с водой. Хотела умыться, но вода покрылась коркой льда.

«И умыться отставить придется», — размышляю, поглядывая в окно.

Напротив остановился начальник. Не сразу поняла, что он разговаривает со мной, размахивая руками.

— Что ты тут делаешь? — кричит он.

— Под арестом сижу.

— Хватит дурака валять. Не на курорт приехала!

— Трое суток еще не прошло.

— Я тебе дам трое суток! — погрозил он и ушел.

Тут же прибежал старшина и освободил меня из-под замка.

— Ха-ха, ну как? — встретил Темкин.

— Вообще-то это издевательство над невиновным, товарищ начальник. Но я сутки отдохнула не хуже, чем на курорте. Главное — не ходила в столовую за километр. Меня кормили горячими обедами через форточку.

— Ах, разбойники! Учту в следующий раз, — смеялся он.

— Следующего раза не будет.

— Посмотрим. А пока иди в штаб. Помоги Клаве с отчетом.

Медстатистик
старшина К. С. Еговцева

Когда начиналась эвакуация раненых и подготовка к передислокации, наступала горячая пора в штабе. Здесь парадом командовала Клавдия Степановна Еговцева. В штабных делах у нее был полный порядок. Каждая бумажка знала свое место. Хозяйка была аккуратной, исполнительницей и очень справедливой.

Клавдию Степановну все мы считали идеальным человеком во всех отношениях. Она словно примагничивала к себе людей. С ней всем было хорошо, весело, интересно. Как бы мы ни были загружены делами, она умела распределить время так, что мы успевали поболтать и посмеяться, побегать друг

за другом вокруг столов, несмотря на крик начальника.

— Делать вам нечего, что ли? Разыгрались, как дети!

— У нас заскок в мозгу от этих цифр, — смеется Клава.

— Я вам покажу заскок! — добродушно улыбается

Темкин.

И снова статистика, формы...

Самым тяжелым занятием в штабе было писать похоронные извещения на умерших.

«Ваш муж (сын)... умер от ран, полученных при защите Родины. Похоронен... (там-то), братская могила №...»

Описывалось подробно, в каком ряду и которым по счету лежит этот человек, с южной или западной стороны. Подробности сообщались на тот случай, если родители или

родственники пожелают перевезти останки погибшего в родные края. А приезжали нередко.

Я писала и представляла, кто и как получит известие. Какое горе свалится на семью! Это ужасно меня угнетало. Переживалось не легче, чем при виде самого умирающего. Порой не выдерживала и откладывала письмо — слезы застилали глаза.

Вот история болезни Лукашенко. «Лукашенко, Лукашенко...», как эхо отдается в мозгу. Так ничего больше и не сказал.

— Клава, на Лукашенко, кроме фамилии, никаких данных нет. Куда и что писать?

— Отложи. Нужно делать запрос в штаб армии.

История №...

Ф. И. О. Боброва Галина.

И вновь переживаю смерть этой двадцатилетней девушки. Поступила она в тяжелейшем состоянии. При операции обнаружилось, что во многих местах повреждены кишечник и другие внутренние органы. Ох, как тяжело было находиться у ее постели, видеть ее муки, слышать мольбу о спасении и присутствовать при последних минутах жизни!

Никто не оставался равнодушным, когда погибали от ран воины-мужчины, а тем более, если это случалось с такими юными девушками, кому жить бы да жить.

История №... Ф. И. О. Васильченко...

И трудно стало дышать, когда представила, как задыхался раненый в ту кошмарную ночь в селе Юзефовка.

Перед глазами проплывали лица страдающих на операционных столах, представлялись бессонные ночи, проведенные в палатах среди мучащихся от болей людей.

Трудно передать то, что творилось на душе, как и где укладывалось все переживаемое.

Вскипала ненависть к врагу за совершенные злодеяния, за погибших на фронте и за умерших от ран. За всех, кого ждут, но никогда не дождутся родные.

— Клавочка, больше не могу. Остальные допишу потом. Пусть лучше родные еще подождут писем от живых... Вот, почти всегда так заканчивается наша передышка.

В ГОСПИТАЛЬНЫХ ПАЛАТАХ

Что за народ эти фронтовики — не перестаешь удивляться. Дрались с врагом отчаянно, не щадя жизни. Совершали подвиги. Получали ордена. Но вот ранило человека, прошедшего, как говорится, огонь и воду. Попал он в госпиталь, так лежи бы, кажется, лечись. Отдохни от окопной жизни. Пусть пока без тебя повоюют. А он только поступит, день-два полежит, раз-два перевяжут: «Выписывайте, не могу больше! Далеко от своей части отстал». Готов в нижнем белье сбежать, а рана-то еще заживать не начала.

И сбегали. Приходилось ставить заслоны — часовых. Задерживать и возвращать в палату.

— Привязывать, что ли, вас?! — возмущались врачи.

Первое время я удивлялась. Думала: почему спешат в окопы, под дождь и свинцовый град? Теперь понимаю, что они не могли поступать иначе. Многие из них не хотели, да просто боялись отстать от своих частей. Отстать — это означало навсегда расстаться с друзьями, с которыми породнились в боях. Ведь старый друг — это надежная защита и помощь в любой ситуации. В новой же части — новые люди, и привыкать надо ко всему заново. Вот поэтому-то они и спешили догонять свои подразделения, зная свое место в коллективе и переживая: как-то там без них обойдутся?

А легкораненые вообще считали себя здоровыми. Они рассуждали так: чуть боль в ране успокоилась — можно в часть. А перевязку сделает санинструктор.

Или вот контуженные. У некоторых временно пропада-

ли слух и речь. А так они тоже считали себя совершенно здоровыми. У кого-то голос проявляется в первые же дни, даже часы, и они тут же просили выписать их, хотя слух еще не восстановился.

В палатах тишина. Лежат, помалкивают, улыбаются. Записочки пишут друг другу и медсестрам. Врачей просят: «Выпишите, пожалуйста...» А врач спрашивает, тоже письменно: «Командовать станете тоже по бумажке? Просто горе с вами!»

Порой голос прорывается неожиданно, и счастливики прыгают от радости, как дети, и сразу же бегут к врачу. Другие волнуются, злятся, нервничают.

Так один лейтенант утром мне пишет: «Сестренка, хочется поговорить с вами о любви и дружбе...»

Отвечаю: «Поговорить согласна, но как — вы же разучились разговаривать...»

Вечером раздается стук в дверь комнаты общежития. Смотрю: тот лейтенант пришел со своим другом-однополчанином, уже в походной форме. У товарища голос появился раньше и глухота прошла, но он два дня терпеливо ждал однополчанина, чтобы вместе вернуться в часть.

— Здравствуйте, — говорит лейтенант, — и до свидания. Попрощаться зашли. Как видите, разговор о любви и дружбе придется продолжить все же на бумаге.

— Ну что же, счастливого пути. Не попадайте больше под снаряд, да понадежнее оберегайте свои барабанные перепонки и голосовые связки, коль не хотите лежать в госпитале.

И на нашу долю нередко выпадали испытания. Вот свистят бомбы и рвутся где-то рядом. Взрывной волной гасит лампу под стеклом. Наступает темнота и тишина. Все молчат. А потом торжествуют:

— Перелет! Еще перелет!

Кто знал, что бесполезно проситься на выписку, тот лежал и вздыхал.

Конечно, скучать здесь тоже не приходится. С утра

ждут обхода врача, потом начинались перевязки и процедуры, а при дневном свете можно было и почитать. А к вечеру, при мерцающей коптилке, создавалась такая обстановка, которая настраивала на душевные разговоры и воспоминания. К этому занятию подключались почти все, увлеченно рассказывая о себе, о друзьях-товарищах, о военных приключениях. Высказывали сожаление о том, что редко могли вот так же, по душам, побеседовать с врачом и медсестрами.

Верно, врачей больные видели только при обходе да во время перевязок. Постоянное место работы у них — операционная. Зато дежурные медсестры сутками жили в палатах, вместе проводили бессонные ночи, вместе страдали от болей. А это так иногда бывало мучительно! Ведь сестре приходилось болеть за всех сразу. А людей столько, да все с разными характерами и настроениями. Могли покапризничать или по пустякам обидеться и даже нагрубить. Среди них попадались веселые, были и серьезные, кто не принимал шуток. И к каждому надо найти подход, каждого понять, угодить порой, чтобы не обидеть. Все раненые очень чувствительны и наблюдательны. Знали, какая сестра легче делает уколы, у кого легкая рука при снятии прививших к ране повязок. Как врач определял по настроению больных их самочувствие, так и они замечали, с каким настроением приходят в отделение медицинские работники.

В одной из палат у меня состоялся такой откровенный разговор. Тогда я получила печальное известие из дома о трагической гибели старшей сестры Нины. Война уносила из жизни людей не только на фронте, но и в глубоком тылу. Нина работала на заводе и во время происшедшего в цехе несчастного случая погибла, оставив двоих малолетних детей. На дежурство пришла я в подавленном состоянии. Сразу же обратила внимание на то, что в палате необычно тихо. Нет шуток и оживления, как прежде при встрече.

— Почему вы грустные сегодня? Что случилось? — спрашиваю.

— Это вам, сестренка, чувствуется, не до веселья.

— Вот как! У меня все в порядке.

— Э-э, когда вы приходите на смену в хорошем настроении, тогда и нам бывает весело, — говорит пожилой человек.

— Это кому как, — возражает сосед помоложе. — Сестра заходит в палату и идет прямо к твоей кровати. «Как дела?», то да се, спрашивает, а в мою сторону и не посмотрит.

— Мы завидуем тем, кому вы больше уделяете внимания, — признается еще один. — Иногда кажется, кого уважаете, к тем чаще и подходите.

— Вот вы какие! Спасибо за откровенность.

Стою, смотрю на них, слушаю и удивляюсь: по-детски обидчивы. Но замечание-то справедливое.

— Дорогие вы мои, ведь кто-то из вас ранен и болен посерьезнее, а кто-то полегче. Врачи и сестры больше беспокоятся за тяжелых больных, потому и справляются в первую очередь об их здоровье. Понятно?

— Понятно-то понятно. Но нам тоже хочется поговорить с вами. Врачей мало видим, и вы все спешите. Иную смену только с градусником подходите, если нет назначений.

— Хорошо. Все учту на будущее. Исправлюсь, — пообещала я.

Мы понимали, да и сами больные признавались в том, что они привыкали к нам. Особенно к сестрам и няням, кто постоянно находился среди них. Вдали от своих родных они нас считали самыми близкими. Ждали от нас доброго слова и сочувствия. В этом находили какое-то утешение сами и нам, как могли, выражали свою благодарность.

Потом мы не раз заводили разговор на эту тему с девчатами, говорили на конференциях о том, что медработники должны являться к больным в хорошем настроении

и что каждый из них ждет нашего внимания: и тот, кто тяжелее, и тот, у кого полегче состояние.

А я после такого разговора твердо усвоила, что свое горе и неприятности надо прятать подальше и непременно перестраиваться, прежде чем войти в палату к больным.

Как вот не подойдешь лишний раз к этому пареньку Коле? Ему семнадцать лет. На фронт пошел добровольцем. В бою получил пулевое ранение в плечо. Пулей задета верхушка легкого и перебита ключица. На легком ему сделали операцию, а руку уложили в гипсовый лонгет. Когда он лежит, больше мучит одышка. А чтобы посидеть, он то и дело просит поднять его и поддержать в этом положении. Разве можно отказать в такой просьбе?

Словно маленький, беспомощный ребенок, уткнется в грудь и дышит. Тяжело дышит. Только и посидеть-то он долго не может. Быстро устает и снова ложится.

— Сестра, напиши... письмо... маме, — просит он, еле переводя дыхание.

Бросаю все. Спешу выполнить и эту просьбу.

— «Дорогая мамочка, — диктует он, — я лежу в госпитале. Только ты не беспокойся — рана у меня не тяжелая. Ранен в правую руку, поэтому сам писать не могу. Пишет медсестра... Мама, я подлечусь немного и снова пойду бить фашистов... А война идет к концу, так что скоро мы с тобой увидимся...

Целую. Твой сын Коля».

Я не вижу строк и букв, которые пишу. Глаза застилают слезы. Больные в палате приумолкли, прислушиваясь к диктанту. Кто-то тяжело вздохнул. У Колиного соседа по койке, пожилого человека, по щекам на подушку покатались слезы.

— Спасибо, сестренка. Теперь подними... Еще хочу посидеть, — с трудом произносит он.

— Давай, Коленька, посидим мы с тобой.

Снова уткнулся в грудь. Может, ему чудится, что он прячется от этих мук в объятиях своей матери? Может, ру-

ки сестры напоминают ему материнские? Пусть будет так! Это все, чем еще можно облегчить страдания человеку в его последние минуты жизни.

— Больше ничего не пишите маме... пусть... не знает...

Несколько глубоких, хрипловатых вздохов и судорожные подергивания, как у спящего...

Он и верно, казалось, уснул, прислонившись к моей груди.

А вот этот товарищ не требовал к себе внимания. Его ранение можно было назвать пустяковым по сравнению с другими. Осколком снаряда царапнуло голень. Ходил с палочкой, чуть прихрамывая. Как многие, тоже собирался сбежать в часть. Целыми днями суетился, стараясь помочь сестрам и няням. Веселый и остроумный, он не мог лежать или сидеть без дела. То рассказывал что-нибудь забавное, то от одной кровати шел к другой, чтобы кого-то из больных напоить, а кому-то свернуть «козью ножку».

Утром, возвращаясь из умывальной комнаты, подошел ко мне и как бы между прочим пожаловался:

— Сестрица, у меня почему-то рот плохо стал открываться. Как будто сводит...

Тревога! Это были признаки поражения столбняком.

Немедленно доложила дежурному врачу. Тут же стали принимать срочные меры. Но, к сожалению, человека спасти не удалось.

— Столбнячная инфекция развивается настолько быстро, что человек погибал в мучительных судорогах в первые же часы после ее проявления.

Боже мой, можно ли привыкнуть ко всем смертям или хотя бы равнодушной к ним относиться?!

— Доченька, ведь у тебя слез не хватит на всех нас, — уговаривали раненые.

А у меня хватало, чтобы оплакать каждого. Насколько было горько и досадно, что без слез обойтись невозможно!

Ведь только что жил на свете мальчик Коля. У него вся жизнь была впереди. Его, единственного сына, так ждала мама! Теперь, через несколько дней, она получит от него последнее письмо. А потом...

Не хочется верить в то, что не стало и этого жизне-радостного человека!

Мне предстоит выполнить для них лишь последнее обязательное назначение: на кусочке медицинской клеенки четко написать имя, отчество, фамилию и все данные, какие известны по истории болезни, и закрепить, как манжеты, на обеих руках. Полежат они на месте еще два часа, как положено в таких случаях, потом перенесем мы их с санитаром в темный и холодный подвал. А потом их похоронят во дворе, в братской могиле, и поставят скромный деревянный памятник с красной звездочкой, тоже деревянной.

Возможно, что когда-то, после войны, на всех братских могилах, где захоронены умершие от ран в госпиталях и погибшие на поле боя, всем будут поставлены мраморные памятники иobelisks. А пока — такое время! И пусть простят они нас за скромные похороны. Так думалось в то время.

Война, проклятая война, что же ты с нами делаешь?! Когда конец-то настанет тебе и всему людскому горю?!

В другой палате, вот у этих пациентов чешутся пальцы и пятки, которых нет. Остается такое ощущение после операции. Здесь лежат с ампутированными нижними конечностями.

В первые дни после ранения и после операций всем больным назначаются обезболивающие инъекции, успокаивающие порошки и микстуры. Боль в руках утихает, и люди засыпают. Только спокойствие и тишина в палатах бывают обманчивы и больше доставляют хлопот дежурным сестрам. Больные, почесывая во сне послеоперационные раны — отсутствующие пальцы и пятки, срывают повязки, и кровотечение неминуемо.

Ходишь ночами по палатам, останавливаешься у каждой кровати, прислушиваешься к дыханию спящего, трогаешь пульс, ощупываешь бинты — не влажны ли от крови...

Может, ничего и не случится. А если что произойдет?

Вот, пожалуйста. Боец оперирован утром. И что-то здесь подозрительно. Больной дышит часто и поверхностно. Нахожу пульс: еле-еле. Рука влажная, холодная. Кровотечение!

А больной спит. Не чувствует, что с ним происходит.

Срочно высылаю одного санитаря за дежурным врачом, с другим подхватываем больного на руки и несем в операционную...

Все обошлось благополучно. Больному перевязали кровоточащие сосудики, перелили кровь и уложили на место.

А чем же занимались те раненые, кто по два-три человека размещены по хатам? Всем не хватало места в отделении.

Там идут оживленные разговоры, которым нет конца. Ведь историй и приключений всегда оказывается больше, чем рассказчиков.

При входе в одну из хат слышу:

— ...Возвращался я с разведывательного полета. Попал под обстрел вражеских зенитных батарей. Почувствовал, как обожгло плечо. Не помню, как посадил самолет. Очнулся, смотрю — на нейтральной полосе оказался. Обе позиции просматривались. Не сразу разобрал, где враги, а где свои... С той и с другой стороны махали мне руками: сюда, мол, иди. Надо было спешить, чтобы доставить фото- и киноаппаратуру с разведанными, пока фашисты не открыли огонь...

В другой хате просили рассказать о себе скромного и молчаливого человека.

— Да мне не о чем рассказывать, — с досадой произнес он. — Я лучше послушаю вас.

— За что же тебе орден Ленина дали, если плохо воюешь? — не отступали от него соседи.

Да, встречались такие люди, что ужасно были недовольны своей военной судьбой. Вроде бы неловко даже чувствовали себя среди фронтовиков, называясь тыловыми служаками.

— С оружием в руках участия в боях не принимал, в атаку и разведку не ходил, не убил ни единого вражеского солдата. Какой же я фронтовик?!

Будучи техником-авиамехаником, он должен был обеспечивать боевую готовность самолетов, и только! — как он выразился. Вот за это «и только» его и наградили орденом Ленина.

Рассказал все-таки, в чем заключалась его служба. Оказалось, что в самых невероятных условиях, в любое время суток, невзирая на бомбежки и обстрелы, нужно восстанавливать поврежденные самолеты. Особенно в начале войны, когда авиатехники было маловато, механики боролись за каждую машину, старались продлить жизнь каждому ястребку.

Подбитую машину не всегда удавалось дотянуть до места, приходилось делать вынужденные посадки далеко от аэродрома, на болотах, на сопках. Бывали случаи, когда садились на ледяную поверхность озера... И всюду надо было ехать, идти, ползти под обстрелом, под носом у противника. Бывало, залатают машину, она не успеет еще взлететь, как ее замечает вражеский летчик, и, к великой досаде, она вновь повреждена. Зато какую радость испытывали механики, когда, весь израненный, но залатанный, ястребок вновь взмывал в небо!

Главное, эту работу надо было проводить быстро и надежно, чтобы те, кто поднимался в воздух, уходя на задание, порой в глубокий тыл противника, были уверены, что машина не подведет.

— Ничего не поделаешь, — сокрушается авиамеханик. — Техников маловато, значит, всю войну придется так воевать. Значит, мне поскорее надо выписываться.

— Что же ты, друг, скромничаешь: «не фронтовик», «плохо воюю, не бью фашистов!». Да у тебя же самое боевое место службы! Не отчаиваться, а гордиться надо, — успокаивали человека.

Слушать интересно, но надо работать. Надо с вечера навестить всех «квартирантов», часть заботы о которых на ночь взяли на себя хозяева.

Перехожу из хаты в хату. На улице темно и жутковато от окружающего беспорядка. Развалины нагоняют тоску. И прохожих не видно, не слышно. Представила бы мама, где я сейчас и что делаю...

Вот опять вражеский самолет подвесил осветительный фонарь над станцией, которая находится в пяти километрах от нас. Сейчас начнет бомбить. Наши зенитки бьют по светильнику. Он осыпается искрами, но продолжает гореть. Неужели и здесь будет бомбить? Хотя бы пронесло...

А орудийный гул стал доноситься глуше. Поотстали мы. Скорей бы в дорогу...

Хочется рассказать и о таких пациентах, которые тоже рвались на передовую, но не о солдатах-фронтовиках, а о детях. Это такой горячий народ — и удержать, и проследить за поступками было невозможно. Потому они и попадали в самые нелепые и страшные ситуации. Чего только с ними не случалось! Кто на mine подорвется, кого при игре с гранатой ранит. А кто-то из них отваживался самостоятельно мстить фашистам за причиненное горе, за свое сиротство.

Скрипя зубами, слушали фронтовики повествование белорусского мальчика Юры. Ему было всего двенадцать лет, а с появлением в селе фашистов, после пережитых страшных событий казалось, что прошла целая вечность.

Сбежал он от оккупантов во время облавы. Долго шел по лесу, ехал на поездах с пересадками, а куда — все равно. Хотел добраться до фронта, да на одной из станций попал под бомбежку, оказался раненым и был доставлен в госпиталь.

Он рассказал о том, как жили с матерью в оккупированном врагом белорусском селе. Вместо игр занятиями ребятишек были поиски трупов партизан и военнослужащих Советской Армии, замученных и расстрелянных фашистами. Проводили они эту работу так, что и слова трудно найти, чтобы объяснить. Сам Юра говорил:

— ...На уговор: кто больше найдет.

Страшно подумать, какие соревнования вместо игр устраивали дети войны!

Они находили трупы на дорогах, в лесах и на полях. Потом скрытно от фашистов их закапывали. У кого не оказывалось в карманах документов, писали на дощечке «Неизвестный».

Почему-то особенно запомнился Юре один изуродованный труп. В карманах гражданской одежды его ничего не было, кроме завернутого в газету маленького кусочка хлеба с маслом. Ему жаль было человека, который не успел съесть этот кусочек. Еще он подумал о том, что мужчина собрался в дорогу, а хлеба взял очень мало. Наверное, ребятишкам оставил.

Юра долго размышлял о хлебе, потому что сам был голоден. Так и похоронили неизвестного, положив в карман этот сверточек.

В один из дней, возвращаясь в село, ребята увидели, как собака со стороны леса тащила человеческую ногу. Сговорившись, пошли по следу и обнаружили расстрелянную гитлеровцами и заваленную хворостом еврейскую семью из семи человек. Об этом они рассказали взрослым. Самим хоронить им было не под силу.

Вспоминая и рассказывая о пережитом, мальчик не мог говорить без слез о том, как перед машиной, в кузове которой сидело десятка два вражеских солдат, выбежал со двора и остановился еще совсем маленький поросенок. Как офицер, вышедший из кабины, пнул его ногой, высоко подбросив вверх. Как тот со страшным визгом рухнул на

землю и больше не смог подняться. Ребятишки плакали, жалея поросенка, а фашисты заливались хохотом.

Юра вспоминал, как каждый вечер мать наводила порядок, прибирая в хате, думая о том, что могут не дожить до утра. А если будут расстреляны и утром придут добрые люди, чтобы не сказали, что здесь жили неряхи.

Каждую ночь коротали в страхе: придется ли еще увидеть завтрашний светлый день?

Потом они ушли в партизанский отряд. Жили в лесу, в палатках, в землянках. Мать стирала для партизан и готовила для них обеды, а мальчик устраивал игры с малышами. Развлекал их как мог.

Рядом находилось болото, и людей одолевали тучи комаров. От их укусов у маленьких детей распухали и страшно чесались лицо и руки. Хотелось плакать и кричать. Но родители строго наказали: плакать нельзя — фашисты услышат! И бедные малыши, уже зная, кто такие фашисты, молча переносили все испытания, выпавшие на их долю в самом начале жизни.

Наступили страшные дни, когда оккупанты направили в лес карательный отряд. Организовали облаву на партизан.

Вначале бомбили самолеты. Потом каратели стали окружать и расстреливать людей. Всех загнали в болото, где много погибло женщин и детей. Группе вооруженных партизан все-таки удалось уйти из окружения, тогда гитлеровцы вызвели женщин с детьми и выстроили на дороге, впереди военной вражеской техники. Фашисты хотели убедиться, не заминирована ли партизанами дорога, и потому направили по ней мирное население.

Почему-то вновь началась стрельба и паника. Люди заметались по дороге. Мать крикнула сыну: «Тикай к лесу!» Тут же раздалась автоматная очередь, и мальчик увидел, как мать упала, распластавшись на дороге.

Какая-то женщина схватила его за руку и потянула к лесу. «Беги скорей, не оглядывайся!» И он бежал сколько

было сил. Падал, вставал и снова бежал подальше от этого страшного места...

Юра очень тревожно проводил ночи. Чуть забывался, как начинали сниться кошмары. «Мамка, опять фашисты!» — кричал он. Вскакивал с постели и осматривал палату. Вспомнив, что находится среди своих, снова ложился...

Немало хлопот доставляли нам тяжелые инфекционные осложнения. Одним из самых страшных была газовая гангрена. Чтобы спасти жизнь человеку, пораженному газовой инфекцией, врачи в прифронтовых условиях нередко прибегали к крайней мере — ампутации конечности. Конечно, не сразу после проявления признаков начинающейся гангрены так брали и ампутировали. Велась активная борьба за сохранение конечностей. В нескольких местах делались обширные и глубокие разрезы, через которые промывались инфицированные ткани раствором марганца, перекисью, накладывались повязки со стрептоцидом и другими препаратами. И в большинстве случаев победа оставалась за медработниками.

Раненые, пораженные газовой инфекцией, изолировались в особое отделение. Для них разворачивались своя перевязочная и операционная. К счастью, таких больных бывало немного, но все они находились в тяжелом состоянии, с высокой температурой и страдали от сильных болей в ране и вокруг нее.

Мы с Машей Гуляевой работали на этом посту. В одной хате, плотно поставив носилки на подставки, попарно в ряд, разместили четырнадцать человек. Операционная с одним столом находилась на кухне, где печь. В печи грели воду, кипятили шприцы и инструменты для операций. Я могла уже заменить операционную сестру у стерильного стола. Сама готовила инструменты и больного, помогала врачу во время операции.

У некоторых раненых, лежавших в этой хате, были ампутированы ноги. Но жизнь спасена, и здоровье шло на поправку. Здесь же, среди мужчин, на крайних от стенки

носилках, за простынной занавеской, лежала девятнадцатилетняя связистка Надя. Она, как рассказывала, с группой бойцов держала оборону у штаба части, чтобы дать возможность уйти товарищам с документами. Ее ранили в бедро. Состояние ухудшалось, и врачи вынуждены были ампутировать ей ногу.

— Как я теперь стану жить? И зачем такой жить?! — в отчаянии произносила она и плакала.

Выздоровливающие уговаривали ее, подбадривали.

— Не отчаивайся, Надюша, будем жить, как все люди.

— А что не дошли до победы, так найдем свое место в жизни и послужим Родине еще и в мирные дни.

Все раненые очень болезненно переносили перевязки. Хотя приставшие к культе марлевые салфетки отмачивались слабым раствором марганца, чтобы легче снимались, все равно некоторые больные доходили до обморочного состояния. Особенно волновалась Наденька. Все понимали это, сочувствовали ей, уступали место на столе первой, чтобы до прихода врача успеть потихоньку снять повязку.

Повеселей стала наша больная, когда навестили ее товарищи из части. И преображалась она при появлении в палате симпатичного старшего лейтенанта. Правда, первое время при встрече с ним она плакала и просила не приходить. Но он приходил и долго сидел у ее постели, уговаривая. Дезушка ждала его с нетерпением. И конечно же не только мы с Машей, но и все лежавшие здесь тоже ждали и радовались каждой их встрече.

Наблюдая за Надей и ее другом, я постоянно думала о своей соученице по школе, с которой перед уходом на войну пришлось еще и вместе поработать. Мы с ней договорились окончить курсы медсестер, чтобы потом вместе уйти на фронт. Это было нашей тайной мечтой. Но на курсах Валентина позанималась всего месяц, а потом сказала: «Не могу! Не хочу!»

Струсил ли она или просто не захотела учиться — я ее не осуждала. Но меня поразила другая ее поступок. Был

у нее хороший и верный друг Андрей. Казалось, она очень его любила. Проводив добровольцем на фронт, плакала дни и ночи.

В первом же бою, при защите Москвы, он был ранен в ногу, которую впоследствии ампутировали. Он долго пролежал в тыловых госпиталях, все время переписываясь с Валею. Сообщил ей о том, что стал инвалидом. Просил прекратить переписку. Но Валя по-прежнему отвечала, что любит и ждет.

На его родине, под Псковом, дом и все село были сожжены оккупантами, а жители, в том числе и его родители, расстреляны. И перед выпиской из госпиталя города Ташкента у него возник вопрос — куда ехать? На отосланную телеграмму с вопросом «Как быть?» Валя ответила: «Жду!»

Четыре долгих часа просидел он на станции в ожидании любимой девушки, но она на встречу с ним не пришла. Раздумала.

Размышляя о Валином поступке, презирая ее, я думала, что так не должно быть между Надей и ее Сашей. Они вместе прошли трудные испытания в жизни, видели горе и человеческие муки, смерть товарищей. Саша видел, как страдала его любимая, и почему она страдала — он понимал. Чувствовалось, что расстаться с ней навсегда он не может.

Мы с Машей продолжали работать в этом отделении вторую неделю без смены. Работы хватало на круглые сутки. В хате все та же теснота. Посидеть негде. Если только на окне, к которому надо протискиваться между носилками. Это же место использовали для отдыха и в ночное время. Поочередно садились и дремали, прислонившись к косяку. А когда в одну из ночей умер больной, мы переставили его с носилками на пол, у входа в хату, а на освободившееся место положили другие носилки. Уж очень мы были тогда уставшие.

— Маша, займи место часика на два. Потом я...

А утром больные удивлялись:

— Доченьки, как это вы так можете?!

— Знали бы ваши матери, чем вы тут занимаетесь, со страху бы умерли.

— Вам надо на маминой ручке еще спать, а вы ложитесь рядом с покойником, да еще на его место...

— Мы уже привыкли. Не боимся. А мамам потом расскажем обо всем, и они поймут нас.

Провожали одних в улучшенном состоянии и встречали других, кого надо еще выхаживать. Настала пора и для Нади, когда можно было ее для дальнейшего лечения эвакуировать в тыл. При расставании она с горечью произнесла:

— Столько пройдено, а до победы не дошла!

— Ничего, Надюша, не горюй. Дойдут другие и все сделают за тебя. А ты держись молодцом, и все будет хорошо...

Мы с ней долго переписывались. Она из тылового госпиталя сообщала, что дела идут на поправку, что приезжала к ней мама и что на несколько дней обещал приехать Саша...

В зрительном зале кинотеатра, на сцене, во всех подсобных помещениях лежат послеоперационные. Раненных в живот больше, и они заполнили зрительный зал. Раненных в грудную клетку разместили на сцене, за занавесом.

За такими больными мне часто приходилось ухаживать. Суток трое после операции им бывает очень тяжело. Первых, кроме болей, мучит вздутие кишечника и жажда. А пить нельзя. У больных после операции на легком от его отека — сильнейшая одышка.

А как мы радовались, когда у послеоперационных больных проходили все острые явления и дела шли на поправку!

Как всегда, первые признаки улучшения состояния — это хорошее настроение, шутки. Вот иной раз и думалось, что была бы за жизнь без шуток и юмора?!

Лежащие здесь уже начинали шутить, но смеяться тем и другим было еще трудновато. Но некоторым уже надоело быть серьезными. Чуть почувствовали силу, начинали доводить до смеха тех, кому еще не так весело — болели послеоперационные раны. Приходилось унимать расхрабрившихся весельчаков, чтобы не нагнали температуру себе и другим.

Здесь в особом уходе нуждались двое с проникающими ранениями в легкие — Градов и Четвериков, лежащие на сцене. Задыхались. У них в большом количестве не откачивали плевральную жидкость. Долго держалась температура до сорока и выше. Вообще они еле дышали и, несмотря на это, считались самыми озорными на весь кинотеатр.

— О, новенькая сестричка пришла. Давайте знакомиться, — встретили меня веселыми восклицаниями.

Прошло несколько дней, а температура у ребят не снижалась. Особенно Градову ночами было тяжело. А днем опять приходилось ругать, умирять его.

— Тогда мы песни будем петь, — заявил Градов. И запел:

Жили два товарища на свете,
Оба были ранены в бою.
Оба молодые, оба Пети,
Оба полюбили медсестру.

— Хорошо, что у вас проявилось чувство любви, дорогие мои, только ведь это безобразие, а не любовь при такой температуре! — шучу над ними.

— Я вот думаю, сестренка, если собою температуру, меня тут же — на эвакуацию. А мне так не хочется расстаться с вами, — шутит и Градов.

— Ничего не поделаешь, товарищи влюбленные. К сожалению, еще долго придется влюбляться и расставаться — до конца войны. А когда победим — влюбимся и тогда уже навсегда. Пока давайте мерить температуру и принимать лекарства.

— Эх, сестричка, не уходили бы вы от нас, ухаживали бы только за нами. Нам так скучно, когда вас нет! — произнес Четвериков.

— Эгоисты вы такие! Открою вот занавес, и вы увидите, сколько тяжелых послеоперационных лежит в зрительном зале. Думаете, им без меня не скучно? Вас и так избаловали вниманием, потому что вы — самые безобразные больные, не желаете снижать температуру. Все следить за вами приходится, как за младенцами.

— Ладно, сестра, мы больше не будем безобразничать, — обиженно моргал Градов.

— Что там ладно, у вас, Градов, температура опять тридцать девять и семь!

— Не ругай нас, сестренка, — умоляющим тоном произносил он, — мы исправимся.

Утром следующего дня у лейтенанта Градова температура наконец оказалась нормальной. Он не слышал, как я ему ставила градусник, как перемеряла еще раз температуру, не поверив своим глазам и градуснику. Радостно и тревожно стало на душе. Это был кризис — опасный период для больного.

Проверяя пульс, чувствовала, что все хорошо. Дыхание ровное, глубокое. Спит человек, как давно не спал.

Первым, очень рано, как всегда, в отделение пришел ведущий хирург, капитан Окс. Встретив его, доложила о состоянии больных и, в частности, Градова.

— Надеюсь, что ты не просмотрела больного, вовремя поддержала сердечко, значит, вместе с больным будем радоваться его выздоровлению. Это очень хорошо! Ну, пойдем, посмотрим...

Дня через два наступил кризис и у Четверикова. У обоих дела пошли на поправку.

— Вот теперь-то пойте про любовь, — говорю Градову и Четверикову. — Теперь и вас полюбить можно, и занавес открыть можно. Пусть все видят и знают, какие здесь лежат молодцы. Только еще одно условие — проверить оста-

лось по историям болезни, оба ли вы Пети, как поете. А то за обман лишние банки поставлю на ваши худые и уже пестрые от этих банок бока.

— А вот и оба Пети. Оба молодые и неженатые. А насчет банок, сестренка, — теперь нам не только банки, но и черти не страшны. Да здравствует жизнь! Да здравствует любовь!

Откровенно говоря, я не надеялась на то, что Градов и Четвериков справятся со всеми болезненными послеоперационными нагрузками. Уж больно оба были тяжелы. И просто нельзя было порой не удивляться силе, выносливости человека, находящегося буквально в критическом состоянии. Иногда думалось: быть может, в какой-то мере в трудную минуту помогает и шутка. Как припоминается, все веселые люди поправлялись быстрее.

— Что толку стонать или плакать от жалости к себе, — говорили некоторые, — коль умереть придется, так умирать надо с песней...

Наверное, это счастливые люди!

Август. Разгар лета. Теплые дни и ночи. Духота в палатах. Особенно тяжело раненым в грудь, кому необходим свежий воздух, чтобы легче дышалось.

По инициативе врачей, для этих раненых организовали климатолечение на открытом воздухе, переселив их на улицу, в просторный двор, в тень многолетних берез.

Свою зависть грудникам высказали раненные в живот. Тогда врачи решили, что не будет хуже, если они переведут туда же и остальных из зрительного зала. Так выстроился еще ряд кроватей. Больные торжествовали. Скольким дней не были на улице, а теперь круглыми сутками будут лежать на свежем воздухе!

Почти все процедуры выполнялись на местах, даже внутривенные вливания. Только в прохладные вечера, на ночь переносили людей в помещение.

В меру грело солнце. Поддувал легкий сухой ветерок, который приходилось увлажнять путем смоченных и развешенных повсюду простыней. Это необходимо было для раненных в грудь.

— Как на курорте! — переговаривались больные.

Началась подготовка к эвакуации. Все привыкли к тишине и к работе на этом месте. Жаль было расставаться нам с больными, а им с нами.

— Лечите нас до конца. Потом вместе довоюем, — шутили они.

Беспокойные и веселые Пети, верно, оказались Петями. Петр Градов — учитель из Краснодара, а Петр Четвериков — хлебороб-сибиряк. Расставаясь, они враз подали руки, большие и теперь уже сильные.

— Сестренка, если напишу, ответишь? — спросил Градов.

— Конечно, дорогие мои, пишите. Буду очень рада узнать о вашей дальнейшей судьбе...

Прием и проводы, встречи и расставания. Откровенно, каждый раз было жаль расставаться с этим народом. Кого-то отправляли в тыл, а кого-то выписывали в часть — расставание всегда было печальным.

А сколько людей прошло через наш госпиталь!

Танкисты и артиллеристы, разведчики и связисты, летчики и пехотинцы... Большинство из них постоянно находилось на передовой линии фронта, а если кто и не был в бою, все равно понимал, как он нужен на своем месте, спешил выздороветь и вернуться к друзьям. Из всех сил старался честно выполнить свой долг перед Родиной и непременно дойти до победы. Ведь немало пройдено трудных и опасных дорог, начиная от Москвы. Многие из бойцов принимали участие в Сталинградском сражении и на Курской дуге, форсировали Днепр... А теперь на их пути к победе были Одер и Берлин. И каждый из них, прошедший через ад войны, заслужил право испытать торжество полной победы.

В ПОЛЬШЕ

Летом сорок четвертого года шли последние бои на нашей земле. Советские войска приближались к западным границам, освобождая израненную землю, истрадавшийся за годы оккупации народ.

Сколько было радости, когда узнали, что наша Родина полностью очищена от немецко-фашистских захватчиков!

Но это была еще не победа. Задача, поставленная перед советскими войсками, состояла не только в том, чтобы изгнать врага с родной земли, но и помочь народам стран Запада освободиться от фашистского рабства.

Уже за пределами Родины руководство госпиталя обращало внимание личного состава на повышение бдительности, правильное взаимоотношение с населением Польши, где предстояло жить и работать. От нас требовались дисциплина и высокая сознательность.

Но людям, испытавшим на себе гитлеровскую неволю, познавшим фашистские порядки, не нужно было долго объяснять, почему пришли сюда советские войска. Доказательством тому были слова глубокой благодарности воинам за освобождение, крепкие рукопожатия и цветы, цветы...

Население оказывало большую помощь, давая сведения о противнике, указывая заминированные участки местности, объекты, подготовленные к взрыву. Да и сами поляки под огнем противника предотвращали разрушения. Помогали восстанавливать дороги и мосты, преодолевать водные преграды, чтобы армия освободителей могла быстрее продвигаться вперед.

Люди приходили на помощь и к нам. Убирали помещения и дворы, ухаживали за ранеными. Всегда со стороны населения мы чувствовали доброжелательность. А когда приходилось жить по квартирам, в польских семьях, они породственному ухаживали и за нами. Сочувствовали нам и жалели нас, молоденьких, отважившихся совершить такой далекий и трудный поход по дорогам войны.

Особенно запомнились мне добрые пожилые люди, живущие в Кентах, трогательное внимание со стороны хозяйки.

Жила я у них с Клавдией Степановной. В наше распоряжение была отдана хозяевами кровать с двумя пуховыми перинами. Одна из них служила матрасом, другая — одеялом.

Прибежишь иной раз с дежурства, вздремнуть бы и поскорей обратно. Но, несмотря на благоприятные условия, сон рассеивался. Одолевали разные мысли.

Как-то в поздний час услышала мои вздохи хозяйка. Поднялась с постели, подошла ко мне и села на стул. Положила свою старенькую, теплую и мягкую руку мне на лоб и сказала по-своему:

— Не надо тяжело вздыхать, доченька. Скоро уже будет конец всем нашим страданиям. Не спится? Скучно одной? Я посижу с тобой, может, успокоит немного. Может, я напомним тебе твою маму.

— Да, пани, спасибо вам, — растрогалась я. — У меня очень хорошая и добрая мама. Наверное, такая же, как вы. И рука ваша совсем такая, как у мамы. Спасибо, спасибо вам. Я этого никогда не забуду.

Не скрою, появилась нежность к этой доброй внимательной женщине. Захотелось обнять ее, как свою мать. Постеснялась. Только взяла ее руку и прижала к своей щеке.

Конечно, приятно было испытать такое чувство в чужом краю, вдали от дома и от самого дорогого человека — мамы.

Я с благодарностью буду вспоминать об этой женщине всю свою жизнь.

На польской земле бои шли не менее жестокие, чем на советской. И здесь было то же самое: отступая, фашисты оставляли разрушенные и разграбленные города, пепелища, пострадавшее население. Всюду следы злодеяний.

Когда я была еще дома, слушая радио и читая газеты, узнавала, какие порядки здесь наводили оккупанты, сгоняя население в концлагеря-гетто, где уничтожали десятками тысяч заключенных, а потом взрывали, сжигали и сравнивали с землей их жилища. И вот теперь я видела многое своими глазами и представляла то, что здесь происходило.

От поступающих в отделения бойцов и офицеров узнавали об освобождении ими на железнодорожных станциях эшелонов с молодежью, отправляемой в гитлеровскую неволю, о вызволении узников из лагерей смерти, которых фашисты еще не успели отправить в газовые камеры или печи крематориев. С возмущением рассказывали об этих страшных лагерях, грязных бараках, обнесенных высоким забором и колючей проволокой, на территории которых находились крематории, газовые камеры и огромные рвы, куда сбрасывали замученных и расстрелянных. Там же находились склады одежды и обуви, детской и взрослой. Все это принадлежало не только советским и польским детям и взрослым, но и гражданам разных стран и наций.

Раненые высказывали сожаление о том, что не могут принять участие в возмездии за все эти кошмарные преступления.

В местечке Рыманув, где развернулся госпиталь, тоже был концентрационный лагерь для русских военнопленных. Здесь немецкая санитарная служба умышленно проводила инфицирование узников тифом. А рядом находилось обширное кладбище захороненных, умерших от тифа людей.

Бои шли в Карпатах, в районе Дуклинского перевала. Оттуда доносился непрерывный гул орудий. Это советские

войска спешили на помощь чехословацким повстанцам. Чехословацкое командование обратилось к советскому Верховному Главнокомандованию с просьбой об оказании военной помощи.

Подробности, связанные со штурмом Карпат, я узнала значительно позже. А тогда известно было только то, что в сложной боевой карпатской операции принимала участие и 38-я армия под командованием генерала Кирилла Семеновича Москаленко. И что бои шли в тяжелейших условиях, и потому войска продвигались очень медленно. И мы второй месяц стояли в Рымануве, где все с той же силой продолжала греметь артиллерийская канонада.

Известно было нам и то, что рядом с нашими войсками сражались части 1-го Чехословацкого корпуса. Нередко поступали к нам их раненые воины.

Этот корпус спешил на соединение с восставшими соотечественниками, борющимися с оккупантами по ту сторону Карпат.

Наступал новый, 1945 год. Руководство госпиталя, партийные и комсомольские активисты, пройдя по палатам отделений, поздравили фронтовиков с наступающим Новым годом, пожелали скорейшего выздоровления и возвращения домой с победой.

Участники самодеятельности тоже разошлись по палатам, чтобы немного развлечь, повеселить лежащих пациентов, создать для них праздничную обстановку. Наконец, для поднятия настроения, перед новогодним ужином всем раненым воинам было выдано по сто граммов спирта.

Потом накрыли столы для личного состава, чтобы тоже встретить праздник по возможности торжественней.

Все речи и выступления за новогодним столом сводились к пожеланиям скорой победы.

Позади польские города и местечки Рыманув, Кросно, Краков...

И снова вперед!..

Меня все же не покидала мечта — побывать на передовой. Я продолжала завидовать девушкам-зенитчицам, регулировщицам, с кем встречались на каждом шагу. Особенно не находила покоя после знакомства с разведчицей Валею, поступившей к нам с подозрением на острый приступ аппендицита. Но диагноз не подтвердился, и ее несколько дней спустя выписали.

Это была худенькая, небольшого роста девушка со светло-рыжими коротко постриженными волосами. Скромная и неразговорчивая. Только перед выпиской разоткровенничалась. Рассказала, как пыталась убежать из дому на фронт. Как потом направили ее на подготовительные курсы, где изучала рацию и обращение с оружием. А некоторое время спустя была заброшена в тыл врага с группой из трех человек. Они располагались вблизи аэродромов и крупных железнодорожных станций. Она вела наблюдение за передвижением войск противника и вызывала авиацию...

Валя призналась, что ее гордостью был пятнистый маскировочный костюм, который так редко приходилось надевать. Ей нравилось ходить в нем по улицам и чувствовать, с какой завистью смотрели на нее девчонки и мальчишки.

После выписки из госпиталя за Валею приехали ее друзья-разведчики. И она, натянув свой пятнистый костюм, гордо зашагала через госпитальный двор к такой же пестрой машине.

Мне жаль было расставаться с этой маленькой светлорыжей девчонкой. Я тоже смотрела ей вслед с великой завистью.

И вот теперь, возвращаясь из ХППГ-5149, куда меня направляли на помощь, рискнула заехать с сануправление.

Полковник Харченко был у себя и сразу же принял.

Не успела доложить, что возвращаюсь...

— Не знаете, где находятся ваши? Сейчас скажу.

— Нет, товарищ полковник, прошу направить меня в часть.

— С Темкиным не поладили, что ли?

— Товарищ полковник, я добровольцем пошла на фронт, а передовой не видела. Вернусь домой — и рассказать не о чем будет.

Полковник расхохотался.

— Вот оно что! А здесь, старшина, по-вашему, не передовая? Вы что, хотите впереди войск шпарить? Вам мало того, что постоянно находитесь под обстрелом и бомбежками? Мало той ответственности, какая лежит на ваших плечах: сотни и тысячи человеческих жизней? Сколько пользы приносите, выхаживая раненых бессонными ночами. Сколько крови сдали, не пожалели для пострадавших воинов. Донор, небось?

— Да. У нас почти все доноры.

— Вот видишь, и кровь пролита не впустую, а для спасения жизни людей. Недаром проходят все ваши старания, возвращаете в строй больше семидесяти процентов бойцов и командиров после лечения. Этого вам мало? Да вы все здесь совершаете настоящий каждодневный подвиг. А будь на передовой, может, давно бы в живых не было. Шальная пуля могла уложить в первую же минуту и без всякой пользы. Вот что, дочка, никуда я тебя не пущу. Поезжай к своему Темкину, к подругам-землячкам. Там тебя ждут. Сама знаешь, на новом месте всегда горячая пора. Скоро день победы будем праздновать, а вы хотите изменить землячкам перед финишем. Это непростительно! Дайте крепкое слово: до победы не расставаться!

— Спасибо, товарищ полковник. Я все поняла.

— Вот и хорошо. Ваши развертываются в местечке Кенты.

— Я знаю. Разрешите идти?

— Счастливого пути, старшина!

Да. Прослушала хорошее и полезное наставление. И поехала в свой родной госпиталь.

Всю дорогу размышляла над словами полковника и соглашалась с ним.

Словно другими глазами смотрела на своих случайных спутников, сидящих рядом, в кузове попутной машины. Это были люди молодые и пожилые, рядовые и офицеры. Возможно, что кто-то из них спешил в часть, выписавшись из госпиталя. Теперь у меня не было зависти к тем, кто ехал на передовую. Я спешила на свой, медицинский, фронт, где тоже шла ожесточенная борьба, но борьба за жизнь людей.

Машина остановилась на перекрестке по знаку флажка регулировщицы. Рядом с ней пристроился военный газик. Смотрю, знакомое лицо — Владимир!

— Товарищ майор!

— Любаша? Вот так встреча! Куда путь держишь?

— На Кенты.

— И мы туда же. Пересаживайся.

По дороге призналась в том, что побывала в санотделе, что хотела сбежать из госпиталя.

— Не вздумай это делать под конец войны. Считаю, что теперь-то твое место только в госпитале. Пойми ты, сейчас начнутся небывалые бои. И чем ближе к победе, тем они станут ожесточеннее.

— Можете не беспокоиться, товарищ майор, уже все поняла. Полковник уговорил и взял слово — до победы не расставаться.

— Вот это верно!

Вижу указатель: «Хозяйство Темкина». Значит, уже прибыла. Не успели встретиться, как настала пора расставаться.

— Ты смотри, куда вы забрались!

— Мы же всегда так забираемся. Поближе к действующей артиллерии — веселей работается.

— Теперь уже знаю, что так. Ну, надеюсь, что расстанемся ненадолго. Наше следующее свидание — после победы, в Берлине. Слышишь?

— Да, да.

Машина скрылась.

Словно во сне промелькнуло мгновение встречи...

А обстановочка-то здесь ничего — будь здоров! Грохот стоит неимоверный. Поблизости с воем и свистом проносятся огненные снаряды «катюш», вызывая дрожь. Хочется прижаться к земле. А земля-то сама ходуном ходит. От взрывных волн ощущается колебание воздуха, и порой кажется, что от этого перехватывает дыхание.

В хозяйстве Темкина по обстановке чувствуется и нагрузка. Полный двор машин, пришедших с ранеными из медсанбатов и прямо с передовой. Подполковник Темкин и капитан Таран встречают и провожают в соседний эвакуогоспиталь готовых к эвакуации раненых. Следят за порядком приема и отправки людей, подгоняя и без того упревающих санитаров.

— О, Никулина вернулась! — как-то радостно произнес начальник. — Срочно возьми в штабе журнал, ручку, чернила и настраивайся на сутки и больше... В приемном отделении лежат сотни незарегистрированных людей. Там и больные с температурой, там и раненые. Двое ведут регистрацию, но дело продвигается медленно. Большое поступление...

Госпиталь на этом участке, как никогда, оказался расположенным близко к переднему краю. И пострадавшие поступали не только из частей 38-й армии, но и из соседних соединений. Коллектив столкнулся с огромными трудностями. Не хватало помещений для размещения людей. Недоставало медицинского и другого обслуживающего персонала.

Личный состав прилагал все силы, применял весь опыт, полученный за полтора года работы, трудился дни и ночи в течение трех суток.

И лишь несколько дней спустя положение стало выправляться, когда прибыли группа усиления и несколько машин из автобатальона, которые ускорили эвакуацию раненых.

На полу огромного зала, фойе, широкого коридора какого-то учреждения плотно уложены люди. Осторожно проходит врач приемного отделения, осматривая лежащих,

выявляя тяжелых по состоянию, и просит зарегистрировать их в первую очередь. После этого их сразу же уносят в операционную или в перевязочную. Остальные записываются все по порядку. Сортируются лишь истории болезни. Раскладываются отдельно — на больных, контуженных и раненных по профилю ранения. Как можно скорей всех их нужно распределить по местам. Пока они уложены на солому во всей верхней одежде и в обуви, с подложенными под голову шапками или вещевыми мешками. Стонут. Некоторые кричат от нестерпимой боли. Надо спешить. Пробираюсь между ними, сажусь на пол, записываю в журнал лежащих вокруг, заполняю на них истории болезни и опять перехожу на другое место...

Это был самый напряженный момент в работе коллектива, где каждый должен был проявить себя в умении организовать работу — выдать все, чему он научился.

Эвакуация велась также круглосуточно. Иначе было нельзя.

В феврале в этих краях чуть наступало потепление, как снег полностью исчезал. Дороги становились жидкими. Тяжело передвигаться, что пешком, что на машине. Бесконечным потоком идущий транспорт углубляет ямы и ямки. Дорога совсем разбита. А я уже опять сопровождаю колонну машин до эвакогоспиталя. Несмотря на малый ход, людей встряхивает, причиняя боль. Потрясешься по таким ухабам и скажешь поневоле: «Эх, дорожка, фронтотвая!»

Головную машину, в кабине которой сижу, ведет молодой шофер из автобатальона. Наконец сворачиваем с главной дороги на проселочную, мягкую, травянистую, по которой не слышно, как идет машина.

Проехав немного, видим: навстречу ползет раненый вражеский солдат. Поднимает руку. Водитель остановил машину. Выходим.

— Зачем же ты шел сюда, — ворчит шофер, — чтобы вот так ползать по чужой земле?

Осмотрела. Ранен в бедро. И, как видно, с повреждением кости. Сидеть не сможет, а положить некуда.

— Что же с ним делать? — задаю себе вопрос.

— Что делать? Все равно места для него нет. Пока оставить придется.

Да, места не было. В кабинах машин сидели раненые и в кузовах, между лежащими, тоже. Объясняю, что заберем на обратном пути.

Душа разрывается, ну как можно оставлять беспомощного человека? Вот пройдут годы, и трудно будет поверить в то, что на этой войне вот так ползали по земле люди.

— Люди. Разве это люди? — не унимался водитель. — Это же фашисты. Их никто сюда не звал. Вот и пусть подождет. Пусть еще поразмыслит своими мозгами, зачем к нам пришел.

Дорога шла пологим спуском, и неожиданно мы оказались на краю крутого оврага.

— В чем дело? — удивился шофер. — Была дорога как дорога. Через такой овраг никакая машина не пройдет.

И верно, спуститься по крутому склону можно только кубарем, а выбраться вообще невозможно. Что здесь происходило?

— Ты посиди, сестренка, а я пойду посмотрю, где можно проехать.

Водитель отошел метров на десять вдоль оврага, как вдруг машина заскользила вниз по жухлой траве, только что освободившейся от снега.

Что делать? Кричать? Напугаю лежащих в кузове. Рванула ручку тормоза и держу что есть силы. Машина остановилась. Но мне казалось, что ненадежно. Вдруг не выдержит тормоз.

Парень то ли уловил шум, то ли почувствовал неладное, обернулся и со всех ног пустился обратно.

Испуганный, бледный влез он в кабину. С трудом вывел машину из опасного положения.

— Болван! — выругал он себя. — Как это я... Спасибо тебе. Выручила. Не растерялась.

— Да, «не растерялась» тебе. Без памяти была. Чуть успела за рычаг взяться.

— Как узнала, за какой надо взяться?

— Часто ездить приходится. Привыкла уже, изучила. Доверили бы повести машину, — наверное, смогла.

— Кошмар! Представляешь, что могло произойти?

— Ладно, обошлось и молчи. Поехали.

— Вначале выйди, посмотри, что делается в овраге.

Внизу, на глубине до ста или более метров, лежали десятки трупов вражеских солдат. По-видимому, отступая, не успели похоронить погибших. Возможно, и раненый, попавший навстречу, выполз из этой ямы. И еще можно было предположить, что по этой дороге на санях спускали в овраг трупы, а потом их подбирали и готовили к захоронению...

— Боже мой, что же это делается вокруг? — не выдержала я. — И кому все это надо, чтобы так мучились и гибли люди?

— Гитлеру, конечно. Кому же еще?

— Посмотрел бы он, что стало с его храбрым войском! Какие почести заслужили его преданные солдаты!..

Следовавшие за нами машины стояли на некотором расстоянии. Водители сидели за рулем и покуривали в ожидании, куда же еще заведет их направляющая машина. И, кажется, не заметили чуть было не случившегося ЧП.

Заглянула в кузов. Раненые тихо о чем-то переговаривались.

— Как делишки? — спросила как можно повеселее. — Не замерзли?

— Нет, сестрица, все в порядке.

— Хорошо. Потерпите немного. В тупике оказались. Сейчас выберемся и скоро будем на месте.

С трудом отыскивали малообъезженную дорогу, которая

вела к железнодорожному разъезду, где стоял эвакуационный госпиталь.

Сдав раненых, повернули назад.

Гитлеровского солдата на дороге не оказалось. Наверное, специальные части подобрали. Ну и пусть! Без него гадко на душе. Он первый испортил настроение. Потом эта свалка трупов. И долго не могла успокоиться от пережитого у оврага.

Вернулась и направилась к палатке, что стояла во дворе. Там дежурила Валя Бабынина. Давно ее не видела. Захотелось с ней поговорить.

Вышла она, как всегда, веселая и жизнерадостная. И, как всегда, в белоснежном разглаженном халатике и такой же косыночке, из-под которой выглядывали темно-каштановые локоны.

— Ой, Валечка, какая ты нарядная! Хотела поведать тебе о новых приключениях, от которых скребет на душе, а как увидела тебя, сияющую, так сразу настроение изменилось.

— А я тебя сейчас огорчу. Шура Гладких заболела. Ее с высокой температурой в терапевтический госпиталь отравили. А потом демобилизуют, сказали.

— Что-то серьезное?

— Пока подозрение на туберкулез легких.

— Вот как! Что значит не жалеть себя. Она же часто простуженная и с повышенной температурой не отходила от операционного стола. Жаль, что перед отъездом даже не увиделись и не попрощались.

Подошел замполит и «обрадовал».

— Снова готовься в дорогу. Полетишь на самолете до Ярославля. Будешь сопровождать тяжелораненого генерала.

— Есть готовиться в дорогу! — ответила я.

— Везет тебе на путешествия, да еще с приключениями, — посочувствовала Валя.

— Ну ладно, Валюша, потом все расскажу. Пока!

Позади более семи месяцев жизни и работы на территории Польши.

Тяжело доставались освободителям пройденные с боями километры. Но теперь можно было поздравить и эту страну с освобождением от оккупантов, потому что мы уже переступали порог земли немецкой.

Невольно вспоминались наши первые шаги на военной службе. Потом длинные пути-дороги, начиная от станции Чернянка Курской области, до западных границ Родины и через всю Польшу. Сколько же пройдено, что пережито и переделано нами за это время!

Ох, как далеко ушли мы от дома!

НА ЗЕМЛЕ ГЕРМАНИИ

По пути следования на заборах и стенах домов аршинными буквами, а на машинах и танках, естественно, мельче, было написано: «На Берлин!», «Дорога домой — только через Берлин!»

Бои шли уже на территории Германии. Замирало сердце от предчувствия близкой победы, а бойцам это придавало силы, порождало новые героические подвиги, создавало условия для подготовки к штурму Берлина.

Все понимали, что победа еще не так близка, как бы хотелось. На подступах к фашистскому логову предстояли тяжелые бои.

Впереди видим столбы черного дыма, то и дело поднимающиеся ввысь. Землю сотрясают взрывы бомб...

Подъезжаем к городу, охваченному сплошными пожарами. Узнаем, что это работа союзной английской авиации. Горел немецкий город Ратибор. Это горела поверженная фашистская Германия.

Горы кирпичей забаррикадировали улицы, и по ним ни пройти, ни проехать. На месте бывших многоэтажных домов — развалины.

Колонны машин, танки, вся военная техника с шумом и грохотом несутся по одной расчищенной магистрали. Вперед! Скорее вперед!

А наш автобус свернул в более спокойный переулок, если не считать горящих вокруг зданий.

Остановились у четырехэтажного дома, как ни странно, с уцелевшими стенами, только, как обычно, без окон и без дверей.

Выпрыгиваем из машин, спешим осмотреть помещение, где предстоит работать. Во дворе, на повороте к подъезду, спотыкаемся об обгоревший труп вражеского танкиста. От неожиданности отскакиваем.

— Не бойтесь. Он уже неопасен, — говорит Клава Еговцева.

В нескольких метрах стоит его танк, тоже обгоревший.

— Девчата, подождите, — остановил нас замполит. — В здание входить нельзя, пока не осмотрено дополнительно. Может оказаться заминированным.

Здание под госпиталь было облюбовано заранее и предварительно осмотрено. Но нужна полная гарантия безопасности. Бдительно ли охраняли его часовые, оставленные здесь на сутки?

Мы вернулись к автобусу. Сидели до тех пор, пока не пришли из соседней части саперы и не «прослушали» все закоулки дома и двора. И наконец сказали, что все в порядке.

Входим и видим знакомое медицинское оборудование. Стоят развернутые стерильные столы, лежат готовые гипсовые бинты... На месте вся медицинская техника. Все оставлено так, словно хозяева только что вышли, сейчас вернуться и приступят к работе.

Помещение занимал немецкий госпиталь. Раненых вывезли перед вступлением в город частей Советской Армии. Наверное, думали, что мы с ними расправимся, как поступали фашисты с нашими ранеными.

Вокруг тревожно. Командование принимает меры к уси-

лению караульной службы. Выделяет ночной патруль. Вводит строгий режим и распорядок для личного состава.

Днем и ночью в окружающих кварталах, в соседних с нами домах появляются все новые пожарища. Кто-то, не успевший покинуть город, поджигал в разрушенных домах мебель, вещи — все, что могло гореть.

Только что трепыхались на ветру вырвавшиеся из разбитых окон разноцветные шторы, и вот они уже горят.

«Что же вы делаете? — хотелось спросить у поджигателей. — Зачем уничтожаете то, что можно сохранить? Или беспокоитесь: не увезем ли ваше добро в Россию? Это гитлеровцы устраивали грабежи на нашей земле, а советские солдаты не грабят. Наоборот, рискуя жизнью, спасают принадлежащие вам ценности, помогают вам продовольствием, оказывают медицинскую помощь. Нам ничего чужого не надо. Хотим только, чтобы поскорей настал конец всем бедам».

Многое надо было сказать и доказать тем невидимым, кто втихую выползал из своих укрытий и снова скрывался, совершив свое подлое дело, избегая встречи с нами.

Чтобы не дать нагреться крыше дома, занятого под госпиталь, там круглосуточно дежурят бойцы, обливая ее водой из шлангов.

Оберегать от огня и других пакостей надо было не только это здание. Напротив основного корпуса, через улицу, на нижних уцелевших этажах размещены склады и подсобные помещения, а на третьем — девичье общежитие. Рядом, в небольшом двухэтажном особняке, — штаб.

Словом, обстановка вокруг нас была такой, что хуже некуда. Да мы и не ждали ничего доброго. Готовясь к жизни и работе на территории противника, заранее настраивались на худшее положение.

Однако, несмотря на неблагоприятные условия, была проведена колоссальная работа по ремонту помещений, и к концу вторых суток личный состав готов был к приему раненых.

У меня было несколько палат, светлых и просторных, с десятками кроватей, заправленных белоснежным постельным бельем. На столах цветы, откуда-то привезенные шоферами. В открытые окна врывается весенний апрельский ветер с запахами гари и дыма...

Еще раз осматриваю — все ли сделано. На душе отчего-то так радостно. Может, день хороший, ясный. Или подомашнему уютно в палатах. И сама я одета почти подомашнему. Из военной формы на мне только юбка. Блузку заменила мужская рубашка с закатанными рукавами. Вместо фартука — полотенце.

Прохожу, представляю, как раненые после окопной жизни окажутся в этих уютных палатах.

Убедившись, что все на своем месте, принялась расстилать трофейные дорожки, оставленные хозяевами. Ползаю по полу, разглаживаю. Неожиданно открывается дверь и в палату входит полковник Харченко. За ним вошел Темкин, а там кто-то еще и еще.

Встала по стойке смирно, чтобы отдать рапорт, а мысль сверлит: «Не по форме одета. Нагорит мне сейчас!»

— Товарищ полковник, второе отделение госпиталя к приему раненых готово! Докладывает... старшина медицинской службы Никулина.

И тут заметила, что позади начальника стоит генерал-майор. «Ну теперь-то определенно достанется!» Положено рапорт отдавать старшему по званию.

Выручил полковник:

— Хотя и не вижу, что докладывает старшина, но вижу, что полный порядок. Даже с цветочками и дорожками. Хорошо встречаешь раненых. Молодец! А то «на передовую хочу!» — напомнил он.

Подполковник Темкин удивленно посмотрел на меня, потом на полковника. Заметив недоумение шефа, Харченко сказал:

— Вы, товарищ подполковник, докладываете, что это одна из лучших ваших медсестер, а не знаете о том, что

она хотела убежать на передовую. Я подумал, что здесь ее обижают, — не призналась.

— Не-ет, — растянул начальник, — мы живем дружно. И разговору о передовой никогда не было.

— Она к вам с такой просьбой и не пошла бы. Знает, что не отпустите. Потому и махнула прямо в санотдел. Мы с ней хорошо побеседовали. А то бы прощай, товарищ начальник! Вот так-то, дочка, будь здорова!

Подполковник Темкин, выходя последним, обернулся и погрозил мне пальцем:

— Я тебе покажу передовую!

Сквозь щели между досок, которыми заколочены незастекленные окна в комнате общежития, мелькало пламя, пробивался насыщенный гарью воздух. Здесь ужасно было неуютно. Поэтому мы с девушками собирались редко. А когда встречались, предчувствуя скорое расставание, обсуждали свое будущее. Как бы итог подводили всей нашей беспокойной походной жизни. Вспоминали хорошее и плохое, веселое и грустное. Часто вспоминали о Шуре Гладких. Она писала нам вначале из госпиталя, а последнее время уже из дому. Признавалась, что скучает о нас и завидует, что находимся в строю. Что переживает за состояние своего здоровья, так как сдвигов в лучшую сторону пока не чувствует, несмотря на проведенное лечение в госпиталях и санаториях. Мы сочувствовали ей и печалились.

Вспоминали, как в своих нарядных костюмах ходили на танцы. Партнеров всегда было много, и все напрашивались в прозожатые. А мы договаривались избегать знакомств. Не без сожаления жертвовали прощальным вальсом, незаметно исчезали из зала и спешили восвояси, оставляя кавалеров в недоумении.

Оксана поведала нам о том, как несколько дней назад к ней явился Николай Дунаевский на дамском трофейном велосипеде со спущенной камерой.

Дунаевскому, как и многим другим, казалось, что он тоже воюет не там, где бы хотел. Настоял, чтобы отправили в боевые части. И несколько месяцев назад он из госпиталя выбыл. Однако у него появилась другая забота — скучал об Оксане.

В один из вечеров он узнал, что госпиталь находится в тридцати километрах, и решил прокатиться на велосипеде. Прибыл, а нас там уже не оказалось. Сокращая дороги, по проселочным тропинкам, под дождем, он всю ночь разыскивал наше хозяйство. Вышедший из строя велосипед в пути удалось заменить только на дамский. Но и у этого камера подвела. Зато Николай с честью выдержал испытание на любовную прочность.

— Да, будет о чем вспомнить — и посмеяться, и погрузить, — в задумчивости произнесла Миля. — А как тяжело нам будет расставаться!

— Верно. Разлука — событие нелегкое, но ничего не поделаешь, — поддерживает разговор Клавдия Степановна. — Зато разъедемся по домам и займемся мирными любимыми делами. Я сразу же подам заявление в университет...

— А давайте, девчата, договоримся о встрече после войны, — предлагаю я. — Ведь захочется посмотреть друг на друга — какими мы станем. Наверное, будем ходить в нарядных платьях, туфлях-лодочках.

— Я согласна. И думаю, что никто не откажется от этого предложения, — с радостью отозвалась Валя Бабынина. — Конечно, интересно будет узнать о наших судьбах. Кто и кем станет. Как-то повернет нас послевоенная жизнь.

Большинство медсестер мечтали стать врачами. А кто окончил краткосрочные курсы только для того, чтобы попасть на фронт, еще не решили чем займутся — работой или учебой. Надо было посмотреть по домашним обстоятельствам.

Потом уже в который раз заговорили о любви и дружбе.

— Нужна, нужна любовь в двадцать лет каждому из нас! — горячо произносит Валя Бабынина.

— Да, ты права, Валюша. Сколько таких юношей и девушек, прожив семнадцать-восемнадцать лет, погибали, не узнав, что такое любовь, — говорит Миля. — Эх, если бы не война, сколько бы жило на свете счастливых влюбленных...

Неожиданно кто-то забарабанил в дверь:

— Девчата, выходите! Подвалы горят!

В открытую дверь ворвался густой удушливый дым. Мы закашлялись. Наскоро одевшись, побежали вниз.

В просторном подвальном помещении горели какие-то ящики, доски, разный хлам. С огнем ловко расправлялись бойцы из команды выздоравливающих, поднятые по тревоге.

К счастью, склады наши не пострадали. И опасности собой не предвиделось, поэтому нам разрешили вернуться на свои места.

Зачастую ночи вне дежурства проходили беспокойно. Вскрикивали по тревоге и спросонья да в потемках порой хватали не свою одежду, сапоги, которые кому-то не лезли на ноги или, наоборот, были велики. У кого-то наизнанку оказывалась гимнастерка, а кто-то забывал надеть юбку. Смех!

Однажды среди бела дня загорелся подвал под штабом. Можно было подумать, что поджигатели ходили в шапках-невидимках. Повсюду стояли часовые. Никто и никогда не видел на территории госпиталя посторонних людей, и вдруг то тут, то там какая-нибудь пакость. И опять тревога!

Было такое предположение, что подвалы соединялись с соседними домами.

На этот раз бдительность проявил начфин Крутов. Он в течение дня не раз обходил и осматривал дом. Заметил, что по подвальной лестнице поднимается дым. По тревоге быстро прибыли бойцы и погасили огонь. Из дальних под-

вальных кладовых хозяев дома вывели худую, трясущуюся от страха старуху-немку лет семидесяти.

— Что делать с этой «партизанкой»? — спросил начфин.

— Отпустите с богом, — ответил подполковник Темкин. — Она сюда больше не придет.

Город Ратибор останется памятным многими событиями. В том числе и самым главным — здесь мы встретили День Победы.

Это было обычное утро. Чувствовалось, что небо безоблачно. Но все ли оно было чистым, мы видеть не могли из-за густой дымки. Мы находились будто в огромной колбе из матового стекла, которую прикрывал кусочек голубого неба. Только местами пробивающиеся сквозь дымку солнечные лучи обещали доброе утро и хороший майский день.

Но настроение у дежурных врачей и сестер не было радостным. На операционном столе лежал умирающий девятнадцатилетний Саша Петренко. Он поступил с высокой температурой. Его мучила боль в раненой ноге. Врачи определили, что в разгаре газовая гангрена. Срочно ампутировали конечность в верхней трети бедра. Но заражение шло дальше. Лиловые языки коварной инфекции поднимались к животу. Ночь прошла у кровати больного в муках вместе с ним.

Саша часто впадал в беспамятство, бредил. Он уже держался только на медикаментах. Сердце то и дело останавливалось. Массаж... Снова массаж и введение в мышцу сердца стимулирующих средств...

Вдруг раздались выстрелы. Вначале единичные, потом автоматные. Немного времени спустя палили уже по всему городу.

Утро раннее. В палатах стояла тишина. А тут все зашевелилось. Встревожились больные и здоровые. Что случилось? Почему идет стрельба повсюду?

Руководство госпиталя срочно направило связных в ближайшие воинские подразделения, чтобы узнать причину происходящего.

И вот мы слышим выстрелы уже во дворе. Это наши посыльные вернулись с радостным известием:

— Победа! Слышите, товарищи, — Победа!

— Капитуляция! Это салют гремит повсюду.

— Ура! Ура! — покатилося по палатам.

А на столе операционной умирал юный защитник Родины.

Врачи сделали все, что могли, но общее заражение крови...

— Сашенька, война окончилась. Победа! Слышишь, салют гремит, — пытаюсь довести до его сознания эту радостную весть.

И он понял. Обвел помутневшим взглядом окружающих его людей и, слабо улыбнувшись, произнес:

— Победа... Хорошо... Не напрасно...

Это все, что он успел сказать.

Мы плакали и от радости за одержанную победу, и от горькой досады за преждевременную смерть юноши в столь великий день и час.

Что было потом? Потом еще были слезы радости и поздравления, объятия и поцелуи.

Большинство раненых, молчаливо лежавших, в этот день были неузнаваемы. Пели даже те, кто не умел. Плясали, кто не мог. Смеялись и хохотали по причине и без причин. Словом, как могли проявляли свою радость, свое торжество.

Вечером состоялось общее собрание, посвященное Дню Победы, на котором присутствовали и сотрудники, и больные. Точнее, это было не собрание, а митинг со множеством горячо выступающих ораторов.

Замполит, Юрий Васильевич Таран, сделал информацию о капитуляции вооруженных сил Германии и поздравил фронтовиков с великим праздником.

Радость раненых бойцов и офицеров была безгранична. Они выступали с волнующими словами о пройденном пути, о победном финише, но выражали свое недовольство тем, что не были в строю в столь ответственный момент, что этот день пришлось встречать на госпитальной койке.

Говорили о том, что никогда не забудутся кошмары войны, все пройденное и пережитое ими. И что на всю жизнь останется в памяти это доброе майское утро, принесшее такую долгожданную и желанную весть.

Для всех участников войны это был самый счастливый день в жизни! Надо было видеть лица людей. Людей, переживших невыносимое за долгие годы и дни войны.

— Победа!

— Победа! — повторяли они.

Это было неопишное торжество советского солдата-победителя.

Почти месяц прошел с того дня, как мы прибыли в этот город, а, кроме пожарищ, вокруг ничего не видели. Здесь, как и во многих других местах, у нас не оставалось времени на то, чтобы познакомиться с местностью, чтобы иметь представление о городе, где побывали. Была ли какая-нибудь жизнь в Ратиборе — мы не знали. Сомневались, потому что из жителей никого не встречали, кроме старухи-поджигательницы.

На следующий день после объявленной капитуляции был получен приказ о свертывании госпитального хозяйства. Началась эвакуация раненых, подготовка к переезду. А под конец выдалось несколько часов свободного времени, и мы с девушками решили побродить по городу, хотя было запрещено уходить с территории части.

От шоферов мы узнали, что где-то есть парк, большой и красивый, и, будто даже с лебедями, пруд или озеро. Устали наши глаза смотреть на развалины и пожарища.

После отъезда Шуры Гладких я подружилась с другой Шурой — Нижегородовой, тоже перевязочно-операционной сестрой. И она в коллективе госпиталя находилась с мо-

мента формирования. Шура старше меня на два года. Успела окончить фельдшерско-акушерскую школу и поработать в больнице Березников. Нам вместе с ней предстояло еще немало попутешествовать и, главное, вместе же возвращаться в родные края.

Шура предложила совершить прогулку Люсе Гузенко и Вале Бабыниной. Они с радостью согласились.

Мы долго ходили по улицам, заваленным кучами кирпичей. Сбили и ободрали об острые обломки начищенные сапоги. Но ни уцелевшего дома, ни зеленого деревца, ни кошки, ни собаки, ни души живой человеческой в этом краю не встретили.

Не обнаружив ничего интересного, хотели повернуть назад, как впереди заметили ряд зеленых деревьев. Возможно, это и есть парк, решили мы.

— Рискнем?

— Пошли.

Действительно, это оказались тот самый парк и пруд, довольно большой, но только без лебедей. По его берегам росла ива.

Тихую зеркальную поверхность воды бороздили несколько лодок. В них сидели военные разных родов войск. Заметив нас, некоторые причалили к берегу, приглашая в лодку. В одной лодке трое пехотинцев, в другой — танкисты.

— Если мы сядем, ваш «корабль» потонет, — шутит Шура.

А вот одинокий старшина.

— Девушки, на память о Дне Победы непременно надо прокатиться по ратиборскому озеру. Прошу, садитесь, пожалуйста.

Мы сели в лодку, которой правил старшина.

— Ах так! — рассердились танкисты. — Тогда мы вас вызываем на бой.

Наш рулевой не успел отвести лодку. Налетели танкисты и давай на нас плескать воду.

— Девчата, принимай бой! — смеется Люся.

Старшина успевал вычерпывать жестяной банкой воду из лодки и ставить ее в выгодное для нас положение, а мы поливали танкистов, кто руками, кто веслом, пока те не взмолились:

— Сдаемся, девчата. Ваша взяла. Надо успеть обсушиться, прежде чем явиться в часть.

Оказалось, бой продолжался долго. Только сейчас заметили, что собрались десятки новых лодок и мы окружены любопытными.

— Старшина, гони скорей к берегу! Что за зрелище мы устроили?

Поблагодарив рулевого за доставленное удовольствие, мы поспешили к дому. С одежды ручьями стекала вода, но условий здесь не было, чтобы привести себя в порядок, поэтому отправились такими, как были.

Палило солнце. И пока мы колесили по улицам, разыскивая дорогу, одежда высохла.

Подходим к территории госпиталя и видим выстроившиеся машины, груженные госпитальным имуществом. Автобусы, где сидели люди, уже готовые к отъезду.

— Куда они? — удивленно произносит Люся, будто это ее и нас не касалось.

Навстречу шел разъяренный начальник.

— На курорт приехали? Прогулочки устроили? Кто разрешил?

Мы поспешили скрыться в автобусе...

Прощай, Ратибор! Пусть ты оказался негостеприимным, зато здесь прозвучал для нас салют Победы.

ПО ЧЕХОСЛОВАКИИ

Не сразу дошли до нашего сознания слова «капитуляция!», «Победа!» Трудно было объяснить и чувства, какие

испытывал каждый из нас в то доброе утро и в последующие дни.

Передвигаясь по дорогам войны в составе своей армии, начиная от Курской дуги, мы вместе с бойцами радовались продвижению вперед, избавлению от оккупантов каждого населенного пункта. Но это всеобщее чувство радости и торжества за одержанную победу несравнимо, необъяснимо.

Только для войск Советской Армии война еще не окончилась. Продолжалась благородная миссия — борьба за освобождение народов западных стран, борьба до полного разгрома немецко-фашистских захватчиков.

В тяжелых условиях, с жесточайшими боями преодолели советские и чехословацкие воины Дуклинский перевал через Карпаты, чтобы соединиться с повстанцами и партизанами, а потом вместе с ними продолжить борьбу против общего врага. Спешили советские войска и на помощь восставшей столице Чехословакии. А девятого мая и Прага стала свободной.

Колонна наших машин, вышедшая из Ратибора одиннадцатого мая, теперь в общем потоке войск тоже передвигалась по дорогам Чехословакии.

Народ ликовал, встречая советских воинов-освободителей. Море людей и цветов. Из окон многоэтажных домов, с балконов и крыш — отовсюду летели цветы, осыпая проезжающих. Не умолкали приветствия: «Наздар!», «Наздар!»

Машины, танки, пушки шли по ковру из живых цветов. Шли медленно, осторожно. Потому что проходили по многокилометровому людскому коридору, который временами сужался. Водители вынуждены тормозить, порой останавливать машины. Тогда бойцы оказывались в объятиях встречающих, искренне благодарных людей.

Ах, какие это были встречи!

Встречи с друзьями всегда радостны, но эти... Видишь и понимаешь, как же нужна была наша победа народам и этих стран. Как ждали они здесь армию победителей!

Я с восхищением смотрела на грозную боевую технику, украшенную живыми цветами, и сердце наполнялось гордостью за нашу армию, за советскую Родину, за свой народ. Ведь оружие, которое помогло разгромить фашизм, ковалось руками советских людей.

О, какие чувства испытывали мы, девчонки, когда и к нам тянулись десятки дружеских рук, чтобы пожать и наши ладони. Какую радость и гордость испытывали от того, что находились в составе своей армии, что какая-то доля и наших усилий влита в общее дело победы над ненавистным врагом многих народов. И пусть мы были второстепенными солдатами, но тоже необходимыми. Ведь и мы, медики, неотступно шли по войне за главными солдатами к конечной цели — к победе, к миру.

Мы прибыли в чешский город Кутна-Гора, находящийся в семидесяти километрах от Праги. Машины и автобусы заполнили просторный двор большого П-образного здания. Во дворе суетились люди. Донеслась немецкая речь. С удивлением осматриваемся. Узнаем, что прибыли в расположение немецкого военного госпиталя, где лежат раненые солдаты и в числе их гитлеровский генерал.

Это оказался тот госпиталь, который выехал из Ратибора и который бросили здесь вражеские войска при отступлении.

К нам подходят юноши-медбратья. Девушек-медсестер у них нет.

— Гитлер капут! — произносит один из них, улыбаясь.

— Да, у вас Гитлер капут, а у нас Победа! — говорит Маша.

— Яа, яа, победа! — подтверждает другой.

Не по себе было слышать немецкий говор, ставший за годы войны ненавистным. И в то же время с великим трудом, но доходило до сознания то, что эти люди, сдавшиеся на милость судьбы, уже не враги. Что нет больше войны и у нас не должно быть ненависти друг к другу. Да и мы

все же коллеги, люди гуманной профессии. И даже во время войны не должны были враждовать между собой.

У немецких коллег было отличное настроение. Они хотели общаться с нами. Заводили разговоры, что-то спрашивали и объясняли сами. Словом, все мы были беспрельдно рады наступившему миру и в этом понимали друг друга прекрасно.

Итак, на несколько дней, до эвакуации, нашими пациентами стали вражеские солдаты и их генерал.

Генерал лежал в маленькой комнатке один. Было видно, что он высок ростом, очень худ — кожа и кости. Кожа лица и рук, лежащих на белоснежной простыне, была густого темно-желтого цвета, по этому можно было судить о нездоровой печени.

Выделялись огромный горбатый нос и глаза, посаженные в глубокие глазницы. Взгляд его казался страдальческим. Но страдал он, пожалуй, не от болей, мучивших его, а, скорее, от того, что, будучи храбрым генералом на фронте, преданным идеям Гитлера, сейчас оказался среди русских вот в таком беспомощном состоянии и бессиле что-либо предпринять.

Испытывая ненависть и отвращение к вам, кому имя — оккупанты, фашисты, мы не мстим, а проводим бессонные ночи у ваших кроватей — поправляйтесь, пожалуйста! Но это не унижение с нашей стороны, а великодушие. Вы уже узнали характер советского человека и почему так силен он, порой вовсе и не богатырского вида русский солдат, почему он идет в неравный бой и побеждает? Да потому, что он защищает правду, ленинскую правду и завоевания Октября — светлое будущее поколений, общие интересы и жизнь трудового народа.

Победа и мир окрыляли людей, повсюду поддерживая удивительно веселую, оживленную обстановку. Но это еще не означало, что наступил такой покой, когда все беды и горе ушли в прошлое. Горе и беды будут продолжаться

еще долго. И всю свою жизнь станут проклинать фашистов те, кто пережил эту войну и в тылу, и на фронте.

С трудом удавалось сдерживать злость и ненависть к врагу, когда получила известие о гибели артиллериста Владимира.

«...Володя погиб десятого мая в Берлине...» — писал его друг. Выслал мне последнее, так весело начатое, но неоконченное письмо: «Ура! С победой, Любаша! А это значит — до скорой...»

Его вызвали в штаб...

Неугомонные в своей злобе фашисты бросили из подвала гранату в машину, на которой проезжал Владимир, а с ним еще двое офицеров. Шофер, тоже пострадавший, с трудом привел в часть поврежденную машину с телами погибших.

«Нет, товарищ Владимир, не хочу верить в то, что наша встреча нигде и никогда больше не повторится! Ты слышишь?»

Вот и все. Так и не сбылись наши мечты и надежды.

Раненых немцев переправили в госпиталь для военнопленных. Мы же, продолжая выполнять свои обязанности, знакомимся с другими населенными пунктами этой страны.

Как и всюду, десятки и сотни людей гражданского населения приходили к нам, чтобы помочь в развертывании госпиталя. Порой помощников оказывалось больше чем достаточно, а люди шли и шли, изъявляя желание оказать помощь в любом деле. Шли, как на праздник. Женщины и девушки в нарядных платьях, мужчины — в новых костюмах, светлых рубашках, при галстуках. Проявляли большое внимание к раненым, приходили к ним с подарками и гостинцами.

Советско-чехословацкие войска добивали остатки гитлеровских частей, завершая освобождение от фашистской

нечисти чехословацкой земли. Заканчивался трудный боевой поход Советской Армии.

Заканчивалась и наша миссия. Личный состав ХППГ-5148 готовился к отъезду в обратный путь.

— Счастья вам в мирной жизни! — прощаемся с народом Чехословакии, а затем и Польши.

Прощаясь с Чехословакией, я не думала тогда, что тридцать лет спустя нам с Милей Бойковой, старшей операционной сестрой госпиталя, представится счастливейшая возможность вновь побывать в этой стране, проехать по знакомым путям-дорогам. Мы вновь увидели Прагу с ее множеством мостов — новых и старых, вековых, как Карлов мост. Побывали в музее Ленина.

Ознакомились мы и с историей освобождения города Остравы — Моравской Остравы, как запомнился он нам по военному времени. Это крупный индустриальный центр, город шахтеров, как сказал наш гид Ладислав Пыш. Город, на который возлагали большую надежду вражеские войска, создав вокруг мощные оборонительные укрепления, минные поля.

И тридцать лет спустя мы увидели горькую память о войне — музей под открытым небом. Здесь сохранены окопы и доты, железобетонные укрепления, которые, как выразился Ладислав Пыш, надо было пробить бойцам Москаленко и Гречко.

Здесь же навечно застыла советская военная техника — танки, пушки... Они словно бы остановились на привал, устав от долгого похода, дабы остыть от бесконечной стрельбы.

Ладислав Пыш — симпатичный человек выше среднего роста, худощавый. Несмотря на семидесятилетний возраст, по-молодому стройный, подвижный, жизнерадостный. Как рассказал при знакомстве, в тридцатых годах и в годы минувшей войны немало времени провел в фашистских тюрь-

мах и застенках. Он словно спешил наверстать потерянное время, не шел, а бежал быстрее всех, спешил как можно больше рассказать о прошлом и настоящем своего города, знакомил с историей его освобождения.

— Оставская операция длилась шестьдесят дней и ночей, — сообщает он. — Это была самая большая битва в Чехословакии после Дуклинского перевала. Город был освобожден тридцатого апреля сорок пятого года. Флаг свободы над Оставой и знамя Победы над рейхстагом были подняты одновременно.

Наш маршрут и далее проходил по дорогам боевой славы, по местам совместных освободительных боев, вдоль границ Германской Демократической Республики и Польши. Вдвойне приятно было слышать о боевых действиях 38-й армии. И радостно сознавать, что чехословацкий народ помнит и чтит своих освободителей. Повсюду сами за себя говорили плакаты и лозунги: «Пусть живет Советский Союз — наш освободитель!», «С Советским Союзом — на вечные времена!»

И куда бы мы ни пришли, туристов из нашей страны встречают приветливыми улыбками, рукопожатиями, цветами. Повсюду мы видели памятники, монументы, братские кладбища, где с почестями похоронены советские воины, погибшие при освобождении их земли.

Вот пример трогательного внимания. К надгробному камню воина-ленинградца Петра Шамова склонились ветви липы. Эта липа привезена и пересажена со двора дома в Ленинграде, где жил Шамов, откуда ушел он на войну.

И всюду цветы, розы, привезенные со всех концов света в знак благодарности и признательности советским воинам, пожертвовавшим своей жизнью ради жизни других.

Товарищ Пыш хотел, чтобы мы с Милей непременно побывали в клинической больнице Оставы. Возможно, там в старых корпусах и размещался госпиталь в сорок пятом. Но трудно было узнать место расположения: все изменилось за прошедшие годы.

Приветливо встретили нас врачи и сестры больницы. Провели по отделениям — хирургическому и терапевтическому, показали новейшую медицинскую аппаратуру в кардиологическом отделении. Ознакомили с работой в барокамере, где под кислородным давлением проводятся операции.

Была неожиданной встреча с медперсоналом и работниками здравоохранения в обществе Красного Креста, организованная товарищем Пышем. Представители Красного Креста говорили о дружбе медицинских обществ наших стран.

Дороги, дороги... Но это уже не фронтовые избитые дороги, а гладкие блестящие ленты асфальта.

С трепетом приближаемся к Дуклинскому перевалу, где проходило крупнейшее сражение осенью сорок четвертого года, где войска с кровопролитными боями преодолевали путь длиною в пятьдесят, а шириной в двадцать километров в течение восьмидесяти дней и ночей!

На перевале сооружен монумент — символ свободы чехословацкого народа, величественный памятник павшим советским воинам, создан военный музей на природе с расстановкой боевой техники в исходных позициях. И здесь же, к двадцатипятилетию сражений на перевале, открыт Дуклинский музей славы.

В экспозициях музея рассказывается о совместных боевых действиях нашей 38-й армии и Чехословацкого корпуса, об их храбрых командармах Людвиге Свободе и Кирилле Семеновиче Москаленко. При музее оформлена диорама, где воспроизведены события боя на перевале. Мы сидим в зале. Вдруг в полнейшей темноте и тишине начинают бить пушки, раздаются пулеметные и автоматные очереди, с душераздирающим свистом пролетают над головой (такое ощущение) самолеты и бомбы. Одновременно на темном экране то тут, то там появляются вспышки зарниц, цепочки трассирующих пуль, взрывы бомб и снарядов...

Наступает рассвет. Бой утихает. Уже на освещенном экране-макете открывается панорама прошедшего боя.

Звучит песня «Журавли». Все это глубоко, до слез трогает людей, и не только переживших войну, но и молодежь...

На одной из интересных, запоминающихся встреч с представителями общества советско-чехословацкой дружбы и руководителями ведущего предприятия города Прешова мы и тридцать лет спустя услышали великое спасибо советским воинам, без чьей помощи не смог бы справиться с оккупантами чехословацкий народ.

ЗДРАВСТВУЙ, РОДИНА!

Отремела Великая Отечественная война. Позади и для медиков полевые условия жизни и работы. Но борьба за жизнь фронтовиков будет продолжаться еще долго. Под мирным небом годами придется залечивать раны воинам, находящимся в тыловых госпиталях, а потом их выпишут в строй трудового фронта.

Все выдержали худенькие хрупкие девушки, собрав силу воли, отбросив страх и усталость. Конечно, война закалила нас здорово, во всех отношениях. Наверное, мы стали сильнее духовно и физически, намного поумнели, научились разбираться и серьезней относиться к жизни.

— По-ско-рей, по-ско-рей! — опять отстукивают колеса, возвращая нас теперь на восток.

Поезд замедляет ход у пограничной станции. Но что это? Эхо войны? Нет. Это гремит салют в честь воинов-победителей, возвращающихся на Родину из дальних и трудных походов. Видим, как они, не ожидая полной остановки эшелона, выпрыгивают на ходу из вагонов, чтобы твердо почувствовать под ногами свою родную русскую землю. Выйдя из вагона, кто-то распластался на ней, обни-

мал и целовал после долгой разлуки, кто-то смеялся и плакал от радости, а кто-то громко кричал:

— Здравствуй, Родина!

«Медикам-героям Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» — мемориальный комплекс, установленный на территории 1-го Московского медицинского института

Вот и последнее место дислокации ХППГ-5148 в городе Станиславе (Ивано-Франковск), куда прибыли и где предстоит сложить свои полномочия, расформироваться, расстаться с друзьями и подругами, ставшими такими дорогими и близкими.

В эти последние дни существования госпиталя в штабе шла напряженная работа. День и ночь не выходили из штабной хатки Клавдия Степановна, лейтенант Крутов и другие. Они спешили отобразить боевой путь своего коллектива.

А в душе каждого из нас творилось что-то невероятное. Переживали радость возвращения на Родину, думали о предстоящей встрече с родными и разлуке с друзьями.

Вот уже прощаемся с офицерским составом — нашим непосредственным начальником капитаном Оксом и Верой Петровной Чигогидзе, Ириной Васильевной Кабаковой, Валей Лашук и другими, кто уезжает в сануправление армии за назначением, кому предстоит еще продолжение службы.

Расстаемся и с рядовым составом, младшим медперсоналом, кому по Указу Президиума Верховного Совета СССР разрешена демобилизация в первую очередь. А медсестры, сержанты и старшины пока томятся в ожидании Указа о демобилизации второй очереди.

Тем временем до нас дошли слухи о том, что в связи с началом войны на Дальнем Востоке некоторых медсестер могут направить туда. Мы обратились к начальнику:

— Если на Дальнем Востоке нужны медсестры, отправляйте всех вместе. Мы до конца не хотим расставаться. Одни поедут отдыхать, а другие еще на войну. Это несправедливо!

— Что за демонстрация?! — возмутился подполковник Темкин. — Марш по местам! Я сам знаю, кого и куда отправлять.

— А мы не хотим по вашему желанию «кого и куда». В санотдел поедем.

— Ладно, идите. Разберемся.

А время шло. И тут слышим, что и на Дальнем Востоке на радость всему миролюбивому человечеству восторжествовала победа. Подписан акт о безоговорочной капитуляции милитаристской Японии.

Неожиданно меня и Шуру Нижегородову вызвали в штаб. Там находились начальник госпиталя, замполит и знакомый нам подполковник Ерофеев, возглавлявший ХППГ-4345.

Узнаем, что подполковнику Ерофееву поручено формирование гарнизонного госпиталя в Закарпатском военном округе.

— Девчата, вы напрашивались поехать на Дальний Восток, — начал подполковник Темкин. — Но там, к вашему счастью, можно сказать, делать уже нечего. А вот мы хотим предложить вам поработать еще в гарнизонном госпитале, который находится в Закарпатье, в городе Мукачево. Как вы на это посмотрите?

— Это не приказ. По желанию, — добавил капитан Таран.

— Все спешат домой, — пояснил подполковник Ерофеев, — по разным причинам не могут остаться. Но в Карпатах и других местах продолжается борьба с бендеровцами, украинскими националистами, и, к сожалению, продолжают страдать люди, продолжают поступать в госпиталь и раненые. Кто-то же должен их лечить.

Мы с Шурой переглянулись. Подумали. Конечно, страшно хотелось домой. Но что было делать — отказываться, как все? И решили:

— Раз надо — мы согласны.

— Вот спасибо! — пожал нам руки подполковник Ерофеев. — Я не сомневался, что вы именно так и поступите.

— Жаль расставаться, девчата, но ничего не поделаешь, — произнес Темкин. — Вы там долго не задержитесь.

На прощание, поблагодарив за службу, за работу, начальник и замполит пожелали нам здоровья и счастья в мирной жизни.

Времени на сборы нам дали столько, чтобы уложить личное имущество по вещевым мешкам и попрощаться с теми, кто здесь еще находился. Это штабные работники, шеф-повар Лида Богомолова, без кого не могли обойтись.

До последних дней задерживали парикмахера Люсю Гузенко. Лейтенант Рудина, заведующая аптекой, подводила итог израсходованных лекарств, что необходимо было для истории госпиталя. И вот трогательное расставание с «папашей», старшиной Иваном Александровичем Блохиным...

Получив положенные документы, мы выбыли из личного состава ХППГ-5148, как нам сказали, с честью выполнившего свою миссию.

Из Станислава, через крутые подъемы и спуски Карпатских гор, прибываем в Мукачево, уютный городок, утопающий в зелени, где множество фруктов, особенно винограда и груш, очень сочных и ароматных, где по улицам города растут каштаны и грецкие орехи.

В городе необычно тихо и спокойно. Жизнь идет размеренно. Никто и никуда не спешит. И нам не надо спешить. Больные и раненые поступают не сотнями за сутки, а единицами. Чаше прибывают больные с температурой, иногда с приступами аппендицита, и их сразу же оперируют.

Но в кажущемся тихим местечке жизнь шла не так-то спокойно. Несмотря на то что войны нет уже несколько месяцев, бои, так сказать, местного значения продолжались. Велась борьба с теми, кто не давал покоя людям, мешал налаживать послевоенную жизнь, кто устраивал заставы в горах, подстерегая идущие, в основном военные, машины, чтобы столкнуть их в пропасть глубоких карпатских ущелий.

Естественно, были жертвы среди тех, кто остался жив, пройдя войну, кому предстояло потерпеть еще немного, чтобы вернуться и переступить порог родного дома. В этих краях еще продолжительное время жизнь будет тревожной.

Город Мукачево не был разрушен войной и потому нам казался удивительно красивым. Обычным порядком работали все предприятия и театры. Теперь мы имели возмож-

ность наверстать упущенное за годы войны — смотреть все кинофильмы, какие шли в кинотеатрах.

Такая непривычно легкая наша жизнь и служба длилась до ноября сорок пятого. Потом не без сожаления расставались мы с этим полюбившимся городком, к которому успели привыкнуть.

Наконец прибываем туда, где формируются и отходят составы с демобилизованными на Урал, в Сибирь — по разным направлениям. Замирало сердце от переполнявшей душу радости: скоро будем дома!

Ноябрь, а здесь еще тепло. Ласково греет солнышко, провожая нас. На станциях множество фруктов.

— По-ско-рей, по-ско-рей! — наконец застучали колеса.

Опять спешу. Теперь спешу домой. Слишком долго задержалась. А маме обещала, что сразу же вернусь, как окончится война.

Сидим с Шурой на скамейке у открытой двери вагона и вспоминаем тех, с кем не так давно расстались. Многие из девчат уже дома.

Нашими спутниками по вагону оказались сибиряки и дальневосточники.

Я мысленно мчусь домой через весь путь, какой предстоит преодолеть до Урала...

Мои размышления прерывает звонкая, задорная песня, начатая попутчиками:

Ехал я из Берлина
По дороге прямой,
На попутных машинах
Ехал с фронта домой.
Ехал мимо Варшавы,
Ехал мимо Орла,
Там, где русская слава
Все тропинки прошла...

Дружный хор подхватывал припев. Казалось, что от радости и счастья пела сама душа у этих солдат, возвращающихся с великой битвы на Родину, которую они отстояли дорогой ценой.

Ближе к северо-востоку становилось прохладнее. Начи-
нал пролетать снег. Вот и Москва. И уже в снегу. А в Ки-
рове настоящая зима с глубоким снегом и тридцатиградус-
ными морозами. И на станциях продают уже не фрукты, а
толстые теплые носки и варежки. Торговцы, пробегая
вдоль эшелона, покрикивают, соблазняя самокатными ва-
ленками:

— По-ско-рей!..

Уже мелькают знакомые поля и леса, да не украинские
хаты, а деревянные домики уральских сел и деревень. Все
больше охватывает волнение.

По дороге, идущей параллельно железнодорожной ли-
нии, бредет колонна военнопленных вражеских солдат.
У некоторых из них ноги обмотаны цветными тряпками и
веревками, подвязаны подметки. На головы надеты пест-
рые женские платки, защищавшие уши от уральских три-
дцати-сорокаградусных морозов, а поверх натянуты став-
шие бесформенными пилотки. И сами они под присталь-
ным взглядом советских людей и проезжавших фронтови-
ков тоже превратились в бесформенные существа.

— Эй, вояки, за свои уши боитесь — не оставить бы их
в России? Где ваша воинская выправка? Куда делась
гордость немецкая? — произносит пожилой усатый си-
биряк.

— Завидуете нам небось? Так вам и надо! — с возму-
щением говорит его сосед. — Для нас-то война окончилась.
Мы возвращаемся домой со спокойной душой, с чистой
совестью. А с какой совестью вернетесь вы? Как посмот-
рите в глаза родным, своему народу?

Вот и знакомый поворот. Мелькнул зеленый огонек се-
мафора, раздался свисток паровоза, и состав, замедляя
ход, потянулся по территории станции Нижняя Курья.

Стою в дверях вагона, готовая выпрыгнуть на ходу. Еду
без предупреждения, поэтому никто не встречает. Отец и
мать нездоровы. Не захотела беспокоить.

— Ну вот, доченька, ты и дома, — произносит усатый

сержант. — А нам, сибирякам, еще неделю жить на колесах.

— А вы, папаша, подгоняйте эти колеса. Знаете, мне помогало. Казалось, и верно они ускоряли свой бег, когда я в такт стука колес про себя повторяла: по-ско-рей, по-ско-рей!

— Спасибо, дочка, за совет. Будем подгонять колеса хотя бы одного вагона и то побыстрее доберемся, — тоже шутит он.

— Счастливого пути! — кричу вслед отъезжающим. — Шурочка, до скорой встречи!..

Вот и наш дом. Поднимаюсь на второй этаж. Открываю скрипучую от мороза дверь квартиры. С кухни донеслось шипение жира на сковородке. Запахло чем-то домашним, маминым.

— Кто там?

— Это я, мама, — останавливаюсь против кухни.

Загремела сковородка...

— Ой, батюшки, неужели дождалась?

На звон и шум выбежали из комнаты сестры. Вышел отец.

— Ну, здравствуйте, вот и я!

Уходят в прошлое годы войны, но время не в состоянии выветрить из памяти пережитое фронтовиками. Конечно же, они никогда не забудут тот огненный маршрут, который тянулся долгих четыре года. Не забудут той огнедышащей войны, где корежился и плавился металл, а их воля и мужество, закаленные в боях, оставались непреклонными, и они продолжали сражаться. И нельзя было не удивляться их храбрости и стойкости перед силой войны.

Слишком труден был путь к победе, и все же пришло то время, когда душой и телом уставшие смогли наконец произнести:

— Здравствуй, желанный мир!

Я и мои сверстники, уходя добровольцами на фронт, не надеялись на легкую романтическую жизнь и службу в армии. Война перечеркнула наши мечты и планы, и мы сознательно вынуждены были менять свое направление в жизни ради того, чтобы принять участие в защите Родины. И эту миссию с честью выполнило наше поколение. Вместе с воинами и нам, медикам, суждено было не только испытать все невзгоды войны, но и познать торжество великих побед.

Да, кто прошел войну и кто пережил ее в тылу, те знают, какое это счастье, когда на земле мир! Потому и дают наказ фронтовики нынешним солдатам: берегите завоеванный мир, будьте всегда готовыми отстоять его, защитить от врагов границы Родины.

...Возвращались по домам фронтовики. Собралась за общим столом и наша семья. Месяц назад пришел с фронта зять, воевавший на Ленинградском направлении. Но не было среди нас Нины, его жены, моей сестры.

Мать в сорок четвертом похоронила дочь и двухлетнего внука, тяжело переболела сама. Ее горе и переживания

не прошли бесследно. Она перенесла несколько микроинфарктов, страдала тяжелыми приступами стенокардии.

Не было предела материнской радости. Облегченно вздохнув, она то и дело повторяла:

— Дождалась. Все вернулись. Может, теперь душа моя успокоится.

Встреча ветеранов ХППГ-5148 во Львове 30 лет спустя
после Победы

Постепенно налаживались мирная жизнь, работа и переписка с друзьями. Правда, многие из спутников разъехались, и судьба их до сих пор неизвестна мне. А вот мы, живущие поблизости, в скором времени разыскали друг друга и стали встречаться.

В начале сорок шестого приехала ко мне из Лысьвы Клавдия Степановна. Еще до войны она учительствовала.

Теперь зашла с радостным известием: принята в университет, на заочное отделение филологического. Осуществила свою мечту!

И настал день, когда Клава вихрем ворвалась в мою комнату и закружила, размахивая дипломом в красных корочках. Университет окончен с отличием!

Лет пять спустя после окончания войны неожиданная встреча произошла у меня с Валентиной Лашук. Она всю войну переписывалась с фронтовым другом, оказавшимся родом из Перми. После победы они встретились и поженились. Так белорусская девушка осталась жить на Урале.

Маша Гуляева не изменила медицине. Она стала медсестрой городской детской больницы.

Я работала операционной сестрой в областной клинической.

Все послевоенные годы занимаюсь поисками фронтовых спутников. Много писала и ездила во время очередных отпусков по довоенным адресам своих подруг. Находила. Встречались.

Так в восьмидесятом году разыскала замполита Юрия Васильевича Тарана, проживающего в Полтаве.

«...Слов не найду, чтобы выразить свою радость, получив от тебя весточку. Как же ты нашла меня, маленькая? Просто диву даюсь. Спасибо тебе, спасибо!..» Так начиналось его первое ответное письмо.

Из переписки с ним узнала, что после демобилизации он был направлен в один из районов Львовской области, где работал вторым секретарем райкома партии.

«...Это был второй фронт, где многие партийные работники поплатились жизнью, — вспоминает Юрий Васильевич. — Это было время разгула украинских националистов и бендеровцев...»

Только в сорок восьмом году он вернулся домой, в Полтавскую область, где продолжал работать директором средней школы до выхода на пенсию.

«Дорогие мои товарищи, — обращался он в письмах, — я испытываю великую радость, узнав о вашей судьбе. Я часто думал о вас, какими же вы были стойкими и трудолюбивыми, несмотря на молодость. Восхищался вашим упорством и выносливостью, но не мог тогда похвалить, сказать то, что думал. А теперь, пусть через многие годы, скажу: хвала вам великая за все прошлое. За то, что вы были и есть. А главное — остались верными фронтовой дружбе, и надеюсь, что это на всю жизнь...»

В течение многих лет Клавдия Степановна навещала нашего начальника, Ефима Яковлевича Темкина, жившего в Ленинграде. Все мы очень сожалеем о том, что в послевоенные годы не успели с ним встретиться. Он ушел из жизни в шестидесятых годах.

Особенно долго разыскивала я Валю Бабынину. Так хотелось узнать о ее судьбе и непременно повидаться. Но удалось найти лишь ее младших сестер — Екатерину и Нину Бабыниных, живущих в Курске. Из переписки с ними узнаю, что Валюши Бабыниной давно нет в живых. А в благодарность за память о сестре Катя с Ниной захотели встретиться и познакомиться с фронтовыми подругами Вали. На первой же встрече, в Витебске, в восемьдесят первом году, высказали свое искреннее желание — принимать участие во всех наших ежегодно проводимых встречах. С тех пор они держат данное слово.

Шура Гладких выбыла из госпиталя по болезни в конце сорок четвертого года. Тяжелые условия войны подорвали ее здоровье, а ослабленный организм не смог справиться с коварным недугом. В сорок шестом, первом же послевоенном году, не стало нашей подруги, веселой и жизнерадостной девушки.

В деревне Заболото Пермского района, где она жила и училась, ее знали и помнили как хорошую ученицу, активную пионерку и комсомолку. Когда в школе готовились к торжествам, посвященным двадцатилетию со Дня Победы, среди преподавателей и учащихся шел разговор о том,

чтобы разыскать фронтовиков, бывших учащихся этой школы. Одной из первых учениц была названа участница Великой Отечественной войны Шура Гладких. И пусть она была обыкновенной девушкой, не успевшей совершить в жизни чего-то выдающегося, погибнув в двадцать три года, пионерская дружина этой школы названа ее именем.

В течение многих лет шефствовала над Заболотской школой одна из первых комсомолок Пермской губернии Екатерина Петровна Крылова. Она разыскала нас, фронтовых подруг Шуры, рассказала о дружине, о ребятах и их делах. Узнав об этом событии, все мы безмерно были рады и благодарны преподавателям и учащимся за память о нашей лучшей подруге военных лет.

Так с двадцатилетия Победы я держу постоянную связь с пионерами дружины, присутствую на торжественных сборах, делаясь воспоминаниями о Шуре, о пройденном коллективом госпиталя трудном пути. Пионеры школы приняли меня в ряды пионерской дружины имени фронтовой подруги.

У старого здания школы, где училась Шура, я увидела ее березку, о которой она рассказывала еще в сорок третьем, на Курской дуге. Теперь передо мной стояло огромное, ветвистое дерево. Шура не успела осуществить мечту — восстановить срубленные ею деревца во время войны. Она сама оказалась скошенной болезнью, как молодая березка осколком бомбы, но в память о ней вокруг новой школы растут и весело шумят десятки молодых деревьев, посаженных руками учащихся.

Хочется рассказать и о наших бывших пациентах. В первые послевоенные годы я получала множество писем от побывавших в госпитале раненых, неведь откуда узнавших домашний адрес. А чтобы вспомнила, кто пишет, иной возьмет и вышлет свою фотографию. Произошло несколько случайных встреч.

— Здравия желаю, сестренка, — поприветствовал один

при встрече. — Вы меня, конечно, не помните. Нас, ваших пациентов, было очень много...

А вот сотрудник УВД лейтенант Некрасов, узнав меня, сказал:

— Вы из полевого госпиталя подполковника Темкина. Я лежал у вас дважды.

Встреча с Некрасовым произошла в пятидесятых годах, лет через восемь после окончания войны. Но вот о встрече через тридцать восемь лет я, конечно, не могла и думать.

Участники армейской встречи, посвященной 40-летию форсирования Днепра и освобождения Киева. В первом ряду (справа налево): Н. Е. Дунаевский, В. П. Чигогидзе и Д. А. Одоев, бывший пациент ХППГ, встреча с которым состоялась в Киеве через 38 лет

В ноябре восемьдесят третьего года в столице Украины проходили торжества, посвященные сорокалетию форсирования Днепра и освобождения Киева. Со всех концов страны съезжались приглашенные гости, участники памятных сражений, в том числе и ветераны 38-й армии и медработники полевых госпиталей. И надо же было так распорядиться судьбе, чтобы столько лет спустя смогли здесь встретиться бывший раненый, приехавший из Севастополя, и медицинская сестра, перевязывавшая его в сорок пятом.

Командир противотанкового артиллерийского полка подполковник Одоев был ранен при освобождении чехословацкого города Оставы. Наш госпиталь дислоцировался в то время на расстоянии тридцати километров, в Ратиборе. Туда-то и привезли Дмитрия Архиповича, где пришлось мне его перевязывать.

Осколком снаряда вырвало мышцы бедра. При снятии повязки открывалась обширная зияющая рана. Состояние было тяжелым. Большая потеря крови. Молча лежал в палате, ни звука не произносил и в перевязочной. Только каждый раз скромно просил, чтобы и следующую перевязку сделала ему я.

Подлечили его. Перелили кровь. Когда улучшилось состояние, отправили в тыл. Дмитрий Архипович запомнил мое имя и фамилию. На встречах с однополчанами интересовался, не знает ли кто медсестру Любу Никулину. Так было и в Киеве.

— Товарищ подполковник, а эта сестра здесь, с нами, — неожиданно сообщил ему Николай Дунаевский, присутствовавший при этом разговоре.

— Неужели?! Это невероятно! — растерянно произнес бывший пациент. Рыдания вырвались у старого солдата. Тяжелое время вспомнил.

— Как долго я тебя искал! И теперь, много лет спустя, говорю спасибо за сочувствие, какое ты проявляла к раненым.

— Спасибо и вам, товарищ подполковник, и всем тем, кто помнит о нас так долго, — поблагодарила и я, не менее взволнованная неожиданной встречей.

Длинна и трудна оказалась военная биография командира артполка Одоева. Еще до войны окончил Ленинградское артиллерийское училище. Войну встретил командиром батареи под Брестом. Испытал горечь отступления. Дрался под Сталинградом и на Курской дуге. Принимал участие в форсировании Днепра и освобождении Киева. Освободил Польшу и Чехословакию. Дважды был ранен. А как воевал, видно по множеству высоких наград, таких, как орден Ленина, два ордена Александра Невского, три ордена Отечественной войны, орден Красного Знамени и другие.

В настоящее время Дмитрий Архипович ведет активную военно-патриотическую работу, являясь председателем секции Советского комитета ветеранов войны города Севастополя.

На Октябрьской площади города Перми звучат веселые марши. Юнармейцы готовятся к параду, посвященному Дню Победы. К этому времени со всех сторон спешат сюда люди. И молодые, и пожилые, и дети.

Почти одновременно в условленное место навстречу друг другу с цветами в руках идут бывшие фронтовые подруги. Это Валя Лашук, Миля Бойкова и Маша Гуляева, живущие в Перми, и, приехавшие из других мест, Надя Жукова, бывшая работница аптеки, Шура Нижегородова и другие.

Валя все послевоенные годы, до выхода на заслуженный отдых, трудилась в инфекционной больнице старшей сестрой отделения. Миля Бойкова, переквалифицировавшись, много лет работала рентгентехником-лаборантом. У Нади Жуковой не сбылась мечта — получить специальность фармацевта, и она стала швеей. Шура Нижегородова по-преж-

нему живет в городе Березники и продолжает работать в родильном доме.

Нас ожидало еще несколько радостных встреч. В Пермь прибыла из Москвы Вера Петровна Чигогидзе, а из Львова прилетели Оксана Драченко и Николай Дунаевский, которые после войны, соединив свои судьбы, стали супругами.

Вера Петровна несколько лет продолжала лечить раненых воинов в госпиталях Ленинграда, а затем переехала в Москву.

На долю супругов Дунаевских выпали нелегкие жизнен-

Фронтная дружба продолжается. К. Е. Драченко, Н. Е. Дунаевский, Л. А. Никулина в 1944 году и 32 года спустя при встрече во Львове →

ные испытания. Расставшись с коллективом госпиталя в сорок четвертом, Николай по дорогам войны, в составе боевых частей, прошел до победы. Перенес два тяжелых ранения. А после войны ему, офицеру Советской Армии, еще полтора десятка лет пришлось нести военную службу. Пять тревожных лет провели они с Оксаной в Германии и не менее беспокойные годы во Львове, где недобитые бендеровцы и отъявленные националисты продолжали устраивать беспорядки.

Бывший лейтенант, а теперь майор в отставке, преподаватель одной из школ города Львова, Николай Ефимович

в первом ответном письме написал мне: «...Кроме фронтовых невзгод, нам пришлось перенести трудности и лишения послевоенного времени. Не все смогли пережить эти годы, чтобы сейчас порадоваться счастливой возможности повстречаться с друзьями, вспомнить былые походы. И нельзя откладывать эту возможность. Мы летим к вам!» Это было десять лет назад. С тех пор мы встречаемся ежегодно. И вот новая встреча.

Дунаевские, радостные, взволнованные, спускаются по трапу самолета и идут к нам навстречу...

Несколько позднее в аэропорт прибыли заведующая аптекой Ревекка Абрамовна Рудина из Витебска, а из Запорожья — все такая же веселая и обаятельная — Людмила Владимировна Гузенко.

Все послевоенные годы обе фронтовички продолжали работать по специальности. Людмила Владимировна преподавала и по сей день учит премудростям своей профессии учащихся ПТУ Запорожья.

Гости, увлеченные воспоминаниями, оживленно беседуют, разглядывая альбомы с фотографиями...

Звучат музыка, песни военных лет, напоминая о том далеком времени, где когда-то была «не страшна нам бомбежка любая».

— Милые мои подруги, дорогие друзья, как я рада видеть вас у себя. Пусть через много лет, а все же сбылась наша мечта о послевоенной встрече. Рада видеть вас бодрыми и такими же красивыми, как сорок лет назад. Только более возмужавшими и чуть поседевшими. Но наша сядина — не беда, а гордость...

Вспомнили о суровой, но прекрасной поре юности. Радостная и вместе с тем грустная минута. И не грех, что на глазах ветеранов слезы. Плачь, солдат, не стесняйся. Теперь это слезы радости.

Каждый рассказал о нелегкой судьбе, доставшейся нам и в послевоенные годы. Каждый — о своей, у кого-то сбывшейся, а у кого и несбывшейся, мечте.

— Все мы — молодцы! — сказал Николай Ефимович Дунаевский. — Никто из нас не пал духом перед трудностями ни в пору войны, ни в послевоенное время. Скромно, честно и с достоинством прожили все эти годы. Я горд за вас и счастлив, что наша встреча состоялась!

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
ИДЕТ ВОЙНА НАРОДНАЯ	7
На фронт!	7
В добрый путь!	20
На Курской дуге	35
В санпоезде	51
Ура, Киев свободен!	59
Эх, дороги, дороги...	72
В опасности	86
Полевой подвижной и его личный состав	103
Нынче у нас передышка	114
В госпитальных палатах	124
ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОДИНЫ	145
В Польше	145
На земле Германии	157
По Чехословакии	168
Здравствуй, Родина!	176
Заключение	184

Любовь Алексеевна Буткевич

СОЛДАТЫ МИЛОСЕРДИЯ

Записки фронтовой медсестры

Рецензенты А. Хорьков, В. Селезнева

Художник В. Остапенко

Заведующий редакцией М. Первов

Редактор О. Ханжина

Младший редактор Л. Псарева

Художественный редактор Т. Ключарева

Технический редактор В. Чувашов

Корректор Г. Борсук

ИБ № 1708

Сдано в набор 27. 11. 86. Подписано в печать 10. 02. 87.
ЛБ06024. Формат 70×108^{1/32}. Бум. тип. № 2. Гар-
нитура журн.-рубленая. Печать высокая. Усл. печ.
л. 8,75. Усл. кр.-отт. 10,49. Уч.-изд. л. 8,941. Тираж
15 000 экз. Заказ № 967. Цена 55 к.
Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь,
ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2
управления издательства, полиграфии и книжной тор-
говли. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Буткевич Л. А.

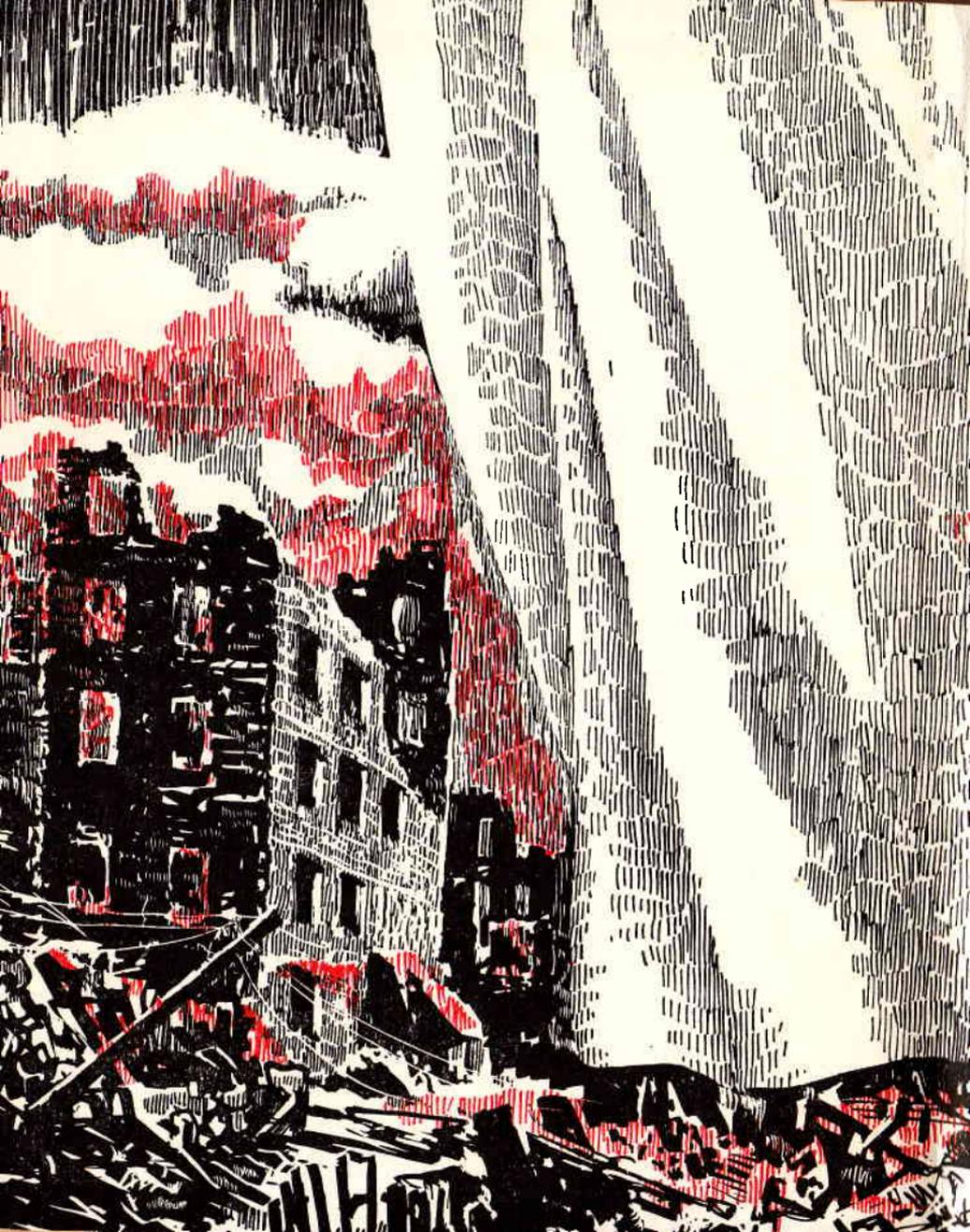
Б93 Солдаты милосердия: Записки фронтовой медсестры. — Пермь: Кн. изд-во, 1987. — 195 с.

Воспоминания бывшей фронтовой медицинской сестры о работе в военном полевом госпитале легли в основу этой книги.

Б 0505030202—24
М152(03)—87

Без объявл.

ББК 63.3(2)722.78

55.000.